

ISSN 2587-6503

<http://kigiran.com>

БЮЛЛЕТЕНЬ

КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

2020`2

Кермен Толга

Djangan
Barin

Scanned by ESI Digital Globe
Сканировано EarthStar

ISSN 2587-6503 (Print)

Бюллетень
Калмыцкого научного центра РАН
Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

2020. № 2

**Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН /
Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS**

Издается с 2017 г.

Выходит 4 раза в год.
ISSN 2587-6503 (Print)

№ 2. 2020.

Журнал «**Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН**» («**Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS**») зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № ФС77-77946 от 19.02.2020.

Журнал «**Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН**» («**Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS**») — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований в области исторических, филологических и социологических наук. Журнал предоставляет возможность познакомиться с оригинальными результатами новейших фундаментальных и прикладных исследований российских и зарубежных авторов по наиболее актуальным проблемам. В издании публикуются научные работы по определенной тематике: источниковедению, археологии, фольклористике и литературоведению, социальной структуре, социальным институтам и процессам, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала.

Журнал публикует статьи на русском, английском,
калмыцком и монгольском языках.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Подписной индекс в каталоге Агентства ОАО «Роспечать»
(газеты, журналы 39464).

Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

Published since 2017.

Issued 4 times per year.

ISSN 2587-6503 (Print)

2020. No. 2.

The journal Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media, reg. certificate ПИ № ФС77-77946 of 19 February 2020.

The Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS is a peer-reviewed open access periodical that publishes results of comprehensive historical, philological, and sociological studies. The journal introduces original outcomes of contemporary fundamental and applied explorations conducted by Russian and foreign authors on the most topical issues. The publication focuses on a range of disciplines and themes as follows: source studies, archaeology, folklore and literary studies, social structure, social institutions and processes, and review articles by leading experts the journal specializes in.

The journal publishes articles in Russian, English, Kalmyk, and Mongolian.

Indexed with Russian Science Citation Index.

Subscription code (Rospechat Agency) – 39464 (newspapers, journals).

Главный редактор

канд. фил. наук

В. В. Куканова

Редколлегия:

Арутюнов С. А., чл.-корр. РАН; *Бакаева Э. П.*, д-р ист. наук;
Бичеев Б. А., д-р филос. наук; *Бурыкин А. А.*, д-р ист. наук;
Ванчигова Ц. П., д-р ист. наук; *Дампилова Л. С.*, д-р фил. наук;
Денисова Г. С., д-р соц. наук; *Дулина Н. В.*, д-р соц. наук;
Иванова И. Н., д-р фил. наук; *Жуковская Н. Л.*, д-р ист. наук;
Казиева А. М., д-р фил. наук; *Кольцов П. М.*, д-р ист. наук;
Команджаев А. Н., д-р ист. наук; *Кринко Е. Ф.*, д-р ист. наук;
Кляус В. Л., д-р фил. наук; *Лушиников Д. А.*, д-р соц. наук;
Манджиева Б. Б., канд. фил. наук; *Музраева Д. Н.*, канд. фил. наук;
Намруева Л.В., канд. соц. наук; *Очиров У. Б.*, д-р ист. наук;
Очир-Горяева М. А., д-р ист. наук; *Пюрбеев Г. Ц.*, д-р фил. наук;
Ситдиков А. Г., д-р ист. наук; *Сыртыпова С.-Х. Д.*, д-р ист. наук;
Фокин А. А., д-р фил. наук; *Хабунова Е. Э.*, д-р фил. наук;
Ханинова Р. М., канд. фил. наук

Публикация данного номера журнала осуществляется в рамках проекта РФФИ № 20-09-22004 и гранта Правительства РФ № 075-15-2019-1879

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,

Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: kigiran@mail.ru

сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/field>

© КалмНЦ РАН, 2020

© Коллектив авторов, 2020

Editor-in-Chief

V. V. Kukanova,
Cand. Sc. (Philology)

Editorial Board:

Arutyunov S. A., Corresponding Member of the RAS;
Bakaeva E. P., Dr. Sc. (History);
Bicheev B. A., Dr. Sc. (Philosophy); *Burykin A. A.*, Dr. Sc. (History);
Vanchikova Ts. P., Dr. Sc. (History); *Dampilova L. S.*, Dr. Sc. (Philology);
Denisova G. C., Dr. Sc. (Sociology); *Dulina N. V.*, Dr. Sc. (Sociology);
Ivanova I. N., Dr. Sc. (Philology); *Zhukovskaya N. L.*, Dr. Sc. (History);
Kazieva A. M., Dr. Sc. (Philology); *Koltsov P. M.*, Dr. Sc. (History);
Komandzhaeva A. N., Dr. Sc. (History); *Krinko E. F.*, Dr. Sc. (History);
Klyaus V. L., Dr. Sc. (Philology); *Lushnikov D. A.*, Dr. Sc. (Sociology);
Mandzhieva B. B., Cand. Sc. (Philology); *Muzraeva D. N.*, Cand. Sc.
(Philology); *Namrueva L. V.*, Cand. Sc. (Sociology);
Ochirov U. B., Dr. Sc. (History); *Ochir-Goryaeva M. A.*, Dr. Sc. (History);
Pyurbeev G. Ts., Dr. Sc. (Philology); *Sitdikov A. G.*, Dr. Sc. (History);
Syrtypova S.-Kh. D., Dr. Sc. (History); *Fokin A. A.*, Dr. Sc. (Philology);
Khabunova E. E., Dr. Sc. (Philology);
Khaninova R. M., Cand. Sc. (Philology)

Publication of the current issue was funded by RFBR (project no. 20-09-22004) and Government of Russia (grant no. 075-15-2019-1879).

Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:

Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Address of the Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:
8, Ilishkin St., Elista 358000,
Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone no.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: kigiran@mail.ru

Website: <http://kigiran.com/pubs/index.php/field>

© KalmSC RAS, 2020

© Composite authors, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

- Очир-Горяева М. А., Кекеев Э. А., Буратаев Е. Г.** Ут Сала — курганная группа-гигант Ергенинской возвышенности . . . 10
- Бембеева Л. А.** Первые шаги по созданию фондохранилища антропологического и археозоологического материала КалмНЦ РАН 29

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Манджикова Л. Б.** Рукопись Т. А. Бурдуковой «Программа занятий по монгольскому и ойратскому языкам» 49

ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Нанжид Бямбаахуу.** Жангар тууль дахь зарим үг хэллэгийн харьцуулсан судалгаа (Халимаг Монгол хөрвүүлгийн жишээ дээр) (= Сопоставительное исследование некоторых оборотов речи в эпосе «Джангар» (на примере калмыцкого и монгольского переводов)) 68
- Цеценбат, Хабунова Е. Э.** Миф о рождении Гесера в мир (сравнительный анализ с текстом «Рамаяны» и биографией Будды) 78
- Носов Д. А., Сичинбат.** Элементы волшебной сказки в цикле рассказов о Мастере-Аргачи 100
- Менгкай Буудангийн.** Устные предания о происхождении эпоса «Джангар» сказителя Дж. Джуны 111
- Бага Даржагийн.** Монгол домог дахь Мин улсын хаадын өгүүлэмж (=Устные предания монголов о правителях династии Мин) 139
- Бичеев Б. А.** Калмыцкий сборник обрамленных рассказов «Волшебный мертвец» 153
- Бичеев Б. А., Дамринджав Бальджин.** О двух сборниках обрамленных рассказов «Волшебного мертвеца» 166

Карлюкевич А. Н., Ханинова Р. М. Калмыцко-белорусские литературные связи XX–XXI вв.	183
Топалова Д. Ю. События Гражданской войны в рассказах калмыцкого писателя-эмигранта С. Балыкова	198
Баваева О. К. Выразительные средства в поэзии Давида Кугультинова (на примере стихотворений из сборника «Шүүһэд барлсн шүлгүд»)	216
Сарангаева Ж. Н. Об особенностях поэтического перевода на английский язык (на материале стихотворения Риммы Ханиновой «Им снилась степь в раздолье ковыля...»)	225

Социология

Намруева Л.В. Многоукладность в сельских сообществах Калмыкии (по итогам анкетного опроса 2019 г.)	238
---	-----

CONTENT

ARCHEOLOGY

- Ochir-Goryaeva M. A., Kekeev E.A., Burataev E. G.** Ut Sala – Mound Giant-Group of the Ergeninskiy Height 10
- Bembeeva L. A.** The First Steps to Creating a Storage Facility for Anthropological and Archaeo-zoological Materials of the KalmSC RAS 29

SOURCE STUDIES

- Mandzhikova L. B.** Manuscript by T. A. Burdukova “Mongolian and Oirat Language Study Program” 49

FOLKLORISTICS AND LITERATURE STUDIES

- Nanjid Byambaakhuu.** Comparative study of some turns of phrase in the epos “Jangar” (on the example of Kalmyk and Mongolian translations) 68
- Tsetsenbat, Khabunova E. E.** The Myth of Geser’s Birth into the World (Comparative Analysis with the Ramayana Texts and the Biography of Buddha) 78
- Nosov D. A. , Siqinbatu.** Elements of a Fairy Tale in a Series of Stories about the Master-Argachi 100
- Mengkai.** Oral Legends about the Origin of the Epos «Jangar» by the Storyteller J. Juna 111
- Bata Darzhagiin.** Oral Legends of the Mongols about the Rulers of the Ming Dynasty 139
- Bicheev B. A.** Kalmyk Collection of Framed Stories «The Magic Dead» 153
- Bicheev B. A., Danbuer Jiafu.** About Two Collections of Framed Stories «The Magic Dead» 166

Karlyukevich A. N., Khaninova R. M. Kalmyk-Belarusian Literary Ties of the XX – XXI centuries	183
Topalova D. Yu. The Civil War Events in the Stories of the Kalmyk Writer-Emigrant S. Balykov	198
Bavaeva O. K. Expressive Means in the Poetry of David Kulgutinov (on the Example of Poems from the Collection “Shyghäd barlsn shylygd”)	216
Sarangaeva Z. N. On the peculiarities of poetry translation into English (on the material of the poem by Rimma Khaninova «They dreamed of feather grass beneath their feet...»)	225

SOCIOLOGY

Namrueva L. V. The diversity of the rural communities in Republic of Kalmykia (based on the results of the 2019 questionnaire)	238
---	-----

УДК 903.5+397.4

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-10-28

Ут Сала — курганная группа-гигант Ергенинской возвышенности

*Мария Александровна Очир-Горяева*¹,
*Эрдни Анатольевич Кекеев*², *Евгений Гаврилович Буратаев*³

¹ Калмыцкий научный центр РАН
(д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
E-mail: mariaochir@gmail.com

² Калмыцкий научный центр РАН
(д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
научный сотрудник
E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

³ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
научный сотрудник
E-mail: burataev1981@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Очир-Горяева М. А., Кекеев Э. А., Буратаев Е. Г., 2020

Аннотация. В рамках плановой темы Калмыцкого научного центра РАН ведутся комплексные работы, которые включают в себя археологические раскопки новых памятников археологии, таких как городища Башанта-I и Башанта-II эпохи Хазарского каганата, а также изучение памятников, которые обычно выпадают из фокуса научных исследований. Это относится к памятникам, некогда раскопанным и оставленным без дальнейшего специализированного изучения и публикации. Наряду с острой необходимостью ввода в научный оборот памятников, раскопанных в прошлом веке, их комплексного дополнительного изучения современными методами и публикации, не менее остро стоит проблема изучения нераскопанных, неизученных и не включенных в государственный реестр археологических памятников. Фиксация этих памятников, описание, до-

кументация и ввод в списки охраняемых объектов культурного наследия являются гарантией их сохранности. Авторами статьи в течение ряда лет ведутся планомерные исследования в данном направлении. Данная статья посвящена результатам изучения курганной группы Ут Сала, в состав которой входит 171 курган.

Ключевые слова: волго-маньчские степи, Республика Калмыкия, курганы, погребения, охрана памятников, неразрушающие методы

Благодарность. Исследование проведено при поддержке государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (АААА-А-19-119011490038-5).

Для цитирования: Очир-Горяева М. А., Кекеев Э. А., Буратаев Е. Г. Ут Сала — курганная группа-гигант Ергенинской возвышенности // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 2. С. 10–28. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-10-28

UDC 903.5+397.4

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-10-28

Ut Sala – Mound Giant-Group of the Ergenskiy Height

Maria A. Ochir-Goryaeva¹, Erdni A. Kekeev², Evgeny G. Burataev³

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS
(8, Ilshkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Dr. Sc (History), Chief Research Associate
E-mail: mariaochir@gmail.com

² Kalmyk Scientific Center of the RAS
(8, Ilshkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Research Associate
E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

³ Kalmyk Scientific Center of the RAS
(8, Ilshkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Research Associate
E-mail: burataev1981@mail.ru

Abstract. Under the scope of the scheduled activities of the Kalmyk Scientific Center of the RAS there are complex works including archaeological excavation works of the new archaeological sites – Bashanta I and Bashanta II settlements of the Khazar Khaganate era, and also the exploration of the monuments that are often out of the focus of research. This refers to the sites that have once been excavated and left without further special investigation and publications. Alongside with the urgent need for the introduction of the sites excavated in the last century and their further additional comprehensive research using the modern methods and publications, there is no less urgent problem of the exploration of the archaeological sites that have not been excavated, explored and recorded in the state register. The recording, describing, documenting and including these sites to the list of protected objects of cultural heritage is the guarantee of their preservation. The authors of the article have been conducting systematic research in this field. The given article deals with the results of the study of the mound group Ut Sala that includes 171 mounds.

Keywords: Volga-Manych steppes, Republic of Kalmykia, mounds, burials, preservation of monuments, non-destructive methods

Acknowledgement. The research was conducted under the scope of government grant – the project “An Integrated Research of Socio-political and Cultural Development Processes of people from the South of Russia (state registration number AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Ochir-Goryaeva M. A., Kekeev E. A., Burataev E. G. Ut Sala – Mound Giant-Group of the Ergeninskiy Height. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 2. Pp. 10–28 DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-10-28

Введение

Республика Калмыкия занимает немалую территорию — 74,7 тыс. км, что почти в два раза больше территории таких европейских стран, как Дания, Голландия, и незначительно меньше площади средней по европейским меркам Австрии. Географически территория, занимаемая республикой в ее сегодняшних границах, которые были установлены после 1957 г. в результате восстано-

ния республики, включает аридные степи на правом берегу Волги в ее нижнем течении до р. Маныч (45–48 северной широты и 44–47 восточной долготы). Плотность населения республики была всегда низкой и колебалась между 2,4 чел./км² в 1924 г. до 4,3 чел./км² в 1989 г., согласно последней Всесоюзной переписи [Борисенко, Убушиева 2000: 57, 78]. В постперестроечный период плотность населения снизилась в очередной раз — до 3,63 чел./км² [Росстат 2020].

В доиндустриальные эпохи и на современном этапе полупустынный ландшафт и резконтинентальный климат вынуждали население к ведению хозяйства с преобладанием скотоводства. Скотоводство, особенно с круглогодичным выпасом скота, как отрасль хозяйства не только не нарушало, но в известной мере способствовало сохранению исторического ландшафта, частью которого являются археологические памятники. Коренное население республики — калмыки занимались кочевым скотоводством практически до начала 30-х гг. XX в. Немногочисленное русское и украинское население — это потомки представителей крестьянской колонизации во второй половине XIX в., которые вели оседлый образ жизни, а также занимались скотоводческим или рыболовецким хозяйством с небольшой долей земледелия, огородничества и садоводства [Белоусов 1992]. Едва начатое с момента принудительного массового оседания калмыков в 1930-е гг. хозяйственное строительство, связанное с землеустроительными работами, было прервано Великой Отечественной войной и депортацией коренного населения республики в 1943 г. В течение тринадцати лет ссылки калмыков хозяйственная деятельность на землях ликвидированной республики почти не велась, и территории использовались лишь как отгонные пастбища для соседних регионов. Только после возвращения калмыков, к середине 1960-х гг., развернулось по-настоящему хозяйственное освоение территории республики. Длилось оно по историческим меркам совсем недолго — немногим более двадцати лет. При этом скотоводческая направленность хозяйственной деятельности сохранилась. Перестройка и экономические трудности постперестроечного пе-

риода привели к полной остановке землеустроительной деятельности, и даже скотоводство велось в ограниченных масштабах. В силу указанных выше особенностей природных и экологических условий, низкой плотности населения, традиционного скотоводческого хозяйства коренного населения и не столь интенсивного антропогенного воздействия в современности, территория Республики Калмыкия отличается по сравнению с соседними областями большей насыщенностью сохранившихся нетронутыми, в первоизданном виде, памятников археологии — некрополей древнего населения — степных курганов. В других регионах восточноевропейских степей интенсивное земледелие и развитие индустрии привели к исчезновению значительного количества археологических памятников. В официальные документы республики попали данные (по утверждению работников Министерства культуры и туризма Калмыкии, эти данные были поданы Е. В. Цуцкиным), что в Калмыкии насчитывается около 200 тысяч археологических памятников [Государственная охрана памятников 2003: 22]. По мнению специалистов Научно-производственного центра Волгоградской области, имеющих опыт сплошного обследования и заканчивающих работу по составлению Археологической карты, показатель в 200 тыс. явно завышен, как минимум в несколько раз [Назаров 1997: 14]. Тем не менее, можно считать, что количество памятников археологии на территории республики, по подсчетам и поправкам специалистов, составляет десятки тысяч памятников. Именно эти сохранившиеся в своем первоизданном виде курганы и являются главным археологическим наследием республики. В ходе проведения различных археологических работ нами были зафиксированы и замерены несколько курганных групп, как мы их называем, — гигантов, протянувшихся иногда на десятки километров.

Основная часть

Данная статья посвящена результатам изучения одного из таких гигантов — курганной группы Ут Сала, состоящей из 171 кургана. Группа расположена на высоком гребне в южной части Ерге-

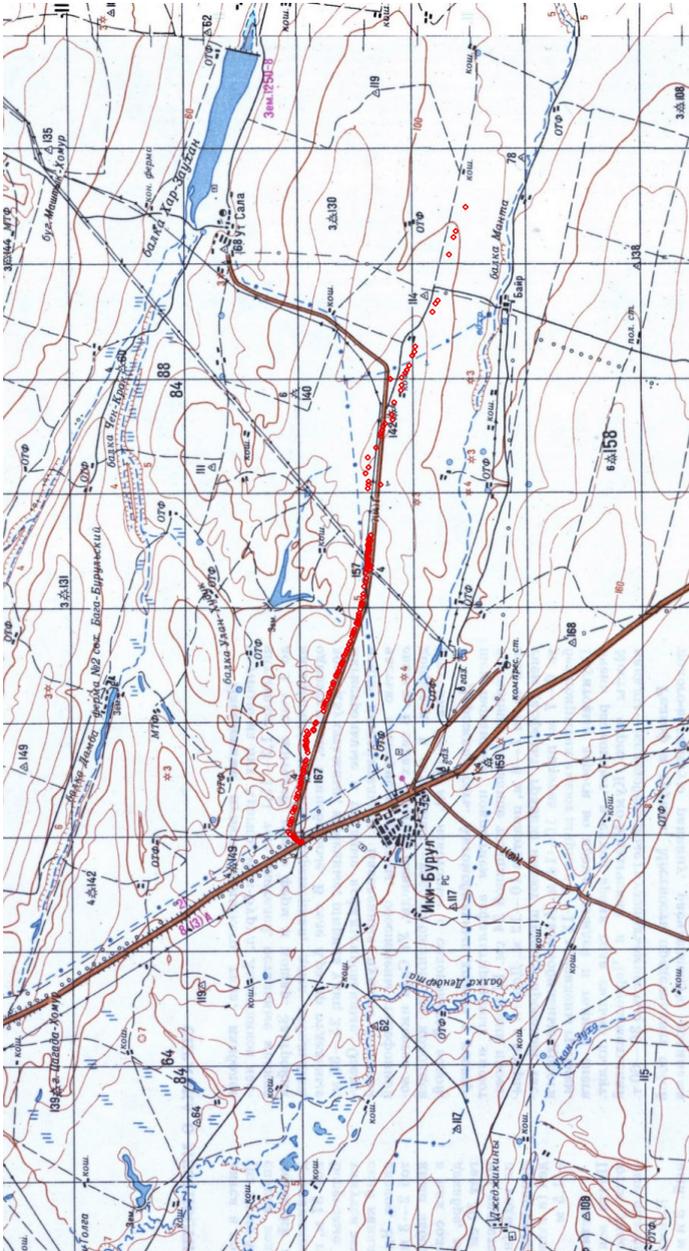

Рис. 1. Курганная группа Ут сала. Карта.

нинской возвышенности, на территории Ики-Бурульского района (рис. 1).

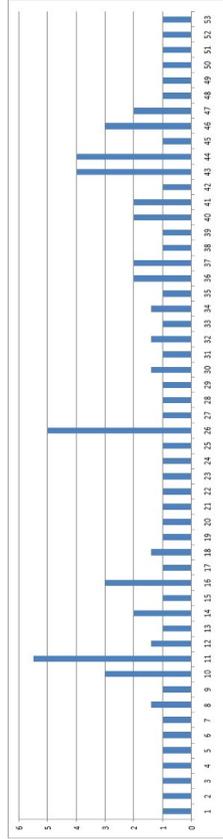
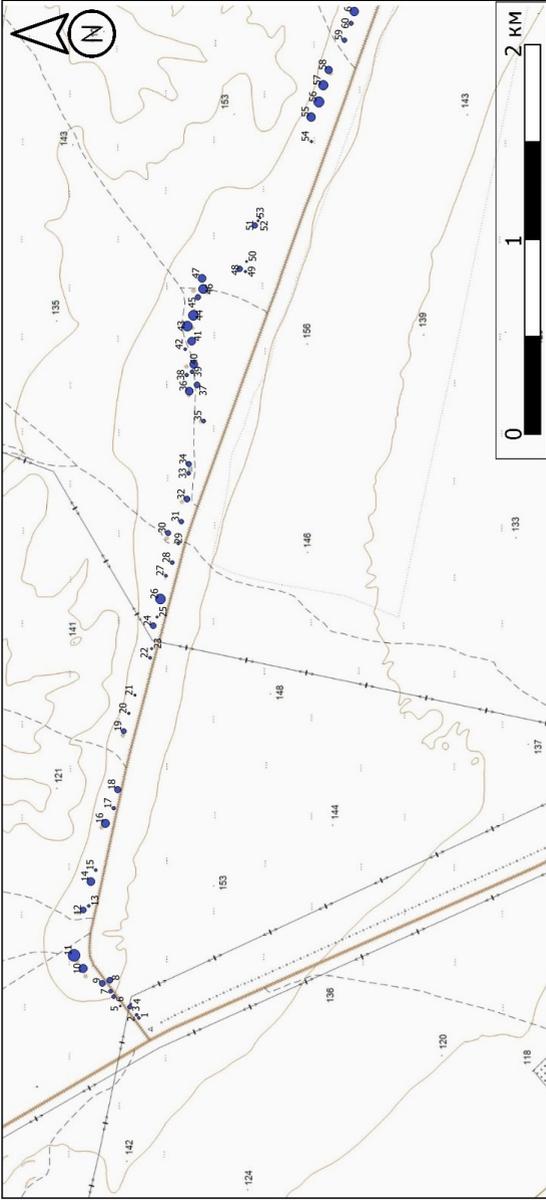
Ергенинская возвышенность как продолжение Приволжской возвышенности служит водоразделом бассейнов Дона и Волги и представляет собой невысокую асимметричную эрозионно-возвышенную равнину, осложненную балками и оврагами. Ергенинская возвышенность протянулась почти меридионально от Волги (в районе г. Волгограда) до долины реки Восточный Маныч. Длина возвышенности достигает 350 км, ширина — 20–50 км, высота — 160–221 м. Балки расположены широтно и находятся на расстоянии 5–10 километров друг от друга. Длина балок колеблется в пределах 20–80 км. В южной части Ергеней балки становятся намного шире (до 1 000–3 000 м) и глубже (до 100–130 м). Размеры балок свидетельствуют, что в древности здесь протекали широкие и глубокие реки. Рельеф Ергенинской возвышенности наглядно показан на карте из Атласа Калмыцкой АССР путем меридионального разреза возвышенности с севера на юг [Атлас 1974: 4]. Восточный склон Ергенинской возвышенности круто (на 70–80 м) обрывается к Прикаспийской низменности. Глубокие балки восточного склона Ергеней образуют между собой гребни в сторону Прикаспийской низменности, называемые хамурами (от калм. *хамр* ‘нос’). Протяженность этих гребней-хамуров достигает зачастую 80 км. Высокие, хорошо просматриваемые издали гребни Ергенинской возвышенности служили наиболее благоприятными местами для возведения монументальных курганных некрополей древнего населения. Одним из них является курганная группа Ут Сала.

«Ут Сала» в переводе с калмыцкого означает «длинная балка». Видимо, так называлась когда-то балка с южной стороны хребта, потому что она действительно длинная и относительно узкая. По современным картам эта балка называется Манта. Полагаем, это довольно частая ситуация, когда при составлении карт приезжими картографами имя одной из ответвлений балки было перенесено на всю балку. Курганная цепь проходит по самому высокому месту гребня, вытянутого по линии Запад – Восток с некоторым

отклонением на юг. С северной стороны склоны гребня более пологие, они переходят в обширную глубокую низменность, простирающуюся на 6,4 или 7,6 км. Если высотные отметки хребта составляют 157–167 м над уровнем моря, то глубина низменности доходит до отметок 52,8–68 м. Для человека, стоящего на гребне хребта, создается реальное ощущение, что внизу расположен обширный морской залив. Из-за резкого перепада высот, при взгляде сверху, дальние участки низменности видятся в мареве, что усиливает это ощущение. С южной стороны склоны резко уходят вниз в узкую и глубокую балку. С западной стороны асфальтовой дороги Элиста — Ики-Бурул балка расширяется и становится более пологой. Наиболее глубокие отметки здесь 82–87 м над уровнем моря. В западной широкой части этой балки расположен районный центр — п. Ики-Бурул. Водораздельный гребень является преобладающей высотой во всей округе и хорошо просматривается на многие километры. Именно это послужило причиной того, что на вершине гребня в древние эпохи были сооружены величественные курганы. Варьируя по размерам от самых больших высотой до 7 м и диаметром до 80 м до самых малозаметных на поверхности до 12 м в диаметре и высотой до 30–40 см, курганы образуют сплошную цепь вдоль вершины гребня. На протяжении 23,5 км курганы тянутся почти сплошной цепочкой. Отсчет и нумерация курганов были проведены с запада на восток, от начала проселочной дороги, проложенной от трассы Элиста — Ики-Бурул к поселку Ут Сала.

Проселочная дорога с гравийным покрытием проходит вдоль курганной цепи также по самым высоким точкам гребня. Она идет от асфальтовой дороги Элиста — Ики-Бурул строго на восток к пос. Ут Сала, расположенному в самом конце балки, в низменном месте. Дорога во многих местах близко подступает к курганам и своей глубокой колеей и высокими бортами кювета нарушает их насыпи.

По нашим подсчетам, оказались нарушенными насыпи 41 кургана. Полю большинства из них срезаны кюветом дороги с гравийным покрытием. Остальные курганы находятся в нескольких

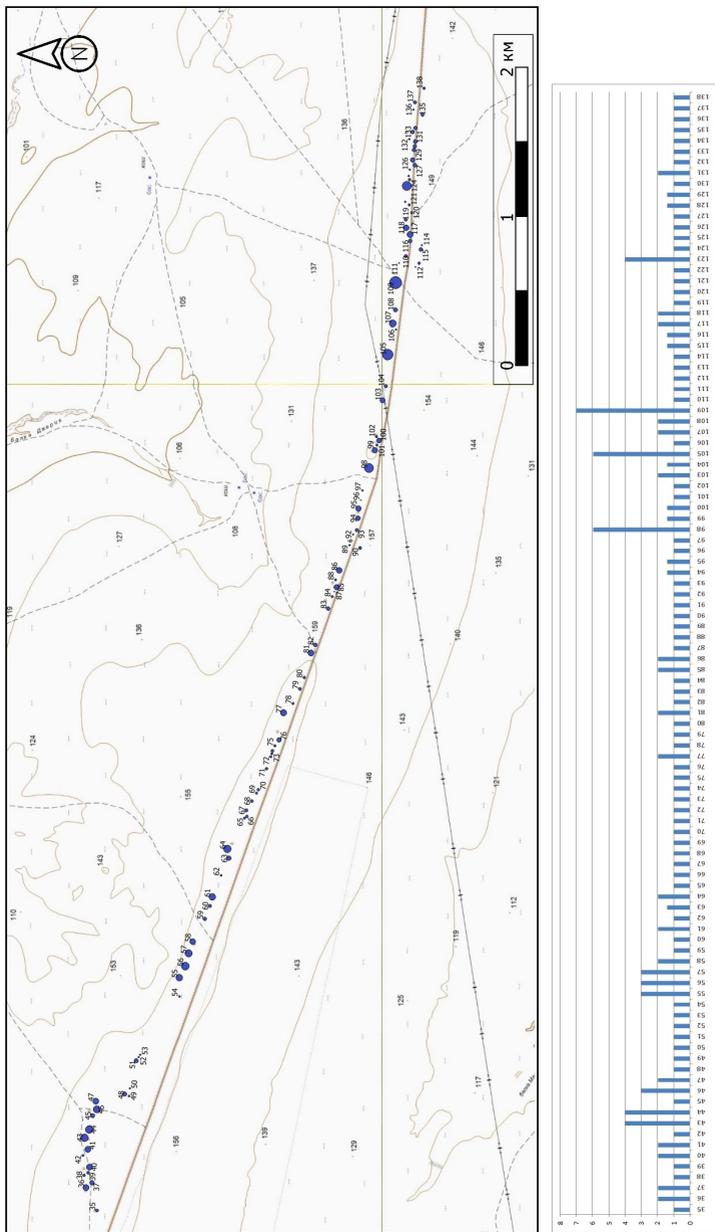

Рис. 2а-б. Курганная группа Ут сала. Ступень 1

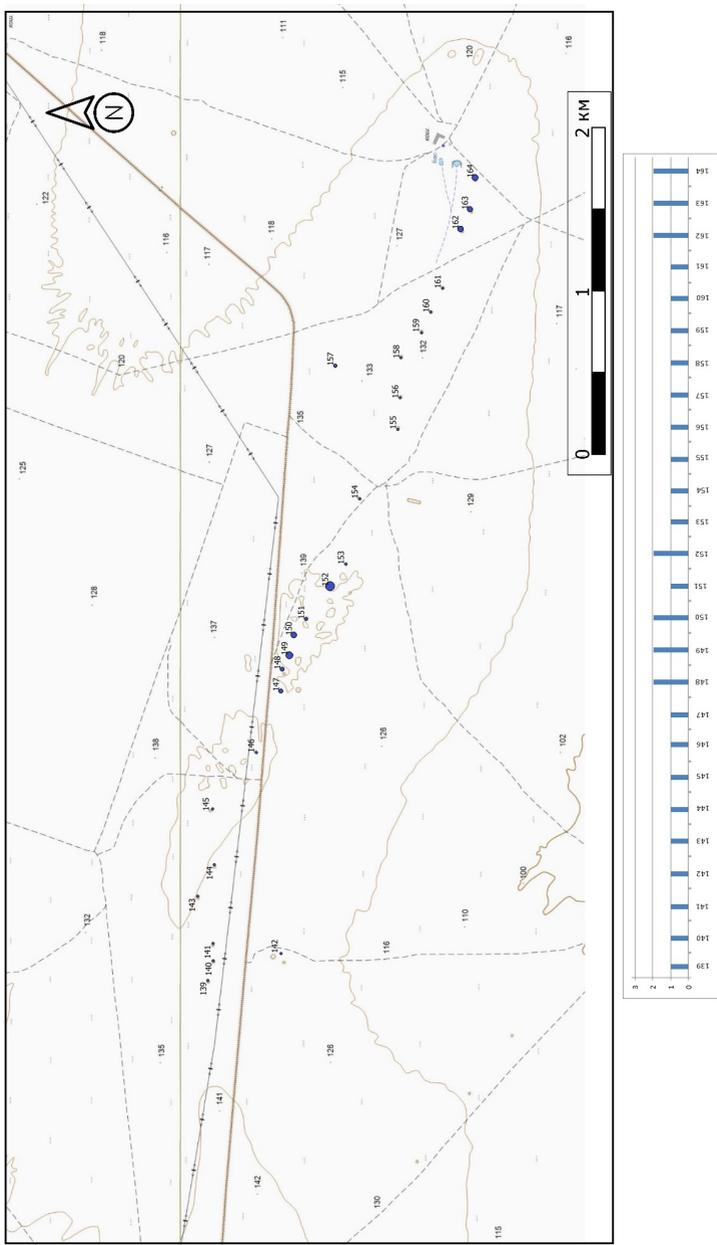

Рис. 3. Курганная группа Ут сала. Ступень 2

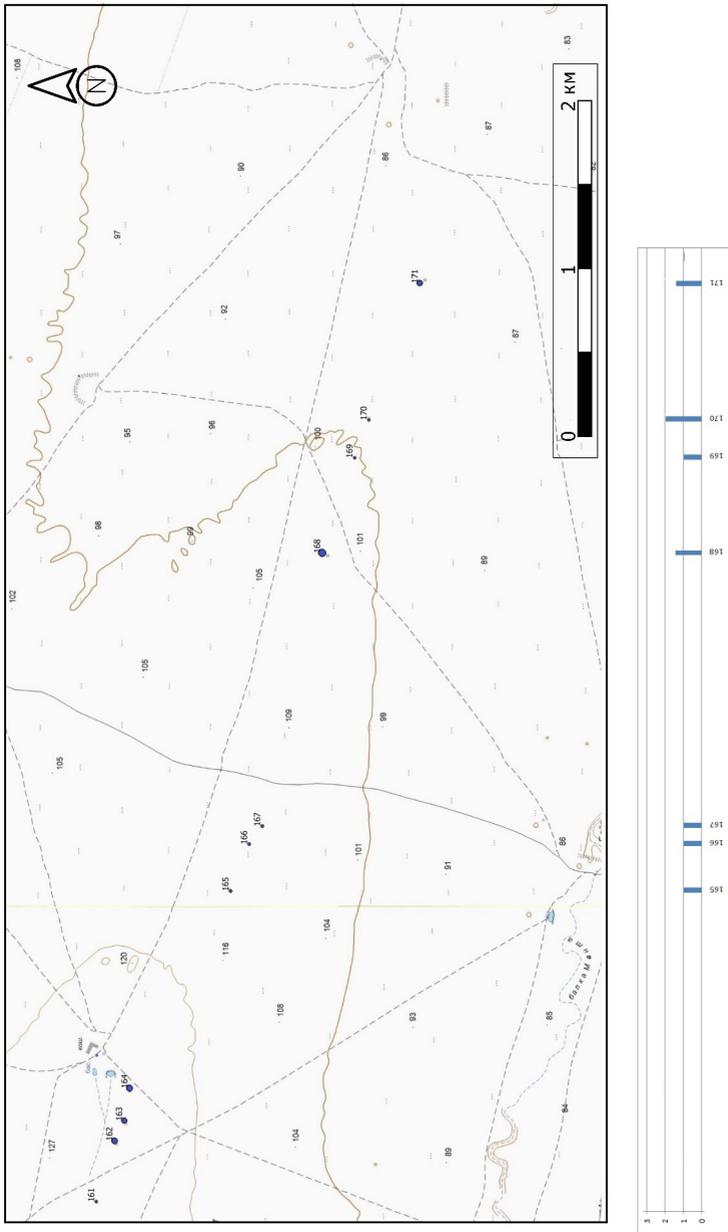

Рис. 4. Курганная группа Ут сала. Ступень 33

метрах от полотна автодороги, то есть нарушена охранная зона этих курганов. На двух курганах (№ 11 и № 98) установлены тригонометрические пункты.

Цепочка курганов строго следует наиболее высоким точкам гребня, которая прослеживается на карте в виде замкнутой изолинии, вычерчивающей узкую и длинную полосу. Гребень в восточном направлении теряет свою высоту не постепенно, а как бы ступенями-плато. Участки перехода с одной ступени-плато на другую, то есть склоны ступеней, были оставлены без курганов, поэтому эти участки соответствуют перерывам в цепи курганов. Курганы занимали три таких ступеней-плато. Нумерация ступеней плато ведется так же, как и нумерация курганов, с запада на восток (рис. 2а-в, 3, 4).

Первая ступень-плато — самая длинная по протяженности (11,6 км) и самая узкая по ширине (250–500 м) — начинается на отметке 167 м в самом начале курганной группы и заканчивается на отметке 157 м. Курганы строго следуют этой узкой полосе хребта, на первой ступени расположено 138 курганов (№ 1–138).

Вторая ступень-плато более короткая (6 км) и более широкая (1,7–2,9 км), она находится на отметках 121,6–142,5 м. На второй ступени было возведено 26 курганов (№ 139–164). Проселочная дорога на этой ступени расходится с «маршрутом» курганной цепи, поворачивает и уходит на северо-восток к пос. Ут Сала.

Третья, последняя, ступень-плато — наиболее короткая (длина — 3,5–4 км, ширина — 2,3–2,9 км), находится на отметках 102,5–113 м. На ней расположено 7 курганов (№ 165–171).

Описанные ступени-плато оказываются важными для понимания расположения курганов. Участки перехода с одной ступени на другую, то есть склоны совпадают с тремя перерывами в курганной цепи. Этот факт весьма примечателен, так как свидетельствует, что древние строители курганов не только очень хорошо ориентировались на местности, но и определяли особенности рельефа с удивительной точностью. Отсутствие курганов на склонах ступеней можно объяснить тем, что возведение насыпей на склоне могло сказаться на их прочности, так как весенние талые воды

могли подмывать насыпи курганов, а ведь их строили в расчете на вечность. Исходя из этого предположения, сделано заключение, что мы имеем дело с единой курганной группой, перерывы в ней были обусловлены природными причинами. Надо также отметить, что курганная группа Ут Сала отличается необычной плотностью курганов, что служит дополнительным фактором, приводящим к восприятию курганной группы как единой.

В то же время внутри единой курганной группы можно проследить закономерность, что чем ниже ступень-плато, тем меньше размеры и количество курганов, расположенных на ней.

На последней, третьей, ступени курганы были расположены в одну линию по самой середине ступени, видимо, следуя наиболее возвышенным точкам ступени. По протяженности эта ступень примерно равна второй ступени, но количество курганов — почти в четыре раза меньше. Из зафиксированных семи курганов (№ 165–171) насыпь только одного кургана (№ 170) достигала высоты два метра, остальные были меньше. Примечательно, что этот более крупный курган был расположен в восточном конце цепи (рис. 4).

На второй ступени, расположенной на более высоких отметках, было зафиксировано 26 курганов (№ 139–164). Курганы расположены также в одну линию по самому центру ступени-плато. Насыпь семи курганов (№ 148–150 и 152, а также 162–164) достигала высоты 2 м, высота остальных — до 1 м. Как видно по нумерации, двухметровые курганы расположены в виде двух скоплений так, что они как бы завершают ряд мелких курганов, располагаясь с восточной стороны (рис. 3).

Наиболее интересное распределение курганов прослеживается на основном — первом, наиболее высоком плато со 138 курганами (№ 1–138). Здесь также прослеживается закономерность, что ряд малых курганов завершается одним или несколькими крупными курганами, расположенными на востоке. Начнем с самого начала курганной цепи с западной стороны. Первыми в курганной цепи оказались девять малых до 1 м высотой курганов (№ 1–9), после них следуют два больших кургана (№ 10 (3 метра высотой) и № 11

(5 метров высотой)). После них следуют 15 курганов, из которых 14 средних (№ 12–25) и большой курган (№ 26), достигающий высотой 5 м. Далее на восток следуют 17 малых курганов (№ 27–43). Цепь из указанных малых курганов завершает скопление больших (№ 43–46), через 10 малых курганов следуют три трехметровые насыпи (№ 55–57), через 41 малых (№ 58–97) начинается скопление из двух шестиметровых (№ 98 и 105) и одного семиметрового кургана (№ 109), после которых снова идет цепь мелких до самого конца первой ступени-плато. Из этого можно предположить, что, хотя все курганы стояли в один ряд, как равные, места на востоке были более почетными.

Прослеживается, по крайней мере, 8 таких циклов из малых и завершающих их ряд с востока более крупных насыпей. Также замечено, что курганы одного цикла расположены ближе друг к другу, образуя более компактно расположенную группу. Протяженность цепочек, относящихся к одному циклу, составляет от 500 до 4 500 м. Курганные насыпи расположены в цепочки, при этом многие курганы внутри одного цикла расположены строго в одну линию. Видимо, такое расположение отражало одинаковый статус погребенных в этих курганах. Отмеченные факты указывают на предпочтительность, почетность восточной стороны, а также строгое соблюдение социальной, родовой иерархии внутри родственных объединений (рис. 2а-в)

Наиболее крупными размерами в группе Ут Сала отличаются 8 курганов (№ 11, 26, 43, 44, 98, 105, 109, 123). Курганы № 43, 44 и 123 имели высоту до 4 м, диаметр — 50–60 м, курган № 26 имел высоту до 5 м, диаметр — 50 м. Курганы № 98 и № 105 имели высоту до 6 м, диаметр 60 и 70 м соответственно. Самым крупным оказался курган № 109, имевший высоту до 7 м, диаметром 80 м.

Протяженность группы утсалинских курганов достигает 23,6 км. Первый курган группы расположен на расстоянии 50 м от съезда с автотрассы Элиста — Ики-Бурул, а последний (№ 171) находится на самой низкой отметке на оконечности хребта.

В окрестностях, прежде всего в балках, зафиксированы также курганы, но они расположены в значительном отдалении от ут-

салинской группы и являются самостоятельными. Компактная группа из шести высоких (до 3 м высотой) курганов находится при въезде в п. Ут Сала. Эти курганы расположены в виде скопления подтреугольной формы, одна из вершин которого направлена в сторону поселка. Еще один курган, больше метра высотой и до 40 м в диаметре, находится на территории поселка во дворе школы. Бросается в глаза, что остальные курганы из ближайших окрестностей не образуют больших групп и расположены на отметках значительно ниже утсалинской группы.

Как уже отмечалось выше, курганная группа Ут Сала — не единственный памятник с рекордным количеством курганов на территории Калмыкии. Таким же грандиозным характером и такой же плотностью отличается курганная группа, расположенная на гребне Ховча, в 25 км южнее Ут Салы. Гребень Ховча является частью хребта Чолун Хамур, на котором расположена самая высокая точка Калмыкии — г. Шаред (222 м). Здесь на протяжении более 30 км также прослежена сплошная цепь курганов. Интенсивность и размеры курганов замерены нами пока только на участке в 5,6 км, где насчитывается 59 курганов. А это составляет только примерно пятую часть курганной цепи. В центральной части Ергенинской возвышенности нами проведены исследования на хребте с южной стороны п. Ергенинский Кетченеровского района Республики Калмыкия. Здесь на протяжении 14,1 км тянется регулярная цепь, состоящая из 43 курганов. На этом же хребте находится субурган, возведенный на могиле калмыцкого князя Джамбо-тайши Тундутова.

Расположение курганных групп-гигантов имеет приуроченность к крупным водным источникам. Этим требованиям отвечают на территории республики две ландшафтно-географические зоны: Ергенинская возвышенность и Кумо-Манычская впадина. В Кумо-Манычской впадине девять курганных групп, объединенных под названием Восточный Маныч, каждая из которых насчитывала многие десятки курганов, были расположены на площади протяженностью с востока на запад примерно 20 км, с юга на север — примерно 5 км. Такая плотность позволяет определять их как своего рода агломерацию курганных групп. Количество раско-

паных там курганов составляет треть всех раскопанных до сегодняшнего дня памятников на территории Калмыкии [Очир-Горяева 2008: табл. 1, рис. 7, рис. 11; Кекеев, Буратаев 2016: 5].

В культурно-хронологическом отношении основу таких курганных групп-гигантов составляют погребения эпохи бронзы. Курганы кочевников раннего железного века и средневековья представлены, как правило, единицами. Нам известны только два случая, когда курганы кочевников, а именно (в обоих случаях) поздних сарматов, составляли несколько десятков погребений в курганной группе Три Брата и Восточный Маныч [Шилов 2009: 97–168; Сеницын, Эрдниев 1985: 43–78; Сеницын, Эрдниев 1987: 83–98; Сеницын, Эрдниев 1991: 4–21].

Закономерность преобладания курганов бронзового века в Курмо-Манычской впадине и на Ергенинской возвышенности, а курганов кочевников скифо-сарматского времени и средневековья в более засушливых Прикаспийских и Сарпинской низменностях, была основательно обоснована в результате статистического и пространственного анализа памятников из раскопок на территории республики с 1929 по 1998 гг. [Очир-Горяева 2002: 103–133; Очир-Горяева 2008: рис. 14–16]. Например, в курганных группах Восточного Маныча 261 из 329 курганов (79,3 %) и 1 321 из 1 541 погребений (85,7 %) датируются эпохой бронзы, остальные 68 курганов и 220 погребений относятся к более поздним культурам (ранний железный век и эпоха средневековья) [Кекеев, Буратаев 2016: 244]. Таким образом, опираясь на приведенную выше аргументацию, можно полагать, что большинство курганов Ут Салы были возведены в бронзовом веке и что курганная группа-гигант Ут Сала была престижным некрополем крупного племенного объединения.

Выводы

Выявление курганной группы Ут Сала, замеры и описание каждого из 171 кургана были проведены нами в ходе археологических разведок. Анализ полученных данных, составление графиков, изучение карт и космических снимков с использованием методов ГИС были проведены в кабинетных условиях. Без проведе-

ния раскопок, используя неразрушительные методы, нам удалось по максимуму использовать информационный потенциал данного археологического памятника. Закономерности расположения курганов на местности с учетом природных факторов, способствующих прочности и сохранности погребальных сооружений, а также выявление циклов из сочетания десятков малых насыпей и нескольких крупных курганов, расположенных с восточной стороны, наиболее вероятно отражают географические знания древнего населения и их представления о расположении страны мертвых и семейно-родовой иерархии. Курганы на гребне Ут Сала необходимо рассматривать как уникальный историко-археологический объект и приложить максимум усилий для его сохранения в первоизданном виде.

Литература

- Атлас 1974 — Атлас Калмыцкой АССР. Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР. М., 1974. С. 33.
- Белоусов 1992 — *Белоусов С. С.* Переселение крестьян в Калмыкию в 19 веке. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. С 27.
- Борисенко, Убушиева 2000 — *Борисенко И. В., Убушиева С. И.* Очерки исторической географии Калмыкии. 1917 – начало 90-х годов XX века. Элиста: НПП «Джангар», 2000. 168 с.
- Государственная охрана памятников 2003 — Государственная охрана памятников истории и культуры в России. Обзор существующей структуры управления в сфере охраны объектов культурного наследия (по данным на 01.12.2002 г.) / сост. А. М. Тарунов. М., 2003. 160 с.
- Кекеев, Буратаев 2016 — *Кекеев Э. А., Буратаев Е. Г.* Свод археологических памятников Кумо-Маньчской впадины (1965–1967 гг.). Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 352 с.
- Назаров 1997 — *Назаров А. А.* Археологическая карта Волгоградской области // Особо охраняемые территории и формирование здорового образа жизни. Тезисы докладов I Международного симпозиума. Волгоград: Комитет по печати и информации, 1997. С. 22–23.
- Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники Волго-Маньчских степей (свод памятников, исследованных на тер-

- ритории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Издат. Дом «Герел», 2008. 298 с.
- Росстат 2020 — Портал Федеральной службы государственной статистики. URL // <https://www.gks.ru/storage/mediabank/Popul2020.xls> (дата обращения 13.03.2020 г.)
- Синицын, Эрдниев 1985 — *Синицын И. В. Эрдниев У. Э.* Древности Восточного Маныча // *Древности Калмыкии*. Элиста: КНИИФЭ, 1985. С. 43–78.
- Синицын, Эрдниев 1987 — *Синицын И. В. Эрдниев У. Э.* Древности Восточного Маныча // *Археологические исследования Калмыкии*. Элиста: КНИИИФЭ, 1987. С. 83–98.
- Синицын, Эрдниев 1991 — *Синицын И. В. Эрдниев У. Э.* Древности Восточного Маныча // *Материалы по археологии Калмыкии*. Элиста: КИОН АН СССР, 1991. С. 4–21.
- Шилов 2009 — *Шилов В. П.* Древние скотоводы калмыцких степей. Элиста: Герел, 2009. 303 с.
- Ochir-Goriaeva 2002 — *Ochir-Goriaeva M.* What cultural and economic type do the Bronze Age finds in the Volga-Manych steppes represent? // *Eurasia Antiqua*. Berlin: Verlag Philipp von Zabern GmbH, 2002. Vol. 8. S. 103–133.

УДК 902

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-29-48

Первые шаги по созданию фондохранилища антропологического и археозоологического материала КалмНЦ РАН

*Любовь Алексеевна Бембеева*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН

(д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

E-mail: bembееva.l.a@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Бембеева Л. А., 2020

Аннотация. В статье рассматривается краткая история накопления палеоантропологического материала в ходе проведения археологических исследований на территории Республики Калмыкии. Дана характеристика состояния фондов костного материала Калмыцкого научного центра РАН, а также описание работ по обработке антропологического и археозоологического материала. Специальное внимание уделяется соответствию условий хранения антропологического материала на базе КалмНЦ РАН стандартам, предусмотренным инструкцией по хранению. Текущая работа по учету фондов — подсчет и фиксация антропологического материала — отображена посредством промежуточных статистических выкладок на основе обработанного материала. Оценивается сохранность костной ткани антропологического материала в количественном и процентном отношении, а также целостность объектов хранения и степень полноты информации на этикетках (шифр с указанием памятника, года раскопок, курган, погребение). Составление учетно-хранительской документации наряду с правильным хранением биологического материала является основой научного хранения и изучения важного историко-культурного источника.

Ключевые слова: фондохранилище, курган, погребение, антропологический и археозоологический материал, краниология, остеология, скелет, учетно-хранительская документация, степная зона Евразии, Республика Калмыкия

Благодарность. Исследование проведено при поддержке государственной субсидии – проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (АААА-А-19-119011490038-5). Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Бембеева Л. А. Первые шаги по созданию фондохранилища антропологического и археозоологического материала КалмНЦ РАН // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 2. С. 29–48. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-29-48

UDC 902

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-29-48

The First Steps to Creating a Storage Facility for Anthropological and Archaeo-zoological Materials of the KalmSC RAS

*Lyubov' A. Bembeeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS
(8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Junior Research Associate
E-mail: bembeeva.l.a@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Bembeeva L. A., 2020

Abstract. The article gives a brief history of accumulation of paleoanthropological materials in the course of archaeological research on the territory of the Republic of Kalmykia. It gives the assessment of the conditions of the bone tissue funds of the Kalmyk Scientific Center and also the description of the works on processing the anthropological and archaeozoological materials. A special attention is given to compliance of the

anthropological material storage conditions at the Kalmyk Scientific Center of the RAS with the standards outlined in storage instructions. The current work on the recording of funds includes the estimation and documentation of the anthropological materials which are done through intermediary statistic spreading based on the processed material. The preservation of the bone tissue of the anthropological materials in the quantitative and percentage ratio as well as the integrity of the storage objects and the degree of completeness of information on the labels (code with the information on the site, the year of excavation, mound and burial) are being evaluated. The compilation of the record-storage documents alongside the correct storage of the biological material is fundamental for scientific storing and study of the important historic and cultural sources.

Keywords: fund depository, mound, burial, anthropological and archaeozoological material, craniology, osteology, skeleton, record-storage documents, Eurasia steppe zone, Republic of Kalmykia

Acknowledgement. The research was conducted within the scope of government grant – the project “An Integrated Research of Socio-political and Cultural Development Processes of people from the South of Russia (state registration number AAAA-A19-119011490038-5). The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Bembeeva L. A. The First Steps to Creating a Storage Facility for Anthropological and Archaeo-zoological Materials of the KalmSC RAS. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 2. Pp. 29–48. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-29-48

Введение. В Калмыцком научном центре РАН созданы и успешно функционируют такие научно-вспомогательные подразделения, как научная библиотека, научный архив, музей традиционной культуры. В последние годы ведется комплексная работа по созданию еще одного — фондохранилища антропологического и археозоологического материала. Значение этой работы трудно переоценить, так как костный материал из археологических раскопок при своем комплексном использовании, то есть при нали-

чии палеоантропологических, краниологических и соматологических данных охватывает практически всю историю человечества. С этой точки зрения выгодно отличается от других видов исторических источников. Антропологические исследования простираются обычно на глубокую древность, вскрывая такие связи и общности, следы которых уже утеряны историей, этнографией и лингвистикой. Таким образом, антропологический материал лучше, чем любой другой, помогает в установлении преемственности современного и древнего населения [Алексеев 1989: 152].

Первые археологические исследования в Калмыкии проводились на рубеже 20–30-х гг. XX в. профессором Саратовского университета П. С. Рыковым. С 1929 г. до начала Великой Отечественной войны было раскопано 250 погребений (а это, как минимум, 250 скелетов человека). Результаты этих исследований зафиксированы в отчетах, статьях и монографиях, но находки и костный материал из тех раскопок в Калмыкии были утеряны во время войны. Этот временной отрезок является первым периодом в археологических исследованиях на территории республики.

Изучение археологических памятников Калмыкии продолжили такие известные ученые, как И. В. Сеницын, У. Э. Эрдниев, В. П. Шилов. Крупномасштабные археологические раскопки в Калмыкии начали проводиться с 60-х гг. XX в. в связи со строительством Чограйского водохранилища и в зоне строительства защитных лесопосадок в южной части Ергенинской возвышенности. За второй период (с 1961 г. до 1971 г.) было раскопано 2 192 погребения, в каждом из которых находились костные останки человека. Значительная часть антропологического материала была отправлена для проведения анализов и дальнейших исследований в научные институты Москвы и Ленинграда. Оставшаяся часть коллекции хранилась в стенах Калмыцкого научного центра РАН. С этого времени и начинается сбор и хранение антропологического и археологического материала.

Так как археологические раскопки на территории Калмыкии являются в первую очередь охраняемыми мероприятиями, то их интенсивность связана непосредственно с проведением различных

строительных проектов. С 1977 г. и по настоящее время (третий период) на территории республики ежегодно проводятся археологические исследования. С 1977 г. до 1997 г. в Калмыкии было раскопано 1 443 погребения с останками человека и животных.

Таким образом, за время археологических исследований на территории Калмыкии с 1929 по 1997 гг. было раскопано 3 885 погребений, в которых содержались с учетом коллективных погребений костные останки более 4 тысяч человеческих индивидов [Очир-Горяева 2008: 31–46].

Данная коллекция антропологического материала отличается хорошей сохранностью костной ткани благодаря местным природно-климатическим условиям. Большая часть территории Калмыкии расположена в районе Прикаспийской низменности, которая практически до мезолита находилась под водами Каспийского моря. И в дальнейшем плоская низменность дважды покрывалась в четвертичное время водами Каспия (бакинская и хвалынская трансгрессии). В связи с этим почва характеризуется большим содержанием природного кальция, образовавшегося в результате морских отложений. Благодаря переизбытку кальция в почве костный материал сохраняет свою структуру. Почвенный покров на территории современной Калмыкии разнообразен: от преобладающих светло-каштановых и бурых почв степей (малогумусные черноземы) в центральной зоне, каштановых и черноземных почв в западной зоне до типично песчаных и супесчаных бурых пустынно-степных почв, только в ряде мест встречаются солонцы и солончаки. Согласно исследованиям специалистов-почвоведов на обширном материале, структура почвенного покрова со времени энеолита, бронзы и раннего железного века не претерпела существенных изменений и практически идентична современной, что благоприятно отразилось на сохранности костного материала [Шилов 1975: 63].

Большая часть костного материала долгое время хранилась в неподходящих условиях. Фонды пострадали от хранения в непригодных помещениях на протяжении многих лет от влаги, перепада температуры и т. д. С начала сбора и хранения антропо-

логического и археозоологического материала (60-е гг. XIX в.) и по 2001 г. находки хранились в складском помещении Калмыцкого научного центра РАН, которое не было приспособлено для хранения такого материала. Часть коллекции была депаспортизирована, так как этикетки истлели в сыром помещении. С 2001 г. до 2006 г. антропологический и археозоологический материал находился в подвальном помещении Национального музея Республики Калмыкии, где подвергался неоднократным подтоплениям. Это сказалоcь уже на сохранности костного материала отдельных находок, который был разрушен и не сможет послужить для дальнейших исследований. В 2006 г. после достижения договоренности с Национальным музеем о передаче фондов в Калмыцкий научный центр РАН материалы были перевезены в отремонтированное складское помещение научного учреждения. Была проведена большая и кропотливая работа по сохранению костного материала, которая состояла в камеральной обработке (перепакровка материала), восстановлении шифра (название могильника, год раскопок, № кургана, № погребения). Полученные данные были занесены в таблицу, состоящую из следующих граф: № по порядку, № коробки, название могильника, группа, год раскопок, № кургана, № погребения. Было перебрано более 1 500 пострадавших от сырости коробок и взято на учет более 1 000 скелетов примерно из 42 могильников, датирующихся от эпохи ранней бронзы вплоть до средневековья.

Заметную часть коллекции составляет археозоологический материал — костные останки животных из погребений, представленные черепами и костями частей туш домашних животных (мелкий и крупный рогатый скот, лошадь). Изучение видового состава животных, различные части которых служили заупокойной пищей, дает представление о качественном и количественном различии данного ритуала у представителей разных археологических культур. Помимо этого, в коллекции имеется подъемный материал из поселений (неолитическое поселение Джангар, поселение Ергенинское эпохи средней бронзы (XXIX – XXVII вв. до н. э.), состоящий из мелкодробленых костей домашних и диких животных (т. н. кухонные остатки) и позволяющий изучать образ жизни и

тип хозяйства древнего населения Прикаспия [Очир-Горяева, Кекеев, Буратаев 2018: 127–134]. Работа по разборке и приведению в порядок костного материала продолжается.

В итоге проведенной разборки материала установлено, что часть коллекции утратила свои маркировки, т. е. отнесена нами к депаспартизированным материалам. Это в значительной мере понижает их научную ценность в культурном отношении. Но хорошая сохранность костей, тем не менее не позволяет отнести их к потерянным для науки окончательно. Современная методика радиоуглеродного датирования позволяет установить возраст кости даже по нескольким граммам материала и получить генетическую информацию о родстве с древними и современными популяциями, а также точно установить пол индивида. Изотопный анализ позволяет установить диету и особенности географической среды в течение последних десяти лет жизни индивида. Наглядным примером служит определение денисовского человека по фаланге пальца девочки. Так, при комплексном исследовании удалось из осколка кости длиной 2,5 см выделить новый вид предка человека, который отличается как от *Homo sapiens*, так и неандертальца [Krause and etc. 2010].

В связи со случаями депаспортизации объектов хотелось бы дать рекомендации для специалистов: при выполнении работ по сбору и транспортировке костного материала ставить маркировку (шифр) на сами кости, а не на упаковочный материал, который не столь долговечен, как кость, и может быть испорчен или разрушен при перевозке и хранении. В случае невозможности выполнения этого (плохая сохранность кости, мелкий размер и т.д.) бирку с шифром упаковывать в пластиковые пакетики и прикреплять к образцу. Не применять при транспортировке материалы, содержащие органику (например, вату), которые разлагаются при определенных условиях и могут повредить костную ткань.

К вопросу об условиях хранения костного материала: приведем несколько выкладок из Приказа Минкультуры СССР от 17.07.1985 г. № 290 «Об утверждении инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных

музеях СССР — Антропологические коллекции»[Приказ Минкультуры СССР 1985]. Коллекции антропологии состоят преимущественно из человеческих костей, добытых при археологических раскопках, небольших собраний образцов волос, гипсовых слепков черепов, масок и т. п. Череп следует хранить в шкафах на полках, желательно покрытых тканью. Наиболее ценные в научном отношении и хрупкие черепа лучше хранить в индивидуальных ящиках или глубоких лотках. При переносе череп нельзя брать за глазницы и скуловые дуги, так как при этом легко нанести ему повреждение. Кости скелета следует хранить в отдельных ящиках. Для полного скелета рекомендуются следующие размеры ящика (внутренние): высота — 25, ширина — 30, глубина — 53 см. Для неполных скелетов делаются ящики с вертикальными прорезями на торцовых стенках, в которые вставляются фанерные разделители. В такой ящик укладываются кости двух или более скелетов. Мелкие кости стоп и кистей следует держать в отдельных коробках для каждой конечности, так как спутанные кости правой и левой конечностей подбирать довольно сложно.

Температурно-влажностный режим внутри здания формируется и изменяется под влиянием ряда факторов. Прежде всего, к ним относятся климатические условия местности — температура и влажность наружного воздуха. Их сезонные и суточные колебания оказывают существенное влияние на температуру и влажность воздуха внутри здания. Важнейшим условием правильного хранения музейных фондов является поддержание постоянной и необходимой температуры и относительной влажности воздуха в здании. Оптимальные воздушные параметры составляют: температура воздуха — 18 ± 1 градус С; относительная влажность — $55 \% \pm 5 \%$.

Все виды костей относятся к ряду гигроскопических материалов. От длительного воздействия влажного воздуха органическая ткань разлагается на составные части, а неорганическая основа быстро разрушается от кислот, начинается процесс плесневения и обесцвечивания кости. При пересыхании кость теряет жировые свойства, утрачивает эластичность и связность, что приводит к по-

явлению трещин, разрывов и расслоению. У предметов из кости археологического происхождения наблюдается расслоение и рас-трескивание массы. Особенно легко разрушаются концы трубчатых костей, позвонки и зубы. Все помещения, в которых находятся музейные ценности, должны регулярно проветриваться. При проветривании помещений недопустимо попадание потоков воздуха непосредственно на экспонаты. При повышении влажности в помещении необходимо усилить его отопление и при благоприятных погодных условиях активизировать проветривание. Следует иметь в виду, что чрезмерное проветривание в зимнее время может привести к пересушиванию воздуха, опасному для экспонатов из органических материалов. Всякое изменение температурно-влажностного режима производится медленно и постепенно [Приказ Минкультуры СССР 1985].

Помещение, в котором расположилось фондохранилище антропологического и археозоологического материала КалмНЦ РАН, в целом соответствует требованиям хранения такого рода экспонатов. Оно находится изолированно на первом этаже здания и включает в себя несколько комнат, соединенных между собой: зал № 1 — для хранения черепов, зал № 2 — для хранения костей посткраниального скелета и археозоологического материала, рабочий кабинет и комната для обработки костного материала с отдельным санузлом. Помещение отапливается и хорошо проветривается. Общая площадь фондохранилища составляет примерно 110 м². Залы для хранения оснащены четырехуровневыми стеллажами открытого типа, костный материал хранится в отдельных картонных коробках, имеющих индивидуальные номера. Имеется техника для детального изучения материала: микроскоп и световой стол для фотографирования.

Одним из основных направлений фондовой работы является учет фондов, который представляет собой регистрацию коллекций и предметов в специальную учетно-хранительскую документацию в целях идентификации и организации их нормативного хранения, оперативного установления местонахождения, контроля за изменениями в составе и состоянии сохранности, на-

учного изучения объектов и их эффективного и рационального использования [Научно-фондовая деятельность]. Работа по созданию такой базы данных делится на два этапа. Первый этап заключается в подсчете и фиксации антропологического и археозоологического материалов.

В настоящее время продолжается работа по камеральной обработке костного материала из неразобранных коробок в количестве более 200 шт. Разборка, укладка в новые пакеты сопровождается занесением данных в таблицу. Одновременно проводится краткое описание сохранности костей (какие кости черепа и посткраниального скелета сохранились), в графе «Примечание» отмечаются особенности, привносящие дополнительную информацию: деформации черепов, патологии, следы зубов животных, характеристика сохранности костной ткани и т. д. В настоящее время обработано: черепов в количестве 233 шт., посткраниального скелета — 267 костяков с занесением данных в таблицу.

Антропологические коллекции обычно включают в себя две основные группы материалов: краниологическую (черепа) и остеологическую (посткраниальный скелет). Черепа более информативны в плане расово-диагностического изучения. Но широкое внедрение в антропологические исследования естественнонаучных методов (молекулярно-генетический, изотопный, патологический, статистический, краниологический, дентологический, радиоуглеродный и т. д.) заставляет обращать пристальное внимание и на остеологические коллекции. В наших фондах заметную часть занимают археозоологические материалы. После завершения работ по подсчету и фиксации материалов планируется выделение этой информации в отдельную опись.

Восстановленные данные и краткое описание сохранности костей заносятся в две таблицы: 1) «Краниологический материал» — сведения о черепаках, 2) «Остеологический материал» — сведения о посткраниальном скелете. В указанных таблицах отражается первичная информация о сохранившейся коллекции антропологического материала. В дальнейшем они послужат основой для создания базы данных. Таблица состоит из следующих граф:

- № по порядку — для подсчета обработанного материала;
- № коробки — один номер могут иметь одновременно от одного до нескольких индивидов, находящихся в коробке. Для различения двух коллекций (краниологической и остеологической) первой дается четырехзначный номер: № 1001 — это № 1;
- название могильника — наименование археологического памятника, из которого получен материал;
- группа — при большом объеме раскопок объект делится на несколько групп;
- год раскопок — год раскопок памятника;
- № кургана — номер кургана в могильнике;
- № погребения — номер погребения в кургане;
- сохранность — краткое описание сохранившихся костей;
- примечание — в этой графе отмечается дополнительная информация: степень сохранности костной ткани, деформации черепов, патологии, следы зубов животных, а также сопутствующие находки.

На основе информации, полученной после обработки материала, можно провести некоторые промежуточные статистические исследования по количественному и качественному признакам:

По краниологической коллекции: было обработано 233 черепа или их фрагментов из 34-х могильников. Из них депаспортизированы полностью, т.е. утратили маркировку / шифр (могильник/ год раскопок / группа/№ кургана / № погребения) 10 экземпляров, что составляет примерно 4 % от общего обработанного материала. Встречаются образцы без номеров кургана и / или погребения, но с сохранившейся информацией о принадлежности к могильникам. В некоторых случаях сама маркировка / шифр находится под вопросом. Работа по восстановлению шифра продолжится на втором этапе при составлении научного паспорта.

При анализе сохранности (целостности) черепов учитываются не только анатомически целые черепа с нижней челюстью, но и черепа без нижней челюсти, а также фрагментированные (т. е. распавшиеся на части). Черепа, сохранившиеся полностью анатомически, составляют примерно 38 % от общего объема (86 шт.): см. таблицу 1.

Таблица 1. Полностью сохранившийся краниологический материал.

№ п/п	Могильник/группа	Год раскопок	Курган / погребение с анатомически целыми черепами	Курган / погребение с фрагментами черепов
1.	Восточный Маныч	1965	3/1	—
2.	Восточный Маныч-2	1966	—	68/1
3.	Восточный Маныч-3	1966	27/7; 33/6	—
4.	Восточный Маныч	1967	10/9; 19/8; 20/3; 26/4	—
5.	Купцын Толга	1974	—	6/1; 41/10; 42/15; 46/3, 13, 17, 19; 48/4, 6, 9, 10; Б/П – 2 экз.
6.	Заханага	1976	1/2; 5/9; 7/9	9/6; 7/1
7.	Большой Царын-2	1977	2/1	3/5; 1/1; 2/1
8.	Адрык	1978	7/1; 9/2; 11/1	2/3; 13/6
9.	Гува-2	1978	—	6/1
10.	Ут	1978	7/1	—
11.	Зергенга	1978	—	3/1(?) – 3 экз.
12.	Кермен Толга	1979	10/1; 23/1	—
13.	Джангар	1980	—	11/2
14.	Джангар	1981	30/1	3/1(?); 7/1; 9/1; 25/4; 26/3; 37/1
15.	Джангар	1982	36/3,5	—
16.	Хар Нуурин Толга	1980	1/1; 10/2; 20/11; 28/11	2/1; 9/1; 28/4
17.	Тугун	1981	1/1, 21	1/23, 24; 1/27 -2 экз.

18.	Улан Эрге	1982	—	1/12	
19.	Дюкер	1982	3/1; 9/1; 17/7(1?); 20/1; Б/П	11/5; 27/6,7; 32/?	
20.	Эвдык	1982	4/9; 6/1,4,12; о.к.	—	
21.	Эвдык-1	1983	7/10,16,17,18,23; 14/3	7/3,5,7,8,11,12,19,20,28,29, 32,41,41-4; 8/1; 10/1,2,5; 15/1; 17/1	
22.	Иджил	1984	5/?	—	
23.	Шолмун Толга	1984	5/3	—	
24.	Чкаловский	1984	—	1/1; 36/?; Б/П	
25.	Улан Толга	1985	—	1/1,4; 3/1	
26.	Кююн Толга	1985	2/4; 7/1	3/2;4/1;10/8	
27.	Чограйский-3	1986	1/7	1/2	
28.	Чограйский-4	1986	4/2	1/4;5/3	
29.	Чограйский-5	1986	5/2; 7/2; 11/1	5/1,3;11/1,3; 12/1; Б/П	
30.	Чограйский-8	1986	4/2	—	
31.	Ики-Зегиста	1986	—	4/?	
32.	Цаган-Усн-3	1987	1/1,2,3	1/11	
33.	Цаган-Усн-4	1987	—	1/2; 2/1	
34.	Цаган-Усн-7	1987	2/3	2/1,9; 4/7,16; Б/П	
35.	Цаган-Усн-8	1987	—	2/1; 3/1	
36.	Цаган-Усн-9	1987	—	1/1	
37.	Цаган-Усн-10	1987	1/1	—	
38.	КВЧ-49	1987	2/2	—	
39.	КВЧ (Джангар)	1988	3/1	—	

40.	КВЧ-56	1988	—	—	4/2; ?/6	—
41.	КВЧ-58	1988	6/15	—	—	—
42.	Цаган-Нур	1989	2/4;7/3;8/1	—	4/7;7/1,4;8/2,5,(?)	—
43.	Утга-Привольное	1989	3/15	—	—	—
44.	Утга-Привольное-7	1989	2/2;3/2	—	3/9,13;13/6	—
45.	Улан-Зуха-1	1990	—	—	1/1	—
46.	Хар-Зуха-1	1991	—	—	1/1,3;3/5,7;7/2	—
47.	Овата-1	1992	—	—	1/1,2	—
48.	Овата-2	1992	2/1	—	—	—
49.	Овата-3	1992	1/1;6/1	—	—	—
50.	Овата-4	1992	1/1	—	—	—
51.	Аршань-Зельмень-2	1993	1/1;3/1,3	—	3/3	—
52.	Аршань-Зельмень-3	1993	1/1	—	2/1	—
53.	Аршань-Зельмень-4	1993	1/1	—	1/?	—
54.	Садовский (пмк)	1993	—	—	1/1	—
55.	Зунда Толга-1	1994	1/3,17	—	1/1,13 «б»;2/4	—
56.	Зунда Толга-1	1995	1/13 «а»,14	—	1/4,27;3/5;Б/П	—
57.	Промзона	1997	—	—	7/1	—
58.	Черноземельский-1	1998	2/1; 3/2; 4/2; 7/1	—	2/2;3/4;4/15,18,19,24,25,35,Ю-3	—
59.	КН-1	1998	1/1	—	—	—
60.	КН-2	1998	2/1; 3/1	—	—	—
	Всего:		86 шт.		147 шт.	

По качеству сохранности костной ткани краниологический материал находится в основном в хорошем или удовлетворительном состоянии. Плохая сохранность выявлена у 10-ти экземпляров, что составляет примерно 4 % от общего количества: Джангар-1981: 3/1; Джангар-1982: 36/5; Дюкер-1982: 27/1; Хар-Зуха-1-91: 7/2; Чкаловский-1984: 36/?; Кююн Толга-1985: 4/1; Чограйский-?-1986: Б/П; Утта-Привольное-7-89: 2/2; 3/13; Зунда Толга-1995: 1/4 (?). Имеются отдельные случаи, когда из-за избытка влаги костная ткань расслоилась, местами заплесневела, некоторые образцы разрушены до костной муки. Во время камеральной обработки было обнаружено 4 черепа с преднамеренной (искусственной) деформацией: Кермен Толга-1979: 10/1; Джангар-1980: 11/2; Хар Нуурин Толга-1980: 20/11; Цаган-Нур-1989: 2/4. Более детально этот материал будет рассмотрен позднее.

По остеологической коллекции: было выявлено 267 скелетов или их фрагментов из 32-х могильников. Из них кости 23 индивидов оказались депаспортизированными, то есть не имеют маркировки (без подписи), что составляет примерно 10 % от обработанного материала.

По сохранности (целостности) скелета: полный набор костей посткраниального скелета зафиксирован в количестве 15 шт. Это составляет примерно 18 % от общего объема обработанного материала. Неполные скелеты представлены различными костями: длинные кости верхних и/или нижних конечностей, кости таза (крестец и/или тазовые кости), разные кости (позвонки, ребра, грудина, ключицы, лопатки, кости кисти и стопы) или их фрагменты.

Таблица 2. Остеологический материал

№ п/п	Могильник/группа	Год раскопок	Курган/погребение с полным посткраниальным скелетом	Курган/погребение с неполным посткраниальным скелетом
1.	Купцын Толга	1974	39/1	1/1;6/1;12/1;17/1;25/1; 32/1;42/1;43/1;45/12; 46/4,5,14, 18; 47/1; 48/4,8; 50/1; 51/1,Б/П
2.	Гува-1 Гува-2	1975	—	8/1; Б/П 6/1; 7/1
3.	Заханата	1976	1/2	7/9; 9/6
4.	Большой Царын Большой Царын-2	1977	2/1; 3/4,5; 5/1 —	2/?; 3/5,6; 4/1; 5/н.; Б/П 1/3,4; 2/1,5,11
5.	Зергента-1 Зергента-2	1978	— —	1/?; 2/?; 3/1,2; 5/h 1/h (на разной высоте)
6.	Адрык	1978	7/2	1/1; 2/4; 8/1,?, 11/1; 13/6; Б/П
7.	Ут	1978	—	9/1; 10/1; Б/П – 2 экз.
8.	Кермен Толга	1979	—	1/1;22/?;23/1;26/1;27/1;31/1;32/1
9.	Хар Нуурин Толга	1980	—	8/1; 9/1; 10/2; 28/11,13; 29/1
10.	Джангар	1980	—	?/горизонт (?)
11.	Джангар-1	1981	—	21/1; 31/2
12.	Ики-Орва	1981	—	1/2; 2/1
13.	Тугтун	1981	—	1/8,14,15,21,23,24
14.	Дюкер	1982	—	1/1; 12/1; 31/5; Б/П

15.	Улан-Эрге	1982	—	—	1/2
16.	Эвдык-1	1982	—	—	4/10; о.к.; Б/П
17.	Эвдык-1	1983	7/19; 9/10	—	4/12; 7/1, 2, 4, 8, 9, 12, 15, 20, 23, 41(1), 41(2), 41(3), 42; 9/5,6; 17/7; 19/1; 20/2(1), 2(2)
18.	Эвдык-13	1984	—	—	1/3; 2/4; 3/2; 4/3; Б/П
19.	Чкаловский	1984	—	—	2/1; 7/1,4; 9/2
20.	Холр Толга	1984	—	—	1/9
21.	Улан Толга	1985	—	—	4/2; 16/1
22.	Чограйский-4 Чограйский-5	1986	—	—	2/2; 5/1 4/2; 6/5; 9/1; 11/1,3; Б/П
23.	Ики-Зегиста	1986	—	—	3/1; 4/1,9; 5/1,5,6
24.	Цаган-Усн-3 Цаган-Усн-4 Цаган-Усн-5 Цаган-Усн-7 Цаган-Усн-8	1987	—	—	6/1; Б/П 1/12 1/2; 1?/4; 2/6? 4/1 3/2; ?/3; Б/П
25.	КВЧ-56 КВЧ (Яшкуль)-37	1988	—	—	6/15; 8/1 1/2
26.	Цаган-Нур	1989	8/2	—	2/4; 3/?; 4/7; 4/-; 7/3; 9/1; 10/1
27.	Утга-Привольное-7	1989	—	—	2/3(2); 3/9,12,15,16
28.	Улан-Зуха	1990	—	—	1/1,2,3; 3/3,5,6,8; Б/П
29.	Хар-Зуха-2	1992	—	—	2/4; 3/1,6,9; 5/2 «а»

30.	Овата-1 Овата-2 Овата-3 Овата-4 Овата-5	1992	— — — 1/2 (1), 2 (2) —	— — — — —	1/1, 5 2/1 1/1; 6/1; Б/П — 1/3, 4
31.	Аршань-Зельмень-2 Аршань-Зельмень-3 Аршань-Зельмень-4	1993	— — —	— — —	1/1; 2/1; 3/1 1/1; 2/1 1/1
32.	Зунда Толга-1	1994	—	—	1/13 «а», 13 «б», 14; Б/П
33.	Зунда Толга	1995	—	—	3/3, 6
34.	Промзона	1997	—	—	7/1
35.	Черноземельский-1	1998	1/1; 4/2	—	1/1; 2/2; 3/3, 4; 4/1-25, 26, 29, 36; 5/1; 6/1; 7/1; Б/П – 2 экз.
36.	КН-1 КН-2	1998	2/1	—	1/1 3/1
	Всего:		15	15	252

Из общего количества обработанного материала неудовлетворительная сохранность костной ткани обнаружена в 16-ти образцах, что составляет примерно 17 %. К материалу с неудовлетворительной сохранностью относятся также кости детей и подростков. Грацильность костей, меньшая масса и размеры, более низкая минерализация делают кости детей и подростков хрупкими и приводят к худшей сохранности по сравнению с костями взрослых. Образцы с неудовлетворительной сохранностью костной ткани выявлены в следующих погребениях: Купцын Толга-1974: 17/1; 46/4; Большой Царын-1977: 4/1; Большой Царын-2-77: 2/11; Адрык-1978: 8/?; 13/6; Б/П; Ики-Орва-1981: 1/2; Тугтун-1981: 1/21; Эвдык-1-83: 7/3,9; Цаган-Усн-4-87: 1/12; Хар-Зуха-1991: 2/4; 3/1,6; Овата-1-92: 1/5 (кости ребенка); Черноземельский-1-98: 4/22.

В целом костный материал антропологической коллекции фондохранилища КалМНЦ РАН имеет уникальную сохранность, что создает основу для дальнейших успешных исследований. Разборка, реставрация, паспортизация коллекций, обработка и введение в научный оборот собранных ранее и поступающих новых материалов позволит более детально понять этапы развития обществ с древнейших времен на территории Калмыкии.

Литература

- Алексеев 1989 — *Алексеев В. П.* Историческая антропология и этногенез. М.: Наука, 1989. 448 с.
- Научно-фондовая деятельность — Научно-фондовая деятельность Центрального государственного музея Республики Казахстан [электронный ресурс] // URL: <http://csmrk.kz/index.php/collect-menu/mnu-antropol-col> (дата обращения 08.04.2020).
- Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники Волго-маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Издат. дом «Герел», 2008. 298 с.
- Очир-Горяева, Кекеев, Буратаев 2018 — *Очир-Горяева М. А., Кекеев Э. А., Буратаев Е. Г.* Палеоантропологический и палеозоологический материал из раскопок на территории Республики Калмыкии: сбор, изучение, хранение // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь, 2018. С. 127–134.

Приказ Минкультуры СССР — Приказ Минкультуры СССР от 17.07.1985 № 290 «Об утверждении инструкции по учету и хранению музейных ценностей» [электронный ресурс] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/9049691> (дата обращения 08.04.2020).

Krause and etc. 2010 — *Johannes Krause, Qiaomei Fu, Jeffrey M. Good, Bence Viola, Michael V. Shunkov, Anatoli P. Derevianko, Svante Pääbo*. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // *Nature*. 2010. Advance online publication 24 March 2010.

УДК 811.512.3

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-49-67

Рукопись Т. А. Бурдуковой «Программа занятий по монгольскому и ойратскому языкам»

*Лариса Бадмаевна Манджикова*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
E-mail: 0862Larisa@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Манджикова Л.Б., 2020

Аннотация. Введение. В личном фонде семьи А. В. Бурдукова и Т. А. Бурдуковой (Ф.21) Научного архива Калмыцкого научного центра РАН хранятся еще не опубликованные и не исследованные материалы, содержащие данные о научной и общественной деятельности двух выдающихся ученых Алексея Васильевича Бурдукова и его дочери Таисии Алексеевны Бурдуковой. К этим материалам относятся конспекты лекций и программы занятий.

Особый интерес представляет материалы архивного дела № 158, включающие две рукописи указанных авторов. Тексты документов записаны в блокноте, при этом с лицевой стороны блокнота текст записан Алексеем Васильевичем, с оборотной стороны — Таисией Алексеевной. Содержание рукописи А. В. Бурдукова — это конспект доклада для прочтения его на заседании Политкружка ЛВИ¹ по теме «Партия в период фракций (1907–1910 гг.)», проведение которого планировалось 1 апреля 1936 г.

¹ Речь идет о Ленинградском Восточном институте им. А. Е. Енукидзе, основанном в 1920 г. Основная задача института заключалась в подготовке специалистов для практической деятельности на Востоке и в связи с Востоком, а также научных работников для востоковедных вузов и научных учреждений. Восточный институт был закрыт в июне 1938 г. после многочисленных арестов его преподавателей и студентов [Кононов, Иориш 1977: 22–23, 89–91].

Целью данной статьи является ввод в научный оборот текста рукописи, написанной Т. А. Бурдуковой, — «Программа занятий по монгольскому и ойратскому языкам» на 1945–1946 учебный год. Текст рукописи написан синими чернилами, которые местами выцвели, что затрудняет прочтение рукописи. В тексте имеются авторские исправления и вставки.

Из текста Программы видно, какие темы Таисия Алексеевна предполагала донести слушателям, как она планировала развивать их навыки владения монгольским и ойратским языками (в старописьменном и современном аспектах), изучения письменных источников, умения работать с научной литературой, публикациями. Также преподаватель планировал привить слушателям потребность к чтению научно-популярной и художественной литературы, научить их анализировать прочитанный материал.

В Программе занятий прослеживаются подходы к обучению студентов, выработке у них навыков работы с источниками и литературой по монгольскому и ойратскому языкам, что и определяет ценность и значимость рукописи Т. А. Бурдуковой.

Ключевые слова: архив, Т. А. Бурдукова, рукопись, ойратский язык, монгольский язык, литература, программа занятий

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Манджикова Л. Б. Рукопись Т. А. Бурдуковой «Программа занятий по монгольскому и ойратскому языкам» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. №4. С.49–67. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-49-67

UDC 811.512.3

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-49-67

Manuscript by T. A. Burdukova “Mongolian and Oirat Language Study Program”

*Larisa B. Mandzhikova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (8, I.K.Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Researcher

E-mail: 0862Larisa@gmail.com

© KalmSC RAS, 2020

© Mandzhikova L.B., 2020

Abstract. Introduction. The A.V. Burdukov and T.A. Burdukova family archive (Form 21) kept at the Scientific Archive of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences contains unpublished and unanalyzed materials containing data on the scientific and social activities of the two outstanding scholars Alexei Vasilyevich Burdukov and his daughter Taisiya Alekseevna Burdukova. These materials include lecture notes and study programs.

The materials from archive file No. 158 are of particular interest, they include two manuscripts of the above mentioned authors. The texts of the documents are written in a notebook, on the front side of the notebook the text was written by Alexey Vasilyevich, whereas on the back the text was written by Taisia Alexeyevna. The manuscript by A. V. Burdukov is a summary of the report for a meeting of the Political Circle of the Leningrad Oriental Institute on the topic “The Party during the period of factions (1907–1910)”, which was scheduled on April 1, 1936. The purpose of this article is to introduce into scientific circulation the text of the manuscript written by T. A. Burdukova — “Mongolian and Oirat Language Study Program” for the 1945–1946 academic year. The text of the manuscript is written in blue ink, it has faded in places which makes it difficult to read the manuscript. The text contains the author’s corrections and insertions. The text of the Program shows the topics Taisiya Alekseevna intended to convey to the students and how she planned to develop their skills in the Mongolian and Oirat language proficiency (in the old-written and modern aspects), the study of written sources, the ability to work with scientific literature and publications. Also, the teacher planned to instill in the audience a habit of reading non-fiction and fiction literature, to teach them analyze the material they have read. The study program includes approaches to teaching students, developing their skills of working with sources and literature in the Mongolian and Oirat languages, all these determine the value and significance of the manuscript by T.A. Burdukova.

Keywords: archive, T.A. Burdukova, manuscript, Oirat language, Mongolian language, literature, study program

Acknowledgement. The research was conducted under the scope of the state subsidy – the project “Oral and Written Heritage of the Mongolian-origin peo-

ples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border traditions and interactions” (state registration number: AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Mandzhikova L.B. Manuscript of T. A. Burdukova “Mongolian and Oirat Language Study Program”. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2020. No. 4. Pp. 49–67. DOI: 10.22162 / 2587-6503-2020-4-16-49-67

Т. А. Бурдукова (1912–1987) — крупный ученый, филолог, исследователь, преподаватель. Таисия Алексеевна родилась в Алтайском крае, детство прошло в Монголии по месту службы ее отца Алексея Васильевича Бурдукова.

В 1927 г. семья Бурдуковых переехала в Ленинград. В 1930 г. Таисия Алексеевна окончила среднюю школу и в сентябре поступила на Монгольский цикл переводческого отделения Ленинградского института истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ)². Еще будучи студенткой 4 курса языковедческого факультета Ленинградского государственного историко-лингвистического института (ЛГИЛИ), в январе 1934 г. Таисия Алексеевна была зачислена в штат Института востоковедения [Сабрукова 2018: 62].

В этот же период Т. А. Бурдукова работала библиотекарем Студенческого отдела библиотеки ЛИФЛИ, а также занималась преподавательской деятельностью. С 1933 по 1936 гг. она преподавала сарт-калмыцкий и монгольский языки на курсах нацменьшинств Советского Союза [Нармаев 2013].

Кроме того, Таисия Алексеевна выполняла научно-вспомогательные работы по Монгольскому кабинету. Таисия Алексеевна «составила полную библиографию книг и статей на калмыцком языке, охватывающую около 1000 книг, описала фольклорное собрание архива Института востоковедения <...> занималась со-

² В 1930 г. на базе выделившегося из состава Ленинградского университета историко-лингвистического факультета был образован Ленинградский государственный историко-лингвистический институт (ЛГИЛИ). С организацией в 1933 г. философского отделения институт был переименован в Ленинградский историко-философско-лингвистический институт (ЛИФЛИ) [Ленинградский истории...]

ставлением калмыцко-русского словаря (около 5000 слов), <...> переводом сарт-калмыцких сказок» [Сабрукова 2018: 63]. Таисия Алексеевна выполняла и другую научно-исследовательскую и научно-техническую работу вплоть до июня 1942 г., когда была уволена из Института в связи с эвакуацией Института востоковедения АН СССР в г. Ташкент. В июле 1942 г. она вместе с семьей эвакуировалась в село Коркино Туринского района Свердловской области, где она проработала учительницей в сельской начальной школе. Позже, в сентябре 1942 г., Таисия Алексеевна переехала к мужу в Алма-Ату. Там она работала библиотекарем в Казахском педагогическом институте [Сабрукова 2018: 63].

3 ноября 1942 г. Т. А. Бурдукова была восстановлена в штате Института востоковедения АН СССР и прикомандирована по месту жительства к Институту языка и мышления им. Н. Я. Марра. В сентябре 1943 г. она переехала в г. Ташкент к месту расположения Института востоковедения АН СССР, где и проработала до мая 1945 г.

После Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Таисия Алексеевна вместе с сотрудниками академических институтов вернулась в Ленинград.

Т. А. Бурдукова продолжила научно-исследовательскую работу. Ею был сделан перевод монгольской исторической хроники «Болор-Толи» (5 печ.л.); введены дополнения к монголо-русскому академическому словарю (по современной прессе, художественной и общественно-политической литературе); подобрана литература для разметки; размечены тексты: «История ВКП(б)» на монгольском языке (2 главы); «Золотой жук» Эдгара по (21 с.), газета «Унэн» («Правда») (30 экз.); журналы «Хувьсгалт залучудын эвлэл» («Союз революционной молодежи») (3 номера); «Намын Байгулалт» («Партийная организация») (3 номера); «Матар» («Крокодил») (5 номеров); перевод хроники Ш. Н. Хобитуева [Сабрукова 2018: 65].

Таисия Алексеевна возобновила педагогическую работу на Восточном факультете Ленинградского государственного университета. Она составляет программы занятий по монгольским язы-

кам. В сохранившемся блокноте [НА КалмНЦ РАН. Ф.21. Оп. 2. Д. 158] имеются записи двух авторских программ занятий, а именно:

1) Программа занятий по монгольскому ново-литературному языку;

2) Программа занятий по ойратскому языку.

В своих учебных Программах Таисия Алексеева тщательно планировала последовательность изучения тем, их содержания и количество лекционных часов. Обе программы составлены на 1945–1946 учебный год. План занятий курса разделен на 2 семестра. Каждый семестр состоит из 2-х разделов: теории и практики.

Программа занятий по монгольскому ново-литературному языку составлена для I, II, III, IV и V курсов и разработана по следующей схеме.

На I курсе планировалось обучение студентов алфавиту, письму, фонетике, грамматике, правилам орфографии, синтаксису и морфологии. Обучение слушателей должно было проводиться на основе научных трудов ученых-филологов, таких как А. А. Бобровников («Грамматика монгольско-калмыцкого языка» [Бобровников 1849]), Б. Я. Владимирцов («Сравнительная грамматика монгольского письменного языка» [Владимирцов 1929]), А. Н. Попов («Монгольская хрестоматия для начинающих обучаться монгольскому языку» [Попов 1836]), а также по «Учебнику монгольского языка» [Учебник монгольского 1940], составителями которого были Х. Х. Хайбулин, П. П. Старицин, Н. Н. Поппе и Г. Д. Санжеев [НА КалмНЦ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 158. Л. 76 об.].

Начиная со II по V курсы запланированы чтения современной художественной, исторической, общественно-политической, биографической литературы, оригинальные произведения монгольских авторов, а также прессы.

Изучаемый материал представлен следующими трудами:

1. Современные художественные произведения: «Гурбан хүүхэн» («Три женщины») М. Идам-Сюрюна (Идамсуруна); «Приключения Мюнхаузена» Э. Распэ; «Избранные произведения» Ц. Дамдинсурэна; «Салават Юлаев» С. П. Злобина (перевод с рус-

ского языка); «Золотой жук» Эдгара По; «Гологден» Д. Г. Дамдинова, а также произведения детского писателя А. И. Еремеева (Л. Пантелеева).

2. Современная историческая литература: Х. Чойбалсан «История монгольской революции»; Г. Наваннамжил «Главком Чойбалсан в Западном походе»; Ш. Нацагдорж «Биография Сухэ-Батора»³.

3. Современная общественно-политическая литература: История ВКП (б) (перевод с рус. яз.).

4. Периодические издания: газета «Үнэн» («Правда»), журналы «Шин Толи» («Новое зеркало»), «Цог» («Искра»), «Матар» («Крокодил»), «Наука».

Из вышеназванных источников и литературы видно, что изучение данного курса тесно связано с такими дисциплинами, как филология, история, политология, культура и др.

Таким образом, Т. А. Бурдукова построила учебную программу обучения монгольскому языку, начиная с азов грамматики, фонетики и далее — через чтение художественной литературы западных, русских, советских и монгольских писателей. Одновременно через чтение книг, журналов и газет знакомила слушателей с историей, культурой и бытом монгольского народа.

Программу курса по ойратскому языку, в отличие от предыдущей рассматриваемой программы занятий, Т. А. Бурдукова составила только для II, III и IV курсов.

В данной программе Таисия Алексеевна планировала углубленное обучение слушателей ойратскому языку, поставив задачу ознакомить их прежде всего с ойратским алфавитом и грамматикой.

Особое внимание автор программы уделила изучению истории письменности и ойратского языка (библиографии), а также территории его распространения.

Кроме того, слушатели могли работать с калмыцко-русским словарем под редакцией А. М. Позднеева.

³ В документе — Сухэбетора.

Начиная с III курса, вводились новые темы для изучения, такие как: «современный литературный язык советских ойратов», «особенности грамматики нового литературного языка», «латинизация ойратского (калмыцкого) языка».

Все эти знания слушатели должны были получить посредством изучения научных работ В. Л. Котвича «Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка» [Котвич 1929], К. Ф. Голстунского «Монголо-ойратские законы» [Голстунский 1880], Г. Д. Санжеева «Грамматика калмыцкого языка» [Санжеев 1940]. Также в программу занятий были включены книги В. Л. Котвича «Джангар. Литография» [Jangγar 1910], «Калмыцкие загадки и пословицы» [Котвич 1905]; А. М. Позднеева «Калмыцкие народные сказки» [Позднеев 1889], «Калмыцкая хрестоматия» [Позднеев 1907] и «Памятники исторической литературы астраханских калмыков. Литография» [Позднеев 1885].

В программу занятий IV курса был введен такой вид занятий, как самостоятельная работа над рукописью и текстом.

Список изучаемых источников и литературы пополнился работами Г. Гомбоева «История Убаши-Хун Тайджи и его войны с ойратами», Б. Я. Владимирцова «Образцы монгольской народной словесности (Северо-Западная Монголия)».

Т. А. Бурдукова составила сводную таблицу по программам обучения современного нового литературного монгольского языка и ойратского языка, графики проведения консультаций и зачетов, индивидуальных и домашних занятий. В таблицах имеются следующие сведения: фамилии и инициалы студентов, номер курса, расписание занятий, посещаемость занятий.

Программы занятий, составленные Т. А. Бурдуковой, показывают нам глубокие познания Таисии Алексеевны в области монгольского и ойратского языков, истории монгольских народов, зарубежной и русской литературы и т.д. Программы продуманы до мелочей, соблюдена последовательность в изложении материалов.

Преподавательский талант Таисии Алексеевны был достойно оценен многими поколениями монголоведов Калмыкии, Бурятии, Тувы и Монголии. Ее ученики с большой теплотой вспоми-

нают своего учителя. Заслуги Таисии Алексеевны были отмечены целым рядом наград: медалью МНР «Найрамдал» («Дружба») (1967 г.); Почетным дипломом Союза писателей Монголии за значительный вклад в развитие художественной литературы (1969 г.); Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Бурятской АССР за заслуги в деле подготовки кадров востоковедов для республики (1972 г.) [Нармаев 2013: 13].

Таисия Алексеевна всегда отдавала предпочтение научно-педагогической деятельности и полностью посвятила себя преподаванию. Даже после выхода на заслуженную пенсию и до последних своих дней она продолжала поддерживать связь с университетом, занималась научной деятельностью, консультировала студентов и аспирантов [Нармаев 2013: 12].

Т. А. Бурдукова. Программы занятий по монгольскому и ойратскому языкам. Рукопись.

Л.76

Программа занятий по монгольскому ново-литературному языку.
75 часов (2/6) на 1945–46 уч[ебный год] на I курсе

I семестр

Теория:

1) Письмо и фонетика. Алфавит, правила орфографии и чтения. Гласные. Сингармонизм долготы и кратность, дифтонги. Сogласные.

2) Синтаксис.

а) предложение как единица части речи. Главные члены предложения (подлежащее, сказуемое, дополнение и определение).

3) Морфология.

а) общие сведения о морфологическом строе;

б) основа, суффикс;

в) части речи;

г) простые и составные слова;

д) склонение имени;

- е) местоимение;
- ж) числительное;
- з) повелительные и изъявительные формы глагола.

Практика: Учебник монгольского языка Хайбулина Х.⁴

Бобровников А. — Грамматика монгольско-калмыцкого яз[ыка]. 1849 г.

Л. 76 об.

Владимирцов Б. Я. — Сравнительная грамматика монгольско-го письменного языка. 1929.

II семестр

Теория:

- 1) Причастные и дееприч[астные] формы глагола.
- 2) Словообразование
 - а) имя; б) глагол.
- 3) Виды предложений. Простые и сложные предложения.
- 4) Деепричастные обороты.
- 5) Виды сложных и составных сказуемых, подлежащего, дополнения.
- 6) Утвердительные, вопросительные, отрицательные конструкции.
- 7) прямая и косвенная речь.

Практика:

- 1) Учебник монгольского языка Хайбулина Х. (продолжение).
- 2) Санжеев Г. Д.⁵ Синтаксис монгольских языков.
- 3) Хрестоматия Попова А.⁶
 - а) Поучение Чингисхана.
 - б) Оюн Тульхигур.
 - в) Повесть о мальчике.

⁴ Речь идет об учебнике монгольского языка, составителями которого были Х. Х. Хайбулин, П. П. Старицин, Н. Н. Поппе и Г. Д. Санжеев [Учебник монгольского 1940].

⁵ [Санжеев 1949].

⁶ [Попов 1836].

Зачетные требования

І семестр

- 1) Грамматика: склонение, местоимение, числительные, повелительные и изъявительные формы глагола.
- 2) Синтаксис: структура и члены простого предложения.
Знать пройденное по учебнику уроки.

ІІ семестр

- 1) Грамматика в полном объеме — словообразование, склонение, спряжение, местоимение, числительные, наречия, частицы.
- 2) Синтаксис: структура простого и сложного предложения. Причастный и деепричастный оборот. Прямая и косвенная речь.
Знать уроки, пройденные по учебнику, а также прочитанные тексты.

ІІ курс

Программа занятий по монгольскому ново-литературному языку.
75 часов (2/6) на 1945—46 уч[ебный год] на ІІ курс
(семинар по современным текстам)

І семестр

Чтение образцов современной художественной литературы (перевод с русского и западно-европейских языков). Современные художественные произведения Идамсурун⁷ — Гурбан хухэн. Пантелеев Л.⁸ Пакет.

⁷ Монгуш Идам-Сюрюн (1920–1970), член союза писателей, поэт Тувы.

⁸ Еремеев, Алексей Иванович (Пантелеев Л.) (1908–1987), детский писатель.

Распэ Э.⁹ Приключения Мюнхаузена.
Хан Харангуй¹⁰.

II семестр

Чтение образцов современной художественной литературы:

- 1) Оригинальные произведения монгольских авторов.
Дамдинсурун Ц.¹¹ Избранные произведения. Стр. 47–84.
Гурбан Хухэн.
- 2) Перевод с русского языка. Злобин¹² — Салават Юлаев.

Л.78

III курс

140 часов (4/6)

I семестр

Чтение образцов современной исторической литературы:

Чайбалсан Х.¹³ — История монгольской революции. 1944 г.

¹⁴ Наваннамжил. Главком Чайболсан в Западном походе. 1945 г.

Шин Толи, № 3(9) – 1937 г.

Самбу, фольклор.

II семестр

Чтение образцов биографической литературы.

Нацокдоржи Ш.¹⁵ — Биография Сухэбетора.

⁹ Распе Рудольф Эрих, немецкий писатель, поэт и историк.

¹⁰ Хан Харангуй — эпическое сказание монгольских народов

¹¹ Дамдинсурэн Цэндийн (1908–1986), монгольский ученый, действительный член АН МНР, поэт, писатель, классик современной монгольской литературы, переводчик, общественный деятель.

¹² Злобин Степан Павлович (1903–1965), русский советский писатель.

¹³ Чойбалсан Хорлогийн (1885–1952), монгольский революционер, государственный и политический деятель, лидер Монголии.

¹⁴ Наваннамжил, Галсангийн (1882–1954), монгольский политический и общественный деятель, историк, публицист, писатель.

¹⁵ Нацагдорж, Шагдаржавын (1918–2001) монгольский историк, писатель и педагог.

Эдгар По¹⁶ — Золотой жук.
Чтение образцов современной прессы.
Газета «Унэн».
Чайбалсан — ?¹⁷

Л. 78 об.

IV курс

140 часов (4/6)/ 1945–46 уч[ебный год]

I семестр

Чтение образцов современной общественно – политической литературы.

История ВКП (б) (перевод с русского).

Чтение современных периодических изданий.

Журнал Союза писателей МНР «Цог». Стр. 13–19.

Журн[ал] Шине толи, № 3 (9), 1937; Самбу, фольклор.

II семестр

Чтение образцов современной прессы.

Эдгар По — Золотой жук.

Газета «Унэн».

Юмористический журнал «Матар».

V курс

4 г. пед.

Монг[ольский] лит[ературный] язык.

Худ[ожественная] лит[ература].

Дамдин¹⁸ — Гологден.

Г[азета] Цог, № 5-6, 1945 г.

¹⁶ По, Эдгар Аллан (1809–1949), американский писатель, поэт, эссеист, литературный критик и редактор.

¹⁷ Слово не прочитывается

¹⁸ Дамдинов, Дашиним Галданович (1925–2020), исследователь хамниганского этноса, языковед.

Л. 79

Программа курса ойратского языка.

75 часов (2/6) 1945-46 уч[ебный год]

**II курс
I семестр**

Ойратские языки и территория их распространения. Язык ойратской письменности и его отношение к разговорному.

Краткая история письменности.

История изучения ойратского языка (библиография).

Теория:

Ознакомление с ойратским алфавитом и грамматикой.

1. Письмо и фонетика.

а) алфавит: 1) гласные;

2) согласные.

Знаки препинания, ударение.

2. Морфология

а) (основа, суффиксы).

б) Имена: 1) существительные,

2) прилагательные.

в) Числительные.

г) Местоимения.

д) Множественное число.

е) Склонение.

Практика: Котвич Вл. Калмыцкие загадки и пословицы. 1905.

Позднеев А. Калмыцкие народные сказки. 1892.

¹⁹ Автором карандашом дописан следующий текст:

«IV

1) Газета Шине— толи,

2) Дамдин — Гологден,

V к[урс].

Цог: Шине — толи.

Л. 79 об.

Позднеев А. Калмыцко-русский словарь.

Попов А. Грамматика калмыцкого языка. 1847 г.

Котвич Вл. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка.
1929 г.

II семестр

Теория:

- 1) Глаголы: а) образование глаголов;
б) спряжение глаголов.

Повелительные и изъявительные формы глагола.

- 2) Наречения.
- 3) Междометия.

Практика:

Позднеев А. Калмыцкие народные сказки. 1892.

III курс

75 часов (2/6)

Программа занятий по ойратскому языку

I семестр

Теория:

Синтаксис: а) ²⁰ предложение как единица части речи
Л.80

главные члены предложения: подлежащее, сказуемое, дополнения, определение. Структура простого предложения и его члены.

Практика:

Голстунский К. Монголо-ойратские законы.

Позднеев А. Калмыцкая хрестоматия. 1892.

²⁰ Здесь слово «строение» зачеркнуто.

II семестр

Современный литературный язык советских ойратов. Письменность на основе русского алфавита. Латинизация и снова русский алфавит.

Теория:

Особенности грамматики нового литературного языка (склонение, спряжение, местоимения, числительные). Синтаксис (сказуемое, подлежащее, определение).

Практика:

Журналы Мана келн, Улан Туг.

Джаньгър. Шин бѳлгүд. 1940,

Санжеев Г. Д. Грамматика калмыцкого языка. 1940 г.

IV курс

Программа занятий по ойратскому языку

75 часов (2/6)/ 1945-46 уч[ебный] г[од]

I семестр

Теория:

Углубляются знания по грамматике и синтаксису²¹ литературного языка²².

Практика:

Котвич Вл. Джангар, литография.

Позднеев А. Памятники исторической литер[ату]ры астраханских калмыков. 1885. Литография.

II семестр

Самостоятельная работа над рукописью и текстом.

Гомбоев Г. История Убаши-Хун Тайджи и его войны с ойратами. Труды Восточн[ого] отделения, т. VI.

Владимирцов Б. Я. Образцы монгольской народной словесности (С.-З. Монголия). 1926 г.

²¹ Слова «разговорного и» зачеркнуты

²² Слова «Самостоятельная работа студентов над рукописями (литография)» зачеркнуты.

Л. 82

	курс	I/ II	консульт.	Зачеты	Всего
соврем[енный] нов[ый] лит[ературный] монг[ольский] язык	I	30-32	15 ²³	5 ²⁴	75 (90)
	II	30-32	15 ²⁵	5 ²⁶	75 (90)
	III	60-64	20 ²⁷	1	140 (170)
	IV	60-64	20 ²⁸	1	140 (170) ²⁹
	V	30-32			
ойрат[ский] язык	II	30-32	20 ³⁰	5 ³¹	75 (90)
	III	30-32	20 ³²	1	75 (90)
	IV	30-32	15 ³³	1	75 (90)
670 (805) ³⁴ часов					
по 5 часов = 15 часов					

Курсовые 3 человека.³⁴

Л. 82 об.

Научно-исследовательская тема по ЛГУ
на 1945–1946 год

Песенное творчество ойратов (текст, перевод, исследование)	4 пл.
---	-------

²³ Цифра 10 зачеркнута

²⁴ Цифра 3 зачеркнута

²⁵ Цифра 10 зачеркнута

²⁶ Цифра 3 зачеркнута

²⁷ Цифра 15 зачеркнута

²⁸ Цифра 15 зачеркнута

²⁹ Автор дописал карандашом цифру 75

³⁰ Цифра 10 зачеркнута

³¹ Цифра 3 зачеркнута

³² Цифра 12 зачеркнута

³³ Цифра 12 зачеркнута

³⁴ Автор дописал карандашом цифру 769

Источники

НА КалмНЦ РАН — Научный архив Калмыцкого научного центра РАН.
Ф.1; Ф. 21.

Литература

- Бобровников 1849 — *Бобровников А. А.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Унив. тип., 1849. VIII, [4], 400, [3] с.
- Владимирцов 1929 — *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: Введение и фонетика. Л.: Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Енукидзе, 1929. XII, 436 с.
- Голстунский 1880 — *Голстунский К. Ф.* Монголо-ойратские законы 1640 г. СПб., 1880.
- Кононов, Иориш 1977 — *Кононов А. Н., Иориш И. И.* Ленинградский восточный институт. Страница истории советского востоковедения / Ответственный редактор Ю. А. Петросян. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. 138 с.
- Котвич 1905 — *Котвич В. Л.* Калмыцкие загадки и пословицы СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1905. 111 с.
- Котвич 1929 — *Котвич В. Л.* Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Изд. 2-е. Прага, 1929.
- Ленинградский истории... — Ленинградский истории, философии и лингвистики институт // Большая российская энциклопедия [электронный ресурс] // URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2139630 (дата обращения 12.06.2020).
- Нармаев 2013 — *Нармаев Б. М. Т. А. Бурдукова:* Биографические материалы // *Mongolica*—IX. СПб.: Петербургское востоковедение, 2013. С. 10–14.
- Позднеев 1885 — *Позднеев А. М.* Памятники исторической литературы астраханских калмыков в подлинном калмыцком тексте / Изд. А. М. Позднеев. СПб: Литография А.И. Иконникова, 1885. 90 с.
- Позднеев 1889 — *Позднеев А. М.* Калмыцкие народные сказки // Записки Восточного отделения императорского Русского археологического общества. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1889. С. 307–364.
- Позднеев 1907 — *Позднеев А.* Калмыцкая хрестоматия Санкт-Петербург: Тип. Имп. Академии наук, 1907. 195 с.
- Попов 1847 — *Попов А.* Грамматика калмыцкого языка. Казань: Казанск. ун-т, 1847. [2], X, 392 с.
- Попов 1836 — *Попов А. В.* Монгольская хрестоматия для начинающих обучаться монгольскому языку. Ч. I–II. Казань, 1836.

- Сабрукова 2018 — *Сабрукова С. С.* Научная деятельность Т. А. Бурдуковой (по материалам АВ ИРВ РАН) // *Mongolica—XX*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2018. С. 62–66.
- Санжеев 1940 — *Санжеев Г. Д.* Грамматика калмыцкого языка. М.–Л., 1940.
- Санжеев 1934 — *Санжеев Г. Д.* Синтаксис монгольских языков: Практич. пособие для переводчиков востоковедных школ и самостоятельного изуч. монг. яз. / Г. Д. Санжеев. [М.]: НИАНКП, 1934. 149 с.
- Учебник монгольского 1940 — Учебник монгольского языка / сост. Х. Х. Хайбулин, П. П. Старицина, Н. Н. Поппе и Г. Д. Санжеев; Моск. ин-т востоковедения. М.: Моск. ин-т востоковедения, 1940. 312 с.
- Jangγar 1910 — Jangγar: *Taki Zulaa qaani üldel Tangsag Bumba qaaniači Üjüŋ aldar qaani kübüün üyeuin öñčün Jangγariyin arban bölög* / сказитель Ээлян Овла, зап. Н. Очиров, изд. В. Л. Котвич. СПб., 1910. 336 с. (на старописьм. калм. яз.)

УДК 82-131

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-68-77

**Жангар тууль дахь зарим үг хэллэгийн
харьцуулсан судалгаа
(Халимаг Монгол хөрвүүлгийн жишээ дээр)
(= Сопоставительное исследование некоторых
оборотов речи в эпосе «Джангар» (на примере
калмыцкого и монгольского переводов))**

*Бямбаахүү Нанжид*¹

¹ МУБИС, Багшийн сургууль, Монгол хэл – нийгмийн ухааны тэнхим
Pedagogical College at the Mongolian State Pedagogical University, Ulan
Bator, Mongolia

E-mail: www.nanjaa11@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Бямбаахүү Нанжид, 2020

Хураангуй. Халимаг Жангарыг монгол хэлнээ хөрвүүлэх ажлыг академич Ц. Дамдинсүрэний удирдлагаар профессор Т. Дүгэрсүрэн 1940 онд Б. Басанговын хэвлүүлсэн 12 бүлэг жангараас хийж гүйцэтгэжээ. Улмаар 2000 онд 1978, 1990 онуудад Москвад хэвлэгдсэн халимаг “Жангар”-ын 26 бүлгийн сонгомол эхийг орчин цагийн монгол хэлэнд хэвлэсэн байдаг. Дээрх хоёр хөрвүүлгийг уг эхтэй нь тулгаж зарим үг хэллэгт тайлбар хийсэн болно.

Түлхүүр үг: Жангар тууль, хэл-аялгуу, нэр томъёо

Аннотация. Публикация на монгольском языке 12 глав калмыцкого «Джангара», подготовленного к изданию в 1940 г. Б. Басанговым, осуществлена профессором Т. Дугэрсурэн под руководством академика Ц. Дамдинсүрэна. Затем в 2000 г. на современном монгольском языке были опубликованы тексты 26 песен «Джангара», изданных в г. Москве в 1978 и 1990 гг. В статье дан сравнительный анализ некоторых диалектных слов двух вышеуказанных монгольских изданий и калмыцкого оригинала.

Ключевые слова: эпос «Джангар», диалекты языка, понятия и термины

Благодарность. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Бямбаахүү Нанжид. Жангар тууль дахь зарим үг хэллэгийн харьцуулсан судалгаа (Халимаг Монгол хөрвүүлгийн жишээ дээр) Сопоставленное исследование некоторых оборотов речи в эпосе «Джангар» (на примере калмыцкого и монгольского переводов) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 2. С. 68–77. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-68-77

UDC 82-131

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-68-77

Comparative study of some turns of phrase in the epos “Jangar” (on the example of Kalmyk and Mongolian translations)

*Nanjid Byambaakhuu*¹

¹ Pedagogical College at the Mongolian State Pedagogical University, Ulan Bator, Mongolia

E-mail: www.nanjaa11@gmail.com

© KalmSC RAS, 2020

© Nanjid Byambaakhuu, 2020

Abstract. The twelve chapters of Kalmyk epos «Jangar» which were edited for publication by B. Basangov in 1940 were published in Mongolian by T. Dugersuren under the supervision of Ts. Damdinsuren. Later, twenty six songs from «Jangar» published in Moscow in 1978 and 1990, were published in modern Mongolian in 2000. The article gives a comparative analysis of some dialect words from the two mentioned above Mongolian publications and the original text in Kalmyk.

Keywords: epos «Jangar», language dialects, notions and terms

Acknowledgement. The article was presented at the international scientific online conference «Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects — II», held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Nanjid Byambaakhuu. Comparative study of some turns of phrase in the epos «Jangar» (on the example of Kalmyk and Mongolian translations). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 2. Pp. 68–77. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-68-77

Монгол угсаатан аман зохиолын арвин баялаг сан хөмрөгтэй ард түмэн билээ. Түүний дотор өөрийн гэсэн өндөр суурийг эзлэн заларсан «Жангар» хэмээх нэгэн эрдэнэсийн уул байх бөгөөд эдүгээгийн цаг үед туульд өгүүлсний нэгэн адил «Алдар ноён богд Жангар» гэх нэрээ их холд цуурайтуулан олон газрын эрдэмтэд анхаарал хандуулан судалсаар даруй 200 гаруй жилийн нүүрийг үзэж байна.

Халимаг Жангарыг монгол хэлнээ хөрвүүлэх ажлыг академич Ц. Дамдинсүрэний удирдлагаар профессор Т. Дүгэрсүрэн 1940 онд Б. Басанговын хэвлүүлсэн 12 бүлэг «Жангар»-ыг халх аялгуунд буулган 1963 онд «Жангар» гэдэг нэрээр крилл үсгээр хэвлүүлжээ [Катуу 2013: 16]. Мөн академич Ц. Дамдинсүрэн «Жангар» туулийн 550 жилийн ойг тохиолдуулан 1963 онд хэвлэгдсэн дээрх эхийн дөрвөн бүлгийг нэмж засварлан шүлэглэсэн эх бэлтгэснийг шавь Р. Отгонбаатар нь 1998 онд хэвлүүлсэн байна [Катуу 2013: 17]. Мөн профессор Т. Дүгэрсүрэн 1978, 1990 онуудад Москвад хэвлэгдсэн халимаг «Жангар»-ын 26 бүлгийн сонгомол эхийн 26 бүлгийг баримтлан бүрэн эхээр нь Монгол хэлээр хөрвүүлэн буулгасныг 2000 онд хэвлүүлсэн эхийн оршилд эрхлэн хөрвүүлэгч «Жангар» туулийн хувилбар тус бүрийн үг хэллэгийг нарийвчлан судлах нь нийт монголчуудын хэл, аялгуу, авиазүй, үгзүй, өгүүлбэрзүй, үгсийн сангийн судалгаанд чухал ач холбогдолтой төдийгүй, бас нэр томьёо, толь бичиг зохиох, орчуулга хийх, болон утга зохиолын хэлийг баяжуулах зэрэгт ч биет ач тустай» [Дүгэрсүрэн 2000: 5] гэж өгүүлснийг баримтлан бид 1963 хөрвүүлсэн «Жангар» [Дүгэрсүрэн 1963], «Жангар» 26 бүлэг

сонгомол эх [Дүгэрсүрэн 2000] тэргүүтнийг 1940 онд хэвлэгдсэн Б. Басанговын «Джанъгър»-ийн 12 бүлэг, оршил хэсэгтэй харьцуулан зарим үг хэллэгийг нягтлах зорилгоор харьцуулан ажиглалт хийж үзлээ. Дээрх судалгааг гүйцэтгэхийн тулд ойлголтын зөрүүтэй буусан үг хэллэгийг түүвэрлэн эрдэмтэн Б. Х. Тодаевын «Я изучаю “Жангар”, «Калмыцко-русский словарь», Халимаг-орос хэлний толь бичгүүд, Монгол хэлний хураангуй, дэлгэрэнгүй тайлбар толь бичиг, орос монгол толь бичгүүдийг ашиглан харьцуулж ажилласан болно. Энэхүү судалгаандаа «Жангар» туулийн эхний долоон бүлэг, оршил магтаалыг дээрх байдлаар харьцуулан үзвэл оршил магтаалд: арм, бумблв, хүүхэд гэсэн үг, хэллэгийг харьцуулан үзэх шаардлага тулгарч байна. Үзвэл:

Аранзал зээрдийнхээ хурдан цагт

Алтан шар цоохор армынхаа (илдийнхээ) хурц цагт

[Дүгэрсүрэн 1963: 12]

гэсэн бол “Жангар”-ын сонгомол эхэд:

Аранзал зээрдийнхээ хурдан цагт

Алтан шар цоохор жадныхаа хурц цагт [Дүгэрсүрэн 2000: 268]

хэмээн шууд засаж найруулан бичсэн байна. Эхний хувилбарт арам-арм гэсэн үгийг илд хэмээн буулгасан бол сүүлийн хувилбарт “жад” хэмээн засаж найруулсан байна. Мөн хэсэгт:

... шатар болсон бумбалива (өргөө) нь өөрөө боссон

Шарын дөрвөн төрөө гар дээрээ авсан [Дүгэрсүрэн 1963: 12]

гэсэн бол сонгомол 26 бүлэгтэй хувилбарт:

...Шатар болсон бумба нь өөрөө боссон

Шарын дөрвөн төрөө гар дээрээ авсан [Дүгэрсүрэн 2000: 268] хэмээн “бумбалива” хэмээн бичсэн анхны хувилбарыг засч «бумба» болгон бичсэн байна. Харин Б. Басанговын хувилбарт дээрх үгийг «...Шатр болсон бумблвнь» хэмээн бичсэн бол Б. Х. Тодаевийн «Хальмг орс толь»-д [Тодаева 2009: 62] «бумблв — дворец» (орд өргөө) хэмээн тайлбарласан бол, халимаг-орос хэлний толь

бичигт «бумблв-дворец, мавзолей», монгол хэлний тайлбар тольд [Баярсайхан 2009: 105] «бумба-бунхан», «бумбалбай — байшин барилга, орд харш» хэмээн тайлбарласан боловч 1966 онд хэвлэгдсэн Я. Цэвэлийн «Монгол хэлний товч тайлбар толь»-д дээрх үг байхгүй боловч 2000 оноос хойно хэвлэгдсэн толиудад байгаагаас үзвэл дээрх үг нь «Жангар» туулийн хөрвүүлэгтэй холбогдон сүүлд нэмэгдсэн бололтой байна. Иймд бид харьцуулан үзээд «бумблв» гэсэн энэ үгийг «суварга» гэж хөрвүүлэх хувилбар гаргаж байна. Харин судлаач Ж. Лувсандорж «Жангарт гарч байгаа бумбын орон, бумбын шашны ёсны учраар «Жангар»-т магтан дуулсан бумбын орны нэрийг тайлбарлууштай [XXII 2011: 151] гэсэн байдаг.

Мөн «Жангар» туулийн оршил бүлгийн төгсгөл хэсэгт таарах хүүхэд (*күүкд-калм*) хэмээх үгийн хувилбаруудыг авч үзвэл:

...Цуутай цагаан бэрүүд нэг дугуйраа гүйцээд

Цусан улаан хүүхэд нэг дугуйраа гүйцээд [Дүгэрсүрэн 1963: 17]

...Цуутай цагаан бэрчүүл нэг дугуйраа гүйцээд

Цусан улаан хүүхэд нэг дугуйраа гүйцээд [Дүгэрсүрэн 2000: 273]

хэмээн хоёр хувилбарт адил буулгасан байна. Тэгвэл «Жангар» туулийн бусад хувилбаруудад энэхүү «күүкд» гэсэн хэллэг:

Хүснэгт 1. Утгын харьцуулал

түвин дөрвн хаань күүкд холад	отверг он дочерей четырёх ханов континента
түрэ бийнь арвн миңһн күүкд күн ниилүлгсн	голенище его сапога расшито руками десяти тысяч женщин
эр барсин зүрктэ, күүкд бүргд шүүрлһтэ	с сердцем барса, с ухваткой самки беркута

Гэх мэтчилэн хүүхэд бус хүүхнүүд буюу «күүкн» (хүүхэн) гэсэн үгийн олон тоог зааж байгаа. Харин Монгол хэлний тайлбар толиудад [Баярсайхан 2009] хүүхэд — бага насны хөвгүүд охид хэмээн буулгасныг үзэхэд, найрт нэг дугуйраа гүйцээд сууж байгаа хүүхэд бус «хүүхнүүд» хэмээн буулгах нь зүй хэрэг юм.

Үүнээс гадна бүлэг бүрт тохиолдож байгаа «Хаш мөнгөн үүд» хэмээх хэллэгийн тухайд «хаш» хэмээгч нь өнгө бүр гоёл чимэглэлд хэрэглэх нэгэн зүйл эрдэнийн чулуу [Цэвэл 1966: 672] хэмээн тайлбарласан бөгөөд Б. Басанговын халимаг хэлний эхэд «... Бээшнъгин хашр мөнъгн үүднд Хээртэ Джанъгъран авад ирв» [Басангов 1960: 13] хэмээн хаш бус «хашр» гэж тэмдэглэсэн бөгөөд туулийн дотор 42 удаа таарч байна. Тодаевын толь [Тодаева 2009]-д «хашр» — сплошной (үргэлжилсэн цулгуй, үрглж-калм), цельный (бүхэл, цул, хольцоогүй), хэмээн тайлбарласан бөгөөд утгачилбал «цул мөнгөн үүд» «хатуу мөнгөн үүд» гэсэн утгаар хөрвүүлэх нь зүйтэй болж таарч байна.

Үүнээс гадна «Хонгорын гэр авлагын бүлэгт “...Не йовгсн йовлан Номин йовдлар күцэхэд”» [Басангов 1960: 29] гэсэн хэсгийг «Нэг явсан явдлаа Номын ёсоор гүйцээгээд» [Дүгэрсүрэн 1963: 32], «За! Явсан үйлээ Номын ёсоор гүйцээгээд» [Дүгэрсүрэн 2000: 353]. Энэ хоёр хувилбарыг нятлан үзвэл «За» гэж буулгасан сүүлийн хувилбар зөв болж таарч байна. Гэтэл МОНСУДАР-аас 2014 онд гаргасан «Тууль» хэмээх ном-д «...Нэг явсан явдлаа номын ёсоор гүйцээгээд» [Сүлд-Эрдэнэ-нар 2014: 102] хэмээн хуучин 1963 оны хувилбарыг шууд хуулбарлан хэвлэсэн байна. Мөн энэ бүлэгт гарах «Арчм дүнгэ өргн болад» [Басангов 1960: 43] гэсэн хэллэгийг үзвэл «...Алд хэрийн өргөн» [Дүгэрсүрэн 1963: 43], «...Дэлэм өргөн» [Т. Дүгэрсүрэн 2000: 365], «...Алд хэрийн өргөн болоод» [Сүлд-Эрдэнэ-нар 2014: 107] гэх мэтээр буулгасан байх бөгөөд толь бичгээс үзвэл арчм-аршин (хагас алд) [Тодаева 2009: 28] гэж буулган тайлбарласаныг үзвэл «...Дэлэм өргөн» гэж буулгасан хувилбар нь зүйд нийцэж байна. Учир юу гэвэл энэхүү туульд «алд» гэх үг мөн хэлбэрээ (салхинаас алд хурдан, бумбын наян найман алд сүүлээ хаяад гм)тавин удаа тааралдаж байна. Гэтэл эл туульд «дэлэм-калм» гэх хэллэг (санаанаас дэлэм хурдан гм) зургаан удаа тохиолдож бүгд өөрийн үндсэн утгаар хэлэгдсэн байна. Харин монгол хэлний хураангуй тайлбар тольд «арчим» гэсэн үг тохиох бөгөөд энэхүү үг нь «0.711мм-тэй дүйх уртын хэмжээ» [Баярсайхан 2009: 40] хэмээн тэмдэглэснээс үзвэл «арчм» гэх энэ хуучирсан хэллэг нь алд ч бус дэлэм ч бус маш бага хэмжээний

дүрслэл ажээ. Энэ бүлэгт «... Таниг ийм төр болдж гидж Сангсн угав» [Басангов 1960: 32], «...— Гертэсн кү көөгэд бээдг Ямр төр авсн авсн күмбч» хэмээх хэсэгт «төр болох, төр авах» гэсэн хоёр үг байх бөгөөд монгол хэлэнд «... Таныг ийм төр болж гэж санасангүй, ... Гэрээсээ хүн хөөгөөд байдаг Ямар төр авсан хүн бэ чи?» [Дүгэрсүрэн 1963: 34, 35], «...Таныг ийм суудал эзэлсэн гэж Санасангүй би, ... Гэрээсээ хүн хөөгөөд байдаг Ямар төрийн суудал эзэлсэн хүн бэ чи?» [Дүгэрсүрэн 2000: 356, 357] хэмээн «төр», «төрийн суудал», «ийм суудал» гэх мэтээр буулгасан байна. Тэгвэл энэ үгийн үндсэн утгыг авч үзвэл «төр» гэх үг нь үндсэн хоёр утгаар орсон ба туульд гучин нэгэн удаа тохиолдож байна. Монгол хэлний тайлбар толиудад улс төр, төр ёс гэх мэт утгуудыг тэмдэглэсэн байна. Харин халимаг орос хэлний тольд төр ёс, улс төр гэсэн утгаас гадна *болгах кергтэ төр (это дело такое, что надо быть осторожным), күнд төр (трудный вопрос), номин туск төр (научная проблема) төр уга*, гэх мэт утгыг тайлбарласан бөгөөд эрдэмтэн Б. Х. Тодаевийн тольд «төр-право» [Тодаева 2009: 266] үүнээс үзвэл «төр» гэх энэ үгийг «учир, зүйл, асуудал, ёс» гэх мэт утгуудаар илэрхийлэх нь зүйд нийцэж байна. Мөн энэ бүлэгт «...— Аав, хойр миньгын хөөтэ күн Цахрт бээдэж болш уга» [Басангов 1960: 54], «...Ааваа хоёр мянган хоньтой хүн Цахирт байж болшгүй» [Дүгэрсүрэн 1963: 54], “...Аав! хоёр мянган хоньтой хүн Отогт байж болохгүй нь” [Дүгэрсүрэн, Жангар, 2000: 374] эндээс үзвэл цахр гэсэн энэ үг «цахир»(хатуу цагаан чулуу), «отог» (засаг захиргааны нэгж) гэсэн хоёр хэлбэрээр буусан байна. Энэ хоёр хэлбэрээс Отог гэсэн хэлбэрийг зөвшөөрч болох боловч Монгол хэлний хураангуй тайлбар толь дахь «цахар (хуучирсан) буюу хаад ноёдын орд харшийг тойрон суусан зарц айлууд» [Баярсайхан 2009: 932] гэсэн нь «цахр – поселение бедняков, окружающее дворцы князей» [Тодаева 2009: 334] гэсэнтэй тохирч байгааг үндэс болгон «Цахар» гэж буулгах нь зүйтэй гэж үзэж байна.

Тэгвэл «Буурал халзан морьтой Булингарын хөвүүн догшин хар Саналын бүлэгт «...Эл болад бээхлэ, тэвн джилэ татлгъя, Миньгын нег джилэ алв, өгч, Оруд нутг болх аминь авч ирич» [Басангов 1960: 64], «...Ээлтэй болоод байвал таван жилийн татвар,

Мянга нэг жилийн алба өгч, оруул нутаг болох амы нь авч ирээч» [Дүгэрсүрэн 1963: 59], «...Ээлтэй байя гэвэл Тавин жилийн татвар, Мянга нэг жилийн алба өгч Хараат нутаг болох амы нь авч ирээч» [Дүгэрсүрэн 2000: 383] хэмээн «Оруул нутаг», хараат нутаг хэмээн хоёр янзаар буулгасныг харгалзан монгол хэлний тайлбар толиудыг үндэслэн үзвэл «орууд-байлдан дагуулж эзэлсэн нутаг» [Баярсайхан 2009: 492], «хараат- хараат эрхшээлд байгаа, ямар нэгэн улсын эрхшээлд орших» [Цэвэл 1966: 662] гэж тайлбарласан байгааг харгалзан «хараат» эсвэл «орууд» гэж буулгах нь зөвтэй байна. «Оруул» гэсэн хэллэгийн хувьд утга дүйх тайлбар байхгүй байна. Харин 1963 оны хувилбарт «таван жилийн татвар» гэж буулгаснаа засаж «тавин жилийн татвар» гэж буулгажээ. Мөн энэ бүлэгт «... эгрэд одхнь Нээмн чимгн бишв» [Басангов 1960: 65], хэмээх хэллэгийг «...Хугараад одох нь Найман чөмөг биш үү» [Дүгэрсүрэн 1963: 60], «...Хувхайраад одох нь Найман чөмөг л» [Дүгэрсүрэн 2000: 382] гэж хоёр янзаар буулгасан байна. Үүнийг нягтлан үзвэл «Äгр зандн», «эгрх», «эгрэх», «эгрэчкэд» гэх мэт дөрөв таван хувилал байна. Монгол хэлний тайлбар тольд «агирам, агируу, агирах» гэх мэт утга байх бөгөөд 1. хатуу, 2. хөлдүү гэх мэт утга илтгэж байна. Халимаг-Орос хэлний тольд мөн 1. увядший – гандсан, буурсан, поблекший — сульдсан, 2. засохший (сухой)-хатах, хувхайрах гэх мэт утга илэрхийлж байна. Үүнээс үзэхэд аль ч хувилбарт «хугарах» тухай утга заахгүй харин хатах хувхайрах утга зааж байгаа нь илт байна. Тэгвэл, эгрэд одхнь Нээмн чимгн (хувхайрах найман чөмөг) үүнээс гадна эгр зандн жидин үзүр үзгдв (тэмдэг нэрийн утгаар «Хатуу зандан»), эгр хар булгин көвэд (хагсуу хар булгийн хөвөөнд), ааһ цусан асхлцнав гив, хэр һазрт оч арһсн, түлэнэ күн болж заргдхин орчд, эгр хар булгин көвэд ааһ цусан асхлцнав, гэх мэт утгаар орсон байна. Үүнээс гадна «... Таньгъл билгиннь таслад, Тавн ухагьинь тарагьад» [Басангов 1960: 77] «...Таньгьд билгн билгнь тасрад, тавн ухаан тарад» [Басангов 1960: 116], «...Тансаг билгий нь таслаад, Таван ухааны нь тараагаад» [Дүгэрсүрэн 1963: 69], «...Таалал билиг нь тасраад, таван ухаан нь сарниад» [Дүгэрсүрэн 1963: 96], «... Танхил билиг нь тасраад, Таван ухаан нь тасраад» [Дүгэрсүрэн 2000: 393], гэх

мэтээр тансаг билэг, таалал билэг гэх мэтээр буулгасан байна. Туулийг нягтлан үзвэл таалал (таалл чини болв, тав деерчн гарв-калм), тансаг (таньсг Хонһр минь-калм) гэх мэт үндсэн утгаараа таарч байгаа учир үүнийг дахин нягтлан үзэх шаардлагатай болж байна.

Арслангийн араг улаан Хонгор, араг манзын бууралтай, айх догшин Магнай хаантай байлдсан бүлэгт «Арслньгин арг улан Хоньгъриг Түүгэрчн аху кехшв» [Басангов 1960:97] гэх хэллэг байх бөгөөд «...түүгээр чинь ахлаач болгохгүй би» [Дүгэрсүрэн 2000:Дүгэрсүрэн 1963: 81], «...түүгээр нь гэр орныхоо ажиллагч хийхгүй би» [Дүгэрсүрэн 2000: 289] гэж ажиллагч, ахлаач гэсэн хоёр янзаар буусан байгааг тодруулбал «аху» нь ажиллагч мөн боловч «аргал түлээний хүн» гэж буулгавал илүү зохимжтой байна.

Түүний дараагийн бүлэгт « ...— Би түрүлдж замин талагъур одсв — ...эврэнь заман гемшэв» [Басангов 1960: 131] гэж гарах бөгөөд энэ үгийг шууд утгаар нь «...би түрүүлж замын талаар одсугай, ... өөрийнхөө тогоочийг зэмлэв» [Дүгэрсүрэн 1963: 108], «...би түрүүлж зам талруу очъё гэв. ...өөрийнхөө зам тогоочоо шийтгэв» [Дүгэрсүрэн 2000: 424] гэж хоёр янзаар буулгасан бөгөөд «зам» гэдэг нь тогоочийг нэрлэж байгаа хуучирсан үг бөгөөд дээрх хоёр хэсэгт «зам харгуй», «зам-тогооч» гэсэн аль аль утгаар нь орсон бөгөөд хоёуланд тогооч гэсэн утгаар буулгах нь зүйтэй юм.

Дүгнэн үзвэл «Жангар» туулийг орчин цагийн монгол хэлэнд буулгасан нь үнэлж баршгүй гавьяат үйлс мөн боловч үг хэллэг, түүний хөрвүүлэгт анхааран бичих шаардлагатай юм. Сайтар ухварлан үзвэл уг туульд гарч буй үг хэллэг бүгд манай монгол хэлний нутгийн аялгууны үгтэй утга дүйх тал ажиглагдаж байгааг мөн тодотгох хэрэгтэй. Мөн цаг нэгэн цагийг бодвол уг туулийн үг хэллэгийг харьцуулан үзэх нөхцөл боломж бүрдэж байгаа бөгөөд цаашид халимаг хэлнээс торгууд аялгад хэрхэн буусан болохыг нятлан үзэж нэгтгэн дүгнэх шаардлагатай юм. Үүнээс гадна монгол туургатны аман зохиолын нэгэн оргил болсон Жангар туулийн үг хэллэгийг алдаа мадаггүй буулгаж гэмээн уншигч олон хийгээд хожмын судлаачдад үнэт хэрэглэгдэхүүн болно гэж үзэж байна.

Ном зүй

- XXII 2011 – Жангар тууль судлал. Улаанбаатар: Соёмбо, 2011. 169 с.
- Басангов 1960 – Жангар. Героический эпос калмыцкого народа. М.:
Издательство восточной литературы, 1960. 362 с.
- Баярсайхан 2009 – Монгол хэлний хураангуй тайлбар толь бичиг.
Улаанбаатар: Монсудар, 2009.
- Дүгэрсүрэн 1963 – Жангар. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1963.
- Дүгэрсүрэн 2000 – Жангар. Улаанбаатар: Полиграф, 2000. 704 х.
- Катуу 2013 – Монгол туульсийн судалгаа (Vol. I). Улаанбаатар: Соёмбо
принтинг, 2013.
- Сүлд-Эрдэнэ-нар 2014 – Тууль. Улаанбаатар: Адмон, 2014.
- Тодаева 2009 – Я изучаю «Жангар». Элиста: Герел, 2009. 397 с.
- Цэвэл 1966 – Монгол хэлний товч тайлбар толь. Улаанбаатар: Улсын
хэвлэлийн хороо, 1966. 912 с.

УДК 82-343

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-78-99

Миф о рождении Гесера в мир (сравнительный анализ с текстом «Рамаяны» и биографией Будды)

*Цеценбат*¹,

*Евдокия Эрендженевна Хабунова*²

¹ Институт национальных литератур Китайской академии общественных наук (5, Цзяньго мэнь нань дацзе, 100732 Пекин, КНР)

Доктор филологии, профессор

² Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор

E-mail: khabunova@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Цеценбат, Хабунова Е. Э., 2020

Аннотация. Во всех главах монгольского «Гесера» присутствует мотив рождения героя, структура которого включает несколько сюжетных элементов: Хормуста ради спасения живых существ отправляет на землю одного из своих сыновей; на земле у подножия «обо» совершается предсказание о рождении Гесера; о непорочном зачатии и о необычном рождении героя. На основе подобных элементов выстроен сюжет рождения героя и в тибетском «Гесере». Сходство содержания мотива рождения героя в тибетском и монгольском эпических сказаниях о Гесере не вызывает сомнения, но вместе с тем есть и заметные различия. В этих эпических текстах присутствуют общие для богатырских сказаний мотивы бездетных престарелых родителей, выпрашивание ребенка у божества, непорочное зачатие и необычное рождение героя. По такой же схеме выстроен мотив рождения героя в индийской «Рамаяне», но содержательная часть имеет свою отличную специфику. При анализе текста биографии Будды выясняется, что мотив рождения Будды также выстроен на вышеуказанных элементах. В данной статье дан сравнительный анализ содержательной части мотива рождения героя в монгольском «Гесере»,

тибетском «Гесере», индийской «Рамаяне» и в биографии Будды Шакьямуни.

Ключевые слова: мотив рождения героя, монгольский «Гесер», тибетский «Гесер», «Рамаяна», биография Будды

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая в рамках научного проекта № 19-512-93002 «Фольклор народов Шелкового пути: ойрат-монголы Китая и калмыки России (от сказки к эпосу)». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Цеценбат, Хабунова Е. Э. Миф о рождении Гесера в мир (сравнительный анализ с текстом «Рамаяны» и биографией Будды) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 2. С. 78–99. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-78-99

UDC 82-343

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-78-99

The Myth of Geser's Birth into the World (Comparative Analysis with the Ramayana Texts and the Biography of Buddha)

Tsetsenbat¹, Evdokia E. Khabunova²

¹ Institute of Ethnic Literature, Chinese Academy of Social Sciences
(5 Jiannei Dajie, Beijing 100732, People's Republic of China)
PhD, professor

² Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov
(11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Professor
E-mail: khabunova@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Tsetsenbat, Khabunova E. E., 2020

Abstract. All the chapters of the Mongolian “Geser” contain the theme of the hero’s birth the structure of which consists of several narrative elements: Khormusta sends one of his sons to the Earth in order to save the living beings; the prophesy about Geser’s birth is made at the foot of “obo” on the Earth; the immaculate conception and the uncommon birth of the hero. The same narrative elements are used in the birth of the hero’s subject in Tibetan “Geser”. There are doubtless similarities in the pattern of hero’s birth both in Tibetan and Mongolian eposes, however, there are visible differences. In these epic texts there are topics common to all heroic legends: childless elderly parents, begging a child from gods, an immaculate conception and an unusual birth of the hero. The same structure is used in the birth of the hero in the Indian “Ramayana”, however, the content has its distinct peculiarity. The analysis of the biography of Buddha showed that in the topic of Buddha’s birth the same narrative elements are used. The study gives a comparative analysis of the content of the hero’s birth in Mongolian “Geser”, Tibetan “Geser”, Indian “Ramayana” and the Buddha Shakyamuni’s biography.

Keywords: topic of hero’s birth, Mongolian “Geser”, Tibetan “Geser”, “Ramayana”, Buddha’s biography

Acknowledgement. The research was funded by RFBR and Academy of Social Sciences of China within the scope of research project № 19-512-93002 “The Folklore of the peoples of the Silk Road: Oirat-Mongols of China and Kalmyks of Russia (from fairy tale to epos)”. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Tsetsenbat, Khabunova E.E. The Myth of Geser’s Birth into the World (Comparative Analysis with the Ramayana Texts and the Biography of Buddha). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 2. Pp. 78–99. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-78-99

1. Хүслэн нэрт овоон дээрх чуулган

Хэн бүхний мэдээжээр Гэсэрийн ертөнцөд мэндэлсэн үлгэр монгол «Гэсер»-үүдийн хамгийн эхэнд гардаг бөгөөд нэлээд адилаар өгүүлэгдэнэ. Агуулга бүтцийн хувьд дөрвөн хэсгээр бүрэлдэнэ.

1. Бээжингийн модон барын «Гэсэр», «Номч хатны Гэсэр», «Устын зуугийн Гэсэр», «Заяын Гэсэр», «Ордос Гэсэр» зэрэгт Шаг-жамуни бурхан нирвааны дүр үзүүлэхийнхээ өмнө ертөнц дэлхий ирээдүйд самуун болох, хүчтэй нь хүчгүйгээ барьж идэх, гөрөөсөн өөр зуураа нэг нэгнийгээ барьж идэх болохыг айлдан мэдээд, таван зуун жилийн дараа гурван хөвгүүнийхээ нэгнийг ертөнцөд илгээ гэж Хурмаст тэнгэрт зарлиг болсон тул, Хурмаст тэнгэр хөвгүүн Үйлбүтээгчээ ертөнцөд буулгахаар болсныг өгүүлнэ.

2. Дараа нь тухайн үеийн ертөнцийн хар тэргүүт хүнээс бус хамаг амьтан Хүслэн нэрт овоон дээр чуулган чуулсан нэгэн үйл ажиллагааг өгүүлдэг бөгөөд хамаг түрүүнд чуулган болсон учир шалтгаан хийгээд чуулганы агуулгыг ингэж өгүүлсэн байна: Түүний хойно ертөнцийн цаг самуун болсонд хар тэргүүт хүнээс бус нисэх шувуун бүгдээр Хүслэн нэрт овоон дээр чуулган чуулав. Арьяа Алмагарь охин Цагаан тэнгэр хэлэв: “Ай, гурван төлгөч нар, энэ ертөнцийн цаг самуун болсныг даралгалан чадах хаан төрөх буюу, үгүй буюу? төлгө орхиж үз” гэв. Тэгээд Мова гүүш, Данбо нэрт төлгөч, Оваа Гүнжид гурван төлгөч төлгө орхисонд Гэсэр Гарав Донров нэртэй хөвгүүн төрөх бий, эх нь Гэү баяны охин Гэгсэ Амаржил болох бий, эцэг нь энэ Оваа Гүнжид болох бий гэсэн төлгө буусанд охин тэнгэр бас, та нарын төлгө үнэн үү худал уу хүлээж мэдье гээд Хүслэн нэрт овоон дээр хүлээж гэнэ¹.

3. Тэр төлгийг сонссон Тусаа, Дүнсэр, Лингийн хүмүүс Гэү баянд цэрэг мордож очсон, Цотон ноён Гэгсэ Амаржилыг ах Сэнлон өвгөнд эхнэр болгон өгсөн, Гэгсэ Амаржил ууланд түлээ түүж яваад хувилгаан шувуу болон хувилж ертөнцөд эх болох хүн хайж явсан тэнгэрийн хөвгүүн Үйлбүтээгчтэй тааралдсан, нэгэн их хүнтэй тааралдаж мэдээ алдан унасан, дараа өглөө нь мөрөөр нь мөшгиж нэг их агуйн хөндийд орсон ба тэр агуй дотор нэгэн аварга эр саатаж, өчигдөр шөнө алжаахын ихээр алжаав гэж хэлэхийг сонсоод айн эмээж харьж ирээд жирэмсэлснийг өгүүлдэг.

4. Гэгсэ Амаржилын учрал тохиолыг үзсэний дараа гурван зуун өөр хэлтэн амьтан тархав, Арья Алмагарь охин Цагаан тэнгэр тэн-

¹ Охин тэнгэрийн хэлсэн сүүлийн энэ үг ордос «Гэсэр»-т бий.

гэрт гарав, Мова гүүш, Данбу нэрт төлгөч Хүслэн нэрт овоон дээр оров, тэд бүгд төлгөч нарын үг үнэн болов уу гэж хүлцэж билээ, үнэн гэж тархав гэж өгүүлдэг. Энэ өгүүлэмжид гурван төлгөчөөс хоёрыг нь дурдаад нөгөө уулсын хаан Оваа Гүнжидийг дурдсангүй байх нь сонирхолтой бөгөөд Хүслэн нэрт овоон дээрх чуулганд зарим тэнгэр, уул усны эзэд сахиус ч залран саатсан гэдгийг мөн өгүүлэмж бас үзүүлж байна.

5. Удалгүй Гэсэрийн эх нярайлах болж, Гэсэрийн гурван эгч, Гэсэрийг төрүүлсэн ба дараа өглөө нь болоход гадна байсан мал ахуй нь төллөснийг өгүүлнэ.

Үлгэрийн бүтэц хийгээд агуулга, тушаах гэсэн гол санаанаас үзвэл, бурхны зарлигаар Үй бүтээгч ертөнцөд буухаар нэгэнт шийдсэний дараа шууд Тусаа, Дүнсэр, Лингийн ноёдын үлгэрт шилжиж, Гэгсэ Амаржил хээр явж байгаад аварга хүнтэй тааралдаж жирэмсэн болсон үйл хэргийг өгүүлж болох атал дунд нь ертөнцийн хар тэргүүт хүнээс бус хамаг амьтан “Хүслэн нэрт овоон” дээр чуулсан үлгэр оруулж байна. Энэ үлгэр үйл явдал чухам ямар учир утгатай байна? Ямар ирэл гаралтай вэ гэдэг нь сонирхолтой. Энэ асуудлыг тодорхойлох гэвэл эрхбиш түвд “Гэсэр”-тэй харьцуулж үзэх хэрэгтэй.

2. Түвд «Гэсэр»-тэй харьцуулах нь

Түвд Гүйдэ «Гэсэр» хийгээд Түвдээс орчуулагдлаа гэгддэг монгол «Лин Гэсэр» буюу «Замлин Сэнчиний намтар» хоёр адилхан эхлэлээр эхэлдэг бөгөөд монгол «Гэсэр»-үүдтэй адилаар Гэсэр ертөнцөд мэндэлсэн үлгэрээр эхлэлээ болгодог:

1. Урьд тоолшгүй галбын тэртээ тэнгэрийн орны хаан Чамба Гарав, хатан Бумжин Жалму хоёр Сайн үйлт, Цагаан үйлт, Үйл бүтээгч хэмээх гурван хөвгүүнтэй байжээ. Тэр цагт дэлхий дахиныг догшин шумну эзлэх болсонд, бурхан бодисадваа нар билгийн нүдээр үзэж, чухал зөвчлөөд, хязгаарын дөрвөн шумнуг доройтуулан дарах хүчит хувилгаан нэгийг эс буулган илгээвээс болохгүй гээд Эсэруа хурмастын отгон хөвгүүн Үйл бүтээгчийг илгээвээс сайн хэмээлцэж, эцэг хаанд нь шаардах бошиг өгсөнд, Эсэруа хурмаст отгон хөвгүүнээ ертөнцөд буулгахаар боллоо

гэдэг. Энэ бол монголоор орчуулсан «Лин Гэсэр» дэх өгүүлэмж [Замлин сенчиний... 1959: 2]. Түвд Гүйдэ «Гэсэр»-т бол Хоньсом бодисадваа Эсэруа тэнгэр хоёр зөвчлөн уг шийдвэрийг гаргалаа гэж өгүүлдэг [王沂暖、华甲翻译 1981: 1]. Энэ хэсэг нь монгол Гэсэрийн өгүүлэмжтэй үндсэн үйл явдлын талаар нэлээд адилавар. Адилгүй зүйл нь монгол «Гэсэр»-т бол Шагжамуни бурхан нирваан дүр үзүүлэхийн урьд Хурмаст тэнгэрт зарлиг болсон тэр зарлигаар Үйл бүтээгчийг ертөнцөд буулгадаг бөгөөд энэхүү үлгэрийн ирэлтийн тухай миний бие ««Гэсэрийн тууж»-д бурхны зарлигийн учир» хэмээх өгүүлэлд [Цэцэнбат 2015: 71–76] нэгэнт бурхны намтрын үлгэрээс ирэлтэй хэмээн нотолсон билээ.

2. Залгаад Үйл бүтээгч хувилгаан шувуунд хувилан ертөнцийн орныг эргэж эх болох хүнийг хайсан үйл явдлыг өгүүлнэ. Хэдийгээр үлгэр үйл явдлын хувьд нэлээд зөрүүтэй боловч монгол «Гэсэр» дэх Гэгсэ Амаржил хээр явж байгаад хувилгаан шувуутай тааралдсан үйл явдалтай тохиролцож байна.

3. Дараа нь тухайн цагт ертөнцийн оронд ямар үйл явдал болж байсныг өгүүлнэ:

Лингийн орны их хаан Дагварал хатан Нанжинма хоёроос Сэндэнраж, Кали Комчон, Цотон Даг, Чавадкуд Даг, Брайсан Даг хэмээх таван хөвгүүнтэй бөгөөд өсөж өөлэй болсных нь сүүлээр тус бүр хатан буулган өгч хувь хөрөнгө салгаж өгчээ. Тэгээд ахмад хөвгүүн Сэндэнражид Кун газрын хааны авхай Кугса Лаамуг хатан болгож залсан боловч Кугса Лаамугаас хүүхэд үл төрөхийн учир түүний охин дүү Нандигмаг дэд хатан болгон залсан боловч бас ч хөвгүүн олдохгүй тул хамаг уулсын хаанд залбиран үр гуйжээ. Тэгж байтал нэгэн өглөө, нэгэнт тавь хүрсэн Кугса Лааму сарлагийн хүрээнд байтал огторгуйгаас өнгөт үүл бууж түржигнэх чимээ гарсанд яаран дээш харж үзсэнд элдэв эрдэнээр чимэглэж хив торго асгаруулсан нэгэн хөвгүүнийг олон дагинас өргөлцөн огторгуйн замаар бууж ирэхийг харахын сацуу ухаан мэдэлгүй унаж, түүнээс болж хатан Кугса Лааму бие жирэмсэн болж, Гэсэр хаан ертөнцөд мэндэллээ гэж өгүүлдэг. Энэ бол монгол «Лин Гэсэр» дэх өгүүлэмж [Замлин сенчиний... 1959: 3–5]. Түвд Гүйдэ «Гэсэр»-т Сэндэнраж Кугса Лааму, Гандигма, Нандигма гурван

хатан авсан боловч үр хүүхэд ер олодохгүй болохоор уулсын хаан хийгээд Эсэруа тэнгэрээс үрийн хутаг гуйсан гэж бий. Харин хатан Кугса Лааму бие жирэмсэн болсон шалтгааныг монгол «Лин Гэсэр» дэх дээр дурдсан үлгэртэй нэгэн адил өгүүлж байна [王沂暖、华甲翻译 1981: 10].

Энэ үлгэр монгол «Гэсэр»-ээс нэлээд зөрүүтэй. Үүнд ертөнцийн хамаг амьтан Хүслэн нэрт овоон дээр цуглаж гурван төлгөч төлгө орхисон, тэр төлгө ёсоор Гэсэрийн эх жирэмсэлсэн үлгэр гараагүй байна. Үүний оронд хэдийгээр маш дөхөмхөн тушаасан боловч түвд Гүйдэ «Гэсэр»-т өтөлтөл үр хүүхэдгүй Сэндэнраж хаан хатан хоёр уулсын хаан хийгээд Эсэруа тэнгэрт залбирснаар үрийн хутаг заяалаа хэмээх өгүүлэмж бий. Монгол «Лин Гэсэр»-т бол хаан хатан хоёр хамаг уулын хаанд залбиран үрийн хутаг гуйснаар Гэсэр хаан ертөнцөд мэндэлснээр өгүүлж байна.

Түвд «Гэсэр» дэх уулсын хаантай тохиролцох дүр монгол «Гэсэр»-т байх бөгөөд түүнийг уулсын хаан Оваа Гүнжид хэмээдэг. Түвд «Гэсэр»-т уулсын хаанаас үрийн хутаг гуйж байхад монгол Гэсэрт уулсын хаан Оваа Гүнжид төлгө барьж Гэсэрийн мэндлэхийг урьдчилан мэдээлдэг. Түвд монгол хоёр эх дэх уулсын хааны тохиролцоо нь чухам монгол «Гэсэр» дэх Хүслэн нэрт овооны чуулганы учир утгыг тайлах түлхүүр нь юм.

Учир нь түвд эхтэй харьцуулбал монгол эхүүд дэх Хүслэн нэрт овоон дээр болсон чуулган нь чухамдаа уулсын хаанаас үрийн хутаг гуйх учиртай чуулган аж. Гэхдээ өтөлтлөө үр олоогүй хаан хатан хоёр, уулсын хаад хийгээд Эсэруа тэнгэрт даатгаж үрийн хутаг гуйсан энэхүү үйл хэргийг бээжин барын «Гэсэр», «Номч хатны Гэсэр», «Заяын Гэсэр», «Устын зуугийн Гэсэр» болон ордос «Гэсэр» зэрэгт баахан балархайшуулан өгүүлсэн шинжтэй. Хэдий тийм боловч ертөнцийн амьтад «Хүслэн нэрт овоон дээр чуулган чуулж», «Энэ ертөнцийн цаг самуун болсныг даралгалан чадах хаан төрөх буюу, үгүй буюу» гэж төлгө орхиулж байгаагаас, хаан ор суух хөвгүүн хүсэж уул овоо тахиж байгаа гэдэг нь илхэн байна. Тэгээд ч хүмүүсийн цугларч байгаа овоо нь бас «Хүслэн нэрт овоо» нэртэй байх нь хаан төрөө барьж ертөнц дахиныг амаржуулах хөвгүүн төрөхийг хүссэн тэрхүү санаагаа давхар цухуйлгаж байгаа хэрэг юм.

Тэгвэл, «Гэсэр» дэх үрийн хутаг гуйсан үлгэр нь монгол үлгэр туулийн уламжлал дахь үрийн хутаг гуйдаг өгүүлэмжтэй ямар холбоотой, ямар ялгаатай болохыг чанагшид нягтлах хэрэгтэй.

3. Үрийн хутаг гуйх өгүүлэмж монгол үлгэр туульд

Түвд «Гэсэр»-ийг судалсан эрдэмтэн Ли Ляньрүн, түвд «Гэсэр»-т Хоньсом бодисадваагийн сануулгаар Эсэруа тэнгэр хөвгүүнээ ертөнцөд буулгасан үйл явдал хийгээд үр хүүхэд олдохгүй хаан хатан үрийн хутаг гуйснаар хаан хөвгүүн төрсөн үйл явдал хоёр давхцаж байгаа ба сүүлийнх нь улам баларч байгааг ажиглаад, үрийн хутаг гуйдаг нэн эртний өгүүлэмжийг бодисадваагийн сануулгаар Эсэруа тэнгэр хөвгүүнээ ертөнцөд буулгасан хожим үеийн өгүүлэмжээр засаж өөрчилсөн ба энэхүү засвар өгүүлэмж нь улам улам газар авч, түрүүчийн өгүүлэмж нь балрахад хүрчээ гэж заагаад, үрийн хутаг гуйдаг үлгэр үйл явдал Европ, Азийн үндэстнүүдийн үлгэр туулийн уламжлалаас ирэлтэй гэж үзсэн байдаг [李连荣著: 27].

Үнэхээр ертөнцийн хүн амьтан Хүслэн нэрт овоонд цугларан, ертөнцийн самууныг даралгалан чадах хаан хөвгүүн төрөх эсэхийг төлгөдүүлж байгаа энэ үлгэр үйл явдал бол монгол тууль болон алтай хэлт үндэстнүүдийн баатарлаг туулийн эхэнд хааяа гардаг өтөлтлөө үр олоогүй хаан хатан хоёр уул усны эзэн сахиус хийгээд дээд тэнгэрт тахил өргөн үрийн хутаг гуйдаг эхлэлийн загварыг бага зэрэг өөрчилсөн хэлбэр мөн байна. Алдарт монголч эрдэмтэн Вальтер Хайсигийн «Хад чулуунаас мэндлэх ба уулын шүтлэг» хэмээх өгүүлэлд ийм туулийг нэлээд дурдсан байдаг. Тухайлбал Монгол улсын баруун аймгийн Улаангомоос тэмдэглэсэн «Алтай хайлах» туульд, хөгширтлөө үр хүүхдийн бараа үзээгүй алтайн эзэн бурхан хаан, гучин хоёр төлгөчөөр төлгөдүүлсэнд, Атаа тэнгэр, Алтай Хангайг арван гурван гүүгээр тахиж, дээд эцэг тэнгэрт нэг тэмээ, дор этүгэн эхэд нэг бодонгийн тахил өргөвөл хаан төрийн жолоог барих хөвгүүнтэй болно гэж мэргэлсэн бөгөөд тэр ёсоор нь гүйцэтгэсэнд үнэхээр хөвгүүнтэй болсон гэж гардаг. Үүнтэй адилаар алтай урианхайн туульч Өлзийн Буяны хайлсан «Бужин даваа хаан», дөрвөд туульч Парчингийн хайлсан «Данихүрэл» зэрэг аль

олон тууль бүр ийм эхлэлтэй байдаг. Киргиз тууль «Манас», алтайчуудын тууль «Ай мэргэн», «Алтан күш», «Хан тэнгэр» зэрэгт бүр ийм өгүүлэмж гардгийг ч энэ өгүүлэлд дурджээ [海希西著、赵振全译 1984: 164–181]. Үүнээс гадна, «Цагаан далай нутагтай Савхалт хааны хөвгүүн» туульд ч үрийн хутаг гуйсан өгүүлэмж гардаг [Хятадын нийгмийн ШУА-ийн...].

Дээд тэнгэр бурхан сахиусаас үрийн хутаг гуйдаг өгүүлэмж монгол баатарлаг үлгэрт нэн олон тохиолдохыг эрдэмтэн Дамринжав ажиглаад «Баатарлаг үлгэрт үр хүүхэдгүй эмгэн хөгшин (хаан хатан) өндөр уул хайрхан (Цагаан аав, тэнгэр, лам нар)-д хүрч мөргөөд тэднээс үрийн хутаг гуйж байгаагаар үлгэрийн үйл явдал эхэлдэг <...> ийм өгүүлэмжүүд баатарлаг үлгэрт олон байхад харин баатарлаг туульст элбэг тохиолддоггүй» [Ринчиндорж 2007: 1203] гэж зааж гаргажээ. Монгол баатарлаг үлгэрийг үйл явдлаар нь дан үйл явдалтай баатарлаг үлгэрийн 4 зүйл, нийлмэл үйл явдал бүхий баатарлаг үлгэрийн 21 зүйл, нийт 25 зүйлд ангилсны дотор 8 зүйл нь бүр үрийн хутаг гуйсан үйл явдалтай аж [Дамринжав 2006: 62–63]. Энэ нь монгол баатарлаг үлгэрийн 1/3 нь уул хайрхан (тэнгэр бурхан, Цагаан аав, лам нар)-аас үрийн хутаг гуйсан үйл явдалтай гэснийг харуулж байна, мөн ч монгол баатарлаг үлгэрт иймэрхүү үлгэр үйл явдал тун элбэг бөгөөд түгээмэл байдгийг харуулж байна.

Дамринжавын дүгнэснээр, үрийн хутаг гуйсан үлгэрийн үйл явдал нь дараах сонгодог хэв загвараар өрнөдөг:

1. Эмгэн өвгөн хоёр үр хүүхэдгүй. Эмгэн өвгөн (хаан хатан) хоёр нас нь хэдэн зуу хэдэн мянга, хэдэн түм буюу хэдэн бум сая хүртэл үр хүүхэд гарахгүйд маш зовдог.

2. Тэнгэр, уул хайрхныг тахиж, эсхүл Цагаан аав, даяанд суусан лам, дээдсийн гурван сахиусаас үрийн хутаг гуйдаг.

3. Тэнгэр, уул хайрхан зэргээс хайрласан үр хүүхэд нь төрөхдөө нэг гартаа цус, нөгөө гартаа чулуу, төмөр, саадгийн сум зэргийг атгаж төрдөг.

4. Сая төрсөн тэр хүүхэдийн хүйсийг юугаар огтолсон ч тасардаггүй, чулуугаар буюу аавынх нь мухар хар хутгаар огтлоход сая тасардаг.

5. Тэр хүүхэд нь нэг хонож нэг иргийн арьсанд багтахгүй, хоёр хонож хоёр иргийн арьсанд багтахгүй маш түргэн өсдөг... [Дамринжав 2006: 67–68].

Үүнээс үзвэл, монгол баатарлаг тууль хийгээд баатарлаг үлгэрт ертөнцийн орны ямар нэгэн хаан хатан хоёр дээр тэнгэрээс үрийн хутаг гуйсан үйл явдал гардаг боловч, түүний сонгодог загварт тэнгэрийн орны бурхан тэнгэр нар хэнийг ертөнцөд илгээх тухай зөвтөлцдөг үйл явдал гардаггүй байна. Иймээс тэнгэрийн орны үлгэрийн хэсэг нь өөр ирэл гаралтай бололтой байна.

Анхаарууштай нь, цөөн зарим монгол баатарлаг үлгэр хийгээд баатарлаг туульд үүнээс өөр шиг үрийн хутаг гуйсан үлгэр гардаг. Жишээлбэл, бум сая настай Бусар алдар хаан үр хүүхэдгүй учраас дээр Замбуутивд хүрч бурхан багшаас үрийн хутаг гуйсанд гурван гаталганаас гаталж чадвал үр хүүхэдтэй болж чадна гэжээ. Тэр ёсоор нь гурван бэрх үйлийг бүтээгээд үр хүүхэдтэй болдог [Дамринжав 1997: 130–131]. «Ганц төрсөн галдамт улаан баатар»-г, дунд Замбуутивд хаан тогтохгүй учраас Саргин цагаан түшмэл дээд тэнгэрт гарч хаан хурмастаас ертөнцөд хаан болох хүн гүйсанд Хурмаст гурван хөвгүүнээр тийм хүн эрүүлсэнд отгон хөвгүүн нь хаан чулуун аавтай, хатан чулуун эхтэй, үрэл чулуун эгчтэй, ганц төрсөн Галдамт улаан баатрыг олж ирсэнд, хаан Хурмаст тэр баатрыг ертөнцийн хаан болно гэжээ. Тэгэхэд тэр баатар Хурмаст тэнгэрээс гурван эгчийн сахил, хүнд гартай савар, мухар хар илд аваад дунд Замбуутивд хаан суухаар буусан гэдэг [Дамринжав 1997: 151–168]. «Халзан улаан баатар» хэмээх үлгэрт бол харин Шагжамуни бурхан дунд ертөнцөд хаангүй байхыг үзээд хаан чулуун аавтай, хатан чулуун эхтэй, үрэл чулуун эгчтэй гарди хар халзан морьтой Халзан улаан баатрыг томилж хаан суулгасан гэж гардаг [Дамринжав 1997: 169–176]. Адил нэртэй хоёр хувилбарт ч адаливтар өгүүлнэ [Дамринжав 1997: 171–196].

Монгол баатарлаг туульд бас иймэрхүү үрийн хутаг гуйсан үйл явдал бий. Жишээлбэл, урианхай туульч Авирмэдийн хайлсан «Талын хар бодон» туульд, доvon хар бөх өтөлглөө үр хүүхэдгүй учраас хан Хурмаст тэнгэр болон луусыг дуудан уй гашуу болов. Тэгээд Алтай өргөн нутгаа харахаар явж байтал талын хар бодон

гэдэг баатар Хурмаст тэнгэрийн зарлигаар хүрч ирээд доvon хар бөхтэй танилцаж хөвгүүн нь болдог [Ринчиндорж 2007: 266–282]. Адилхан урианхай туульч Чойсүрэнгийн хайлсан «Талын хар бодон» туульд талын хар бодон хан Хурмаст эцэг болон луус эхийнхээ зарлигаар үр хүүхэдгүй доvon хар бөхийн хөвгүүн нь боллоо гэдэг [Ринчиндорж 2007: 45–56]. Мөн Чойсүрэнгийн хэлсэн «Баян цагаан өвгөн» туульд энэхүү үйл явдал гарах бөгөөд өгүүлэх нь, таван хан Хурмаст дунд замбуутивийг эргэж яваад баян цагаан өвгөн, бумын улаан хатан хоёр үр хүүхэдгүй байхыг үзээд отгон Хурмастыг үр нь бол гэж гэрийнх нь баруун цамхаригаар нь таван өнгийн солонго татуулан үр заяалгаж өгөөд дөрвөн алтан толгойтой хун болон огторгуйд өөд болжээ гэнэ [Ринчиндорж 2007: 1203]. Баяд туульч Парчингийн хэлсэн «Данихүрэл» туульд, гурван зуун далан настай дагинийн өвгөн далай хаан хийгээд Мөсөн гэрэл хатан хоёр үр хүүхэдгүй учир хатан нь далай хааныг, мөсөр тувхан хангайн оргил дээр алтан мөнгөн хоёр суварга барьж арван гурван сан тавьж ачит гурван эрдэнэд итгэмжилж, алтан дэлхийн эздээс, Эсэруа Хурмаст тэнгэр нараас орон сахих хөвгүүн хайрла гэж өргөж мөргөж ир гэж явуулсанд далай хаан тэр ёсоор гүйцэтгээд явж байтал, есөн өргүү биетэй, хасаг туяхан заан шаргал морьтой, хараацай хар сахалтай, цаснаас цагаан самсаатай, цуснаас улаан халхтай хар улаан баатар ирж, алтан мөнгөн хоёр суварга дээр зогсож, ачит гурван эрдэнэ, аврагч номын сахиусан адистэдтай олон орны эзэд бүгдээр зөвлөж танд нэг сайн хөвгүүн хайрлавай гээд цааш таттал нэр чинь хэн гэхэд миний нэр уртын эзэн Цасчихэр гээд үл үзэгдэн одсон гэнэ. Гэртээ хариад тэр зарлигийг хатандаа хэлсэнд хатан нь, надад бас тийм зарлиг соёрхоод үзэгдэлгүй одов гэжээ. Тэгээд хатан жирэмсэлж, өдөр хоног нь гүйцэхээр алтан суваргын үүднээс далан давхар хялар хар будан татаж долоон өнгийн солонго татаад ирэхэд хатнаас алтан цээжтэй мөнгөн бөгстэй шил магнайтай цой хүрэл хүйстэй хөвгүүн мэндэлсэнд хүйсийг нь хэрчих ирт мэс бүр даадаггүй, тэр нялх хөвгүүн нь өвөө аавын алмаст хар болд илдээр хэрч гэсэнд сая хүйсийг нь хэрчсэн гэнэ [Парчин 1972: 196–201].

Эдгээр жишээнээс үзэхэд монгол баатарлаг үлгэр хийгээд баатарлаг туульд үр хүүхэдгүй хаан хатан хоёр тэнгэр уул хайрхнаас үрийн хутаг гуйхад үнэхээр хоорондоо зөвчилж, эсвэл тэнгэр Хурмаст өөрөө эзэн мэдэж нэгэн сахиусыг тэр хаан хатны хөвгүүн бол гэж томилж явуулдаг үлгэр үйл явдал байсан юм байна. Үүний дотор зарим нь «Гэсэр»-ийн нөлөө авсан шиг байна. Тухайлбал, өтөлтлөө үргүй хаан хатан хоёртоо Хурмастын зарлигаар нэгэн баатар ирж хөвгүүн нь болдог нь «Гэсэр» дэх өгүүлэмжтэй нэгэн адил байхаар барахгүй, «Ганц төрсөн Галдамт улаан баатар»-т Саргин цагаан түшмэл гэж гардаг нь «Гэсэр» дэх Царгин өвгөнтэй тохиролцож байна. Галдамт улаан баатар хаан Хурмастаас гурван эгчийн сахил авч ертөнцөд бууж байгаа нь Гэсэр ялгуусан Өгүйн хамт ертөнцөд төрдөг үлгэртэй адилавартай байна. «Баян цагаан өвгөн» туульд таван хан Хурмаст, отгон Хурмастыг баян цагаан өвгөн, бумын улаан хатан хоёрын үр нь бол гэж гэрийнх нь баруун цамхрагаар нь таван өнгийн солонго татуулан үр заяалгаж өгөөд явсан гэдэг нь Гэсэр ертөнцөд бууж эхийн хэвлийд орсон үлгэрийг санагдуулж байна. «Данххүрэл» туульд, далай хаанд ачит гурван эрдэнэ, аврагч номын сахиусан адистэдтэй олон орны эзэд бүгдээр зөвлөж нэгэн сайн хөвгүүн хайрласан зарлигийг Засучихэр гэдэг баатар ирж дамжуулж байна, Энэ бол Гэсэрийн ах Цасчихэрийн нэрийн өөр бичлэг болох нь дамжиггүй.

«Гэсэр»-ээс бусад монгол туульд ийм үлгэр үйл явдал тохиолдож байх нь нэг бол эдгээр тууль нь «Гэсэр»-ийн нөлөөг авсан, нэг бол «Гэсэр» хийгээд түүнтэй адилавартай өгүүлэмж бүхий тууль нь өөр нэг туулийн уламжлалын нөлөөг зэрэг хүртсэнтэй холбоотой байж мэднэ.

Тиймийн тулд «Гэсэр» дэх үлгэр нь өөр улс үндэстний үлгэр туулийн уламжлалаас ирэлтэй болох бололцоо, ялангуяа Энэтхэг тууль «Рамаяна» хийгээд бурхан шашны үлгэр домгоос ирсэн бололцоо маш их юм. Ер нь «Гэсэр» болон өөр монгол туульд Энэтхэг тууль «Рамаяна»-гийн нөлөө нэвтэрсэн гэдгийг эрдэмтэд зааж байсан. Жишээ нь, алдарт монголч эрдэмтэн В. Хайссиг «Алтан галав хаан» туульд «Рамаяна»-гийн нөлөө туссаныг [Хайссиг 1988: 16–17], франц эрдэмтэн Штевин түвд монгол «Гэсэр»-ийн

Шарайголын гурван хааны бүлэгт гардаг Шиманбирожагийн дүр «Рамаяна» ирэлтэй болохыг [石泰安著, 耿昇译, 陈庆英校 1991: 566–568], Оросын эрдэмтэн Неклюдовбээр Гэсэрийн дүр мөн «Рамаяна» дэх баатар Раманатай холбоотой болохыг заасан байдаг [尤涅克留多夫著, 徐昌汉、高文凤、张积智译 1991: 172]. Иймээс түвд монгол «Гэсэр» дэх үрийн хутаг гуйсан үлгэрийг Энэтхэгийн эртний тууль «Рамаяна» хийгээд бурхан шашны үлгэр домогтой харьцуулж үзэх хэрэгтэй.

4. «Рамаяна»-тай харьцуулах нь

Энэтхэг тууль «Рамаяна»-д Раманагийн ертөнцөд мэндэлсэн үлгэрийг дараах байдлаар өгүүлнэ:

1. Өтөлтлөө хаан ор залгамжлах үр хүүхэдгүй хаан олон улсыг цуглуулж тахилын мандал босгон, тэнгэр сахиулсанд морьтой тахил өргөж үрийн хутаг гуйжээ.

2. Тахил өргөхөд Эсэруа тэнгэр тэргүүлэн олон сахиусан саатсан бөгөөд тэр үед олон сахиулсан нь «Мангасын хаан улайраад тэнгэр газар гурван ертөнцийг эзлээд элдэв самуун үүсгэж байна, гучин гурван тэнгэрийн хаан Хурмастыг хүртэл дарлаж байна, тиймээс та тэр мангасыг дарж өг» хэмээн Эсэруа тэнгэрт айлтгасанд «Ертөнцийн хүний махбод бие биш болбол тэр мангасыг дарж чадахгүй учраас эрхбиш нэг сахиулсан ертөнцөд бууж, хүн болон төрвөл сая тэр мангасыг дарж болно» гэжээ.

3. Тэгээд Эсэруа тэнгэр хийгээд олон сахиусан зөвчлөөд баатар сахиусан Вишнуг ертөнцөд буулгахаар тогтсон гэнэ.

4. Тэр тогтоол ёсоор Вишну сахиусан хааны хөвгүүн болон төрөхөөр шийджээ гэнэ.

5. Хаан тахил хийж байтал нэгэн сахиусан гэнэт тахилын гал дотроос гарч ирээд хаанд нэг бутан тэнгэрийн үнээн сүү өгч, үүнийг хатандаа уулгавал дөрвөн хөвгүүнтэй болно гэжээ.

6. Хааны хатан тэр сүүг уугаад жирэмсэн болж, хөвгүүн Рамана ертөнцөд төржээ гэнэ. [23]

Үүний хамгийн гол онцлог нь гэвэл Раманагийн ертөнцөд мэндлэх үйл хэргийг хүүрнэхдээ ертөнцийн орны үйл явдал хийгээд

тэнгэрийн орны үйл хэргийг тус тус өгүүлж ам сээр нийлүүлсэнд бий. Энэ бол Монгол хийгээд Төв Азийн үндэстнүүдийн туулийн уламжлалд цөөвтөр гардаг хүүрнэлийн загвар мөн бөгөөд монгол түвд «Гэсэр» дэх Гэсэрийн ертөнцөд мэндэлсэн үлгэрийн загвартай яг таг нийлж бий. Энэ нь монгол түвд «Гэсэр», «Рамайна»-гийн нөлөөг хүртсэн гэдгийг гэрчилж байгаа хэрэг юм.

Түвд «Гэсэр»-ийг «Рамайна»-тай харьцуулж үзвэл, нэгдүгээрт, өтөлтлөө үр хүүхэдгүй хаан Эсэруа тэнгэрээс үрийн хутаг гуйсан талаар, хоёрдугаарт, тэнгэрийн сахиулсан нар хийгээд Эсэруа тэнгэр зөвчилж нэгэн сахиулсныг ертөнцөд буулгахаар тогтсон талаар, гуравдугаарт, Гэсэр ертөнцөд буухын өмнө эх болох хүнийг ертөнцөөс хайсан талаар, дөрөвдүгээрт, Гэсэр мангас шулмыг дарах үүрэгтэйгээр ертөнцөд бууж байх талаар ерөнхийдөө «Рамайна»-гийн үлгэр үйл явдалтай нийцэж байна.

Адилгүй зүйл гэвэл нэгдүгээрт, түвд Гэсэрт ертөнцийн орны үлгэр хийгээд тэнгэрийн орны үлгэр хоёрын байрыг сольжээ. Хоёрдугаарт, тахилын мандал засаж тахил өргөсөн үйл явдлыг орхижээ. Гуравдугаарт, хааны хатан тэнгэрийн сахиулсны хайрласан сүүг ууж жирэмсэн болсон үйл явдал алга байна. Дөрөвдүгээрт, Эсэруа тэнгэр хийгээд тэнгэрийн олон сахиусууд хоорондоо зөвчилж нэгэн сахиусыг ертөнцөд төрүүлэх шийдвэр гаргасныг Хоньсом бодисадваа Эсэруа тэнгэр хоёр зөвчлөн уг шийдвэрийг гаргалаа гэж өөрчилсөн байна.

Монгол «Гэсэр»-ийг «Рамайна»-тай харьцуулж үзвэл, нэгдүгээрт, Хурмаст тэнгэр гурван хөвгүүнтэйгээ зөвчилж Үйл бүтээгчийг ертөнцөд буулгахаар тогтсон талаар, хоёрдугаарт, Гэсэр ертөнцөд буухын өмнө эх болох хүнийг ертөнцөөс хайсан талаар, гуравдугаарт, Гэсэр мангас шулмыг дарах үүрэгтэйгээр ертөнцөд бууж байх талаар ерөнхийдөө «Рамайна»-гийн үлгэр үйл явдалтай нийцэж байна. Гэхдээ монгол «Гэсэр»-т бас ийм хэдэн адилгүй зүйл бий.

Нэгдүгээрт, түвд «Гэсэр»-ийн нэгэн адилаар, ертөнцийн орны үлгэр хийгээд тэнгэрийн орны үлгэр хоёрын байрыг солижээ.

Хоёрдугаарт, түвд «Гэсэр»-т үрийн хутаг гуйсан өгүүлэмж байж байтал монгол «Гэсэр»-т харин энэхүү өгүүлэмж үгүй байна.

Харин монгол «Гэсэр»-т «Хүслэн нэрт овоо»-гоор «Рамаяна» дахь тахилын мандлыг орлуулсан шинжтэй. Гэхдээ энэ нь монгол тууль дахь үрийн хутаг гуйдаг уламжлалт өгүүлэмжээс ирэлтэй бөгөөд үрийн хутаг гуйсан явдлыг балархайшуулан өгүүлсэн шиг байна.

Гуравдугаарт, Эсэруа тэнгэр хийгээд тэнгэрийн олон сахиусууд хоорондоо зөвчилж нэгэн сахиусныг ертөнцөд төрүүлэх шийдвэр гаргасныг түвд «Гэсэр»-т Хоньсом бодисадваа Эсэруа тэнгэр хоёр зөвчлөн уг шийдвэрийг гаргалаа гэж өөрчилсөн бол монгол «Гэсэр»-т чанагшлаад Шагжамуни бурханы зарлигаар Хурмаст тэнгэр хөвгүүнээ ертөнцөд буулгахаар шийдсэн болгон өөрчилжээ.

Дөрөвдүгээрт, «Рамаяна» хийгээд түвд «Гэсэр»-т байдаггүй нэгэн үлгэр, тухайлбал овоон дээр чуулсан олон сахиус ертөнцийн самууныг дарж чадах хөвгүүн энэ ертөнцөд мэндлэх эсэхийг төлгөдөж, эцэг эх нь хэн болохыг төлгөөр заасан үлгэр үйл явдал монгол «Гэсэр»-т нэмэгдэн орсон байна.

Дээрх харьцууллаар монгол түвд «Гэсэр» дэх Гэсэр ертөнцөд мэндэлсэн үлгэр адил бус хэмжээгээр Энэтхэг тууль «Рамаяна» дахь Рамана ертөнцөд мэндэлсэн үлгэрээс нөлөө авсан гэдэг нь тодорхой байна. Харин монгол «Гэсэр» дэх овоон дээр заларсан охин тэнгэр гурван төлгөчөөр Гэсэрийн мэндлэхийг төлгөдүүлсэн үйл явдлын учрыг олох гэвэл чанагшид бурхны намтар цадигийн үлгэртэй харьцуулж үзэх хэрэгтэй байна.

5. Бурхны намтрын үлгэртэй харьцуулах нь

Монгол түвд «Гэсэр» дэх Гэсэр ертөнцөд мэндэлсэн үлгэр ганцхан «Рамаяна»-гаас нөлөө авсан гэж хэлэх юм бол учир дутагдалтай болно. Яагаад гэвэл монгол түвд «Гэсэр»-ийн аль аль нь ч гээд бурхны намтар цадигийн үлгэрийн нөлөөг ч гүн хүртсэн гэдгийг өнгөрсний судалгаа илрүүлээд байна. Ялангуяа монгол «Гэсэр»-т бурхны намтрын үлгэрээс ирэлтэй зүйл бишгүй олон байдаг. Зөвхөн ертөнцөд мэндэлсэн үлгэрийн талаар авч хэлэхэд тохиролцоотой зүйл үлэмж байдгийг миний бие «Бээжин барын „Гэсэр“ хийгээд бурхны намтар цадигийн үлгэрийн харьцааг өгүүлэх нь» гэдэг өгүүлэлдээ олон жишээгээр нотлон өгүүлсэн билээ [斯钦巴图 2014: 102–109]. Энд бид нэлээд бүдүүвч загварын

талаас Гэсэрийн ертөнцөд мэндэлсэн үлгэрийг бурхны ертөнцөд мэндэлсэн үлгэртэй харьцуулж үзье.

Шагжамуни бурхан ертөнцөд мэндэлсэн үлгэр мөн ерөнхий загварын хувьд тэнгэрийн орон дахь үлгэр хийгээд ертөнцийн орны үлгэр хэмээх хоёр хэсгээс бүрэлдэх бөгөөд энэ хоёр хэсгийг адил бус судруудад солбицуулан өгүүлдэг.

1. Бурхан багш ертөнцөд мэндлэхийн өмнө Дивангар бурхан, эндээс нэгэн галба илүү болсны дараа бурхан Кабалиг балгасны оронд төрөх больё уу, «Махамаяа охин тэнгэр хэмэгдэхүй ину эхэ ин буюу. Судадани хаан хэмэгдэхүй ану эцэг буюу» гэж Вивангирид үзүүлдэг [Монгол Ганжуур, 47: 236].

2. Шагжамуни бурхан ертөнцөд мэндэхийн өмнө Түшид тэнгэрийн орон дахь дамбадүгээр бодисадваа байжээ. Ертөнцийн хүмүүс ном сонсохын тул түшидийн оронд одож үл чадах хийгээд тэнгэр нар ном сонсохын тул ертөнцөд одож чадахыг харгалзан, өөрийн ертөнцөд төрж ном дэлгэрүүлэн, илт туулсан бурхан болохоор шийджээ.

3. Тэгээд Түшидийн орны бодисадваа нар хийгээд тэнгэрийн хөвгүүдийн чуулган болж, бурхан чухам хаа ямар хүний хөвгүүн болон төрөх тухай хэлэцжээ. Тэгээд язгуур (хаан язгуур), орон тив (замбуутив), цаг (ертөнцийн хүн зуу наслах цаг), уг үндсэн (долоо долоон үе хүртэл гэм явдалгүй уг үндсэн), эхнэр (эгэл доод эхнэр бус, бурхны эх болох гэж ерөөл тавьсан эхнэр) таван зүйлийн баримжаагаар сонголт хийж хамгийн сүүлд Судадани хаан хийгээд Махамаяа хатан хоёрын хөвгүүн болж төрөхөөр шийджээ.

4. Ямар дүрээр эхийн умайд орох тухай зөвтөлцсөний дүнд зургаан соёот цагаан зааны дүрээр эхийн умайд орохоор тогтжээ.

5. Дараа нь, бурхан эхийн умайд орсон үлгэрийг өгүүлнэ. Махамаяа хатан зуны дунд сарын тэргэлийн урьд долоон хоногоос нангадурт наадан жаргаж байгаад долоон хоногийн эцэст байшингийн дотор орж орон дэвсгэр дээр хэвтэж байгаад, задар махранз ирж орон дэвсгэртэй нь өргөж аваад ерэн барааны маншилагийн дээр тавьж, тэндээс анабад далайд аваачиж ариулан угаагаад, мөнгөн уулны дотор алтан жимс харшийн тэнгэр нарын орон дэвсгэрт хэвтүүлж байтал бурхан бээр зааны дуун дуурьсхан эхийг хэвлийд оржээ хэмээн зүүдэлжээ.

6. Тэр зүүдийг жаран дөрвөн бярманаар дайлуулсанд, хатны хэвлийд богд хөвгүүн оржээ, тэрбээр хэрэв гэрт аваас Чаграварди хаан болох, гэрээс гарч тойн болбоос бурхан больё уу гэжээ.

Махамаяа хатан Лумбиний цэцэглэгт нярайлах болж, бурхан эхийн умайгаас төрсөн гэдэг. Тэгэхэд Эсэруа алтан тороор бурхныг тосож авсан бөгөөд, бурхан бас номын тавцангаас ном номлогч буух мэт, шатнаас буугч төрөлтхтөн мэт хоёр гар хийгээд хоёр хөлөө сунгаж төрсөн аж. Төрмөгц тэнгэрээс хоёр урсгал усан бууж эх хөвгүүн хоёрыг ариулсан бөгөөд бурхан бээр арван зүгийг анхааран үзэж арслангийн дууг дуурьсгажээ. Бас бурхан төрмөгцөө их эм болон төрсөн, хамгийг гэтэлгэн төрсөн, энд төрсөн гурван төрөл дур умайгаас төрөх домгийг өгүүлэх бөгөөд хамгийг гэтэлгэн төрсөн төрөлдөө өглөг өгөхийн дүрээр баруун гараа сунган төрж, энд төрсөн төрөлдөө арслангийн дуу гарган төрөх аж [Монгол Ганжуур, 47: 222–272].

Дээрх бол «Цадигийг тэргүүлэн өгүүлэхүй» нэрт сударт гарах үлгэр. Бурхны намтрыг нэлээд дэлгэрэнгүй өгүүлсэн «Хутагт ахуй ихэд цэнгэсэн нэрт их хөлгөн судар»-т, урьдаар түшид тэнгэрийн оронд бодисадваа ертөнцөд буух тухай шийдвэр гаргаж, тэр орны бодисадваа нар хийгээд тэнгэрийн хөвгүүдийн чуулганаар бурхан хаа ямар хаан хатны хөвгүүн болох, ямар дүрээр эхийн умайд орох тухай зөвтсөн сонгосон зэрэг үлгэрийг өгүүлээд, дараа нь Судадани хаан Махамаяа хатан хоёрын тэнд үлгэр шилжиж, Махамаяа хатан зургаан соёот цагаан заан хэвлийд орж байхаар зүүдлээд жирэмсэн болсныг тушаагаад, дараа нь бурхны ертөнцөд мэндэлсэн ба бурхан мэндлэхтэй сацуу зуун нялх хөвгүүд, хорин мянган заан, таван зуун сайн язгууртан нярайлж, ясандарь тэргүүтэн түмэн охид мэндлэн, найман зуун шивэгчин, таван зуун эр тугал тэргүүтэн дагалдан төрснийг өгүүлнэ [Монгол Ганжуур, 61: 1–76]. Энэ нь мөн ч тэнгэрийн орны үлгэр хийгээд ертөнцийн орны үлгэр хоёр хэсгээс бүрэлдэж байна.

Түвд «Гэсэр»-ийг бурхны намтрын үлгэртэй харьцуулж үзвэл тохиролцмоор зүйл ийм хэд байна. Нэгдүүгээрт, Гэсэр тэнгэрийн орноос буусан нь бурхан Түшид тэнгэрээс буусантай адилавартай байна. Хоёрдугаарт, Гэсэр ертөнцөд буухын өмнө

ертөнцөд эх болох хүнийг хайж тогтоосон талаар адилавартай байна. Гуравдугаарт, Гэсэрийн эх олон дагинас нэгэн хөвгүүнийг өргөлцөн огторгуйгаас бууж ирэхийг үзмэгц ухаа алдаж унаад жирэмсэлсэн үлгэр нь Махамаяа хатан зүүд зэрэглээний дунд жирэмсэлсэн үлгэртэй баахан адилавартай байна. Өөр адил зүйл ховор.

Харин монгол «Гэсэр»-ийн үлгэрт бурхны намтартай тохиролцох зүйл түвд «Гэсэр»-ийн нэгэн адилаар тэнгэрийн орноос буусан, ертөнцөд эх болох хүн хайсан, ухаан мэдэлгүй болж үхэхийн унаад жирэмсэлсэн ийм гурван талаар адил байхын хамт нарийн ширийн үйл явдлын талаар тохиролцоотой зүйл нэн олон байна.

Нэгдүгээрт, гурван төлгөч төлгө орхиод, Гэсэр Гарав Донров нэртэй тэр төрөх бий, эцэг нь уулсын хаан Оваа Гүнжид энэ болох, энэ нь Гэү баяны охин Гэгсэ Амаржил болох гэж төлгөдсөн нь Шагжамуни бурхан ертөнцөд мэндлэх тухай Тивангара бурхны айлдсантай нэгэн адил байна.

Хоёрдугаарт, Бээжин барын «Гэсэрийн тууж»-д Гэгсэ Амаржил шинийн наймны шөнө түлээ түүж байгаад жирэмсэлсэн нь «Зуны дунд сарын тэргэлийн урьд долоон хоног»-т бурхны эх Нангадарын найраар эхлэн жаргаад арван тавны өдөр бурхан эхийн хэвлийд орсон гэдэгтэй холбоотой. Тэргэл гэдэг нь арван тавныг заасан нь лавтай. Тэгвэл тэргэлийн өмнө долоон хоног гэдэг нь яг шинийн найман болж гарна. «Гэсэрийн тууж»-д Гэсэр эхийн хэвлийд орсон өдрийг шинийн наймны шөнө гэж, ертөнцөд гийсэн өдрийг арван таван гэж байх нь бурхны намтар дахь тэр хоёр өдөртэй холбоотой байж болох юм. Ер нь «Гэсэрийн тууж»-д өдөр сарыг төдий л тодорхой тушаадаг үйл хэрэг туйлын цөөн байдгийг ч бодолхийлж болно.

Гуравдугаарт, Гэгсэ Амаржил хээр нэгэн их хүнтэй учралдаж үхэхийн унаад, сэргэсний дараа мөрөөр нь мөшгиж их хадны хөндийд очоод, тэр их хүн нь алтан ширээн дээр барс цоохор тугтай барс цоохор малгайтай, барс цоохор дээлтэй, барс цоохор гуталтай, алтан ширээний мөг түшиж сууж, барс цоохор сахлаа хярах арчиж сууж, энэ шөнө алжаахын муугаар алжаав би гэж

байхыг харсан нь, бурхны намтарт Задар Махранз Махамаяаг мөнгөн уулын доторх алтан жимс харшид аваачин, тэнгэр нарын орон дэвсгэр дээр хэвтүүлж байтал бурхан эхийн хэвлийд орсон гэдэгтэй тохиолцоотой байна. Үүнд уул дотор байдаг нь бүр адил, харин «Гэсэрийн тууж»-д мөнгөн уулыг нь энгийн уул болгож, алтан жимс харшийг нь хадны хөндий болгон хувируулж, тэнгэр нарын орон гэдгийг нь алтан ширээ гэж өөрчилсөн бололтой байна.

Дөрөвдүгээрт, Гэсэр эхийн хэвлийгээс ёст хүрднээр гарахдаа элээ шумнусыг тас хялайхын тулд баруун нүдээ гилийж, энэ заяан тэр заяан хоёрыг тэгш харахын тулд зүүн нүдээ харж, эсэргүүлэгч бүхнийг тас далайхын тулд баруун гараа далайж, бүгдийг эзлэн барихын тул зүүн гараа атгаж, шашныг мандуулахын тул баруун хөлөө дээш өргөж, тэрс буруу номтныг доройтуулан гишгихийн тул зүүн хөлөө жийж, догшин шумнасын сүрийг тас залгихын тулд дөчин таван дун цагаан шүдээ зуусаар төрсөн гэдэг нь, бурхан хамгийг гэтэлгэн төрсөн төрөлдөө өглөг өгөхийн дүрээр баруун гараа сунган төрж, энд төрсөн төрөлдөө арслангийн дуу гарган төрөх зэрэгтэй адилавартай байна.

Тавдугаарт, Гэсэрийг мэндэлж байхад гаднах мал адгуусан нь цугаар хээлтэж, удалгүй хонь, гүү, үхэр нь төллөсөн ба нохой нь гөлгөлсөн гэдэг нь, бурхан мэндлэх үед олон хүүхэд, Ясандарь тэргүүлэн түмэн охид мэндэлсэн, хорин мянган заан, таван зуун эр тугал тэргүүтэн дагалдан төрсөн гэдэгтэй тохиролцоотой байна.

Зургадугаарт, бурхны намтрын үлгэрт, үрийн хутаг гуйсан үйл явдал байхгүйтэй нэгэн адил, монгол «Гэсэр»-г ч үрийн хутаг гуйсан үйл явдал байхгүй. Гэтэл «Хүслэн нэрт овоон»-ы чуулганаар үрийн хутаг гуйсан үйл хэргийг балархайшуулан хэлсэн шинжтэй. Балархайшуулан өгүүлсэн нь бурхны намтрын үлгэрээр уг үлгэрийг дахин өөрчилсөнтэй холбоотой. Хурмаст тэнгэрийн хөвгүүн бурхны зарлигаар ертөнцөд буухаар тогтчихсон байдал дор, ертөнцийн хүмүүс овоо тахиж уул усны эзэд сахиус хийгээд дээд тэнгэрээс үрийн хутаг гуйснаар Гэсэр ертөнцөд мэндэллээ гэсэн өгүүлэмжийг үлдээвэл, бурхны зарлигийг дагасан хийгээд үрийн хутаг гуйсан хоёр нь зөрчилтэй зүйл болж үлдэх нь мэдээж. Тиймээс ийм зөрчлийг устгахын төлөө, бурхны намтарт

улам ойртуулах зорилгоор үрийн хутаг гуйсан үйл явдлыг зориуд балархайшуулсан гэж ойлгох нь учир ёсонд нийцэх биз ээ. Үүнээс үзэхэд, түвд «Гэсэр»-г бодвол монгол «Гэсэр»-ийн үлгэр нь бурхны намтрын үлгэрийн нөлөөг илүү хүртсэн байна.

6. Дүгнэлт

Монгол түвд «Гэсэр» дэх Гэсэр ертөнцөд мэндэлсэн үлгэрийг энэтхэг тууль «Рамаяна» хийгээд бурхны намтрын үлгэртэй харьцуулж үзсэний дүнд ийм хэдэн зүйл хураангуйлж болно:

Нэгдүгээрт, монгол түвд «Гэсэр»-т Гэсэрийн мэндэлсэн үлгэрийг тэнгэрийн орон дахь үлгэр болон ертөнцийн орны үлгэр хоёр хэсэг болгон хэлдэг нь Энэтхэг тууль «Рамаяна»-гийн нөлөөг ихэд авсан, түүний хүүрнэлийн дэс дарааг байрыг нь сольж ашигласантай холбоотой. Ялангуяа түвд «Гэсэр»-т ертөнцийн орны үр хүүхэдгүй хаан хатан хоёр тэнгэрийн сахиуснаас үрийн хутаг гуйсан үлгэрийг үлдээж байхаараа «Рамаяна»-гийн нөлөөг илүү хүлээсэн болох нь мэдэгдэж байна.

Хоёрдугаарт, монгол түвд «Гэсэр» дэх Гэсэрийн мэндэлсэн үлгэрт зөвхөн «Рамаяна»-гийн нөлөө туссан бус, харин бурхан шашны нөлөө, ялангуяа бурхны намтрын үлгэрийн нөлөө ч туссан байна. Гэхдээ түвд «Гэсэр» бурхан шашны нөлөө авсан боловч, тохиролцоотой зүйл маш цөөн, харин монгол «Гэсэр»-т бурхны намтрын үлгэртэй тохиролцох зүйл нэн үлэмж байх нь монгол «Гэсэр» бурхны намрын үлгэрийн нөлөөг илүү авсан болохыг харуулж байна.

Гуравдугаарт, монгол «Гэсэр» дэх Хүслэн нэрт овоон дээр чуулган чуулсан өгүүлэмж гурван талын ирэл гаралтай бөгөөд тодруулж хэлбэл монгол тууль дахь овоо тахиж үрийн хутаг гуйдаг уламжлалт үйл явдал, «Рамаяна» дахь тахилын мандал засаж үрийн хутаг гуйсан өгүүлэмж болон бурхны намтар цадигийн үлгэр дэх Диваангар бурхан Шагжамуни бурхан ертөнцөд мэндлэх тухай айлдсан гурвыг нийтгэн өөрчилсөн өгүүлэмж мөн. «Хүслэн нэрт овоо» нь «Рамаяна» дахь «Тахилын мандал»-тай тохиролцох зүйл. «Рамаяна»-гийн нөлөөг ихэд үлдээсэн түвд «Гэсэр»-т үрийн хутаг гуйсан үйл явдлыг ил бөгөөд дөхмөөр хүүрнэдэг бол,

бурхны намтрын үлгэрийн нөлөөг ихэд авсан монгол «Гэсэр»-т харин бурхны намтрын дагуу үрийн хутаг гуйсан үйл явдлыг балархайшуулан, Хүслэн нэрт овоон дээр төлгөчид төлгө татаж Гэсэрийн мэндлэхийг хүссэн, айлдсанаар орлуулан гаргасан байна.

Дөрөвдүгээрт, «Гэсэр»-ээс бусад монгол туульд бас үр хүүхэдгүй хаан хатан хоёр тэнгэр уул хайрхнаас үрийн хутаг гуйхад бурхан тэнгэр нар хоорондоо зөвчилж, эсвэл тэнгэр хурмаст өөрөө эзэн мэдэж нэгэн сахиусныг тэр хаан хатны хөвгүүн бол гэж томилж явуулдаг үлгэр үйл явдал гардаг нь «Рамаяна»-гийн үлгэр эрт дээр үед монголчуудын дотор дэлгэрэн монгол баатарлаг туулийн уламжлалыг нөлөөлж, чанагшлаад «Гэсэр»-г нөлөөлж байсантай холбоотой биз ээ. Харин монгол туульд үргэлж гардаг алтай хангайн оройд арван гурван овоо босгож үрийн хутаг гуйдаг уламжлалт үйл явдал нь Энэтхэгийн тууль үлгэр дэх үрийн хутаг гуйдаг үлгэрийн загварыг хүлээн авахад ул суурь нь болсон байна.

Ном зүй

- Дамринжав 1997 — *Балжаан Дамринжав*. Алдуузай мэргэн. Үрэмч: Жинжааны ардын хэвлэлийн хороо, 1997.
- Дамринжав 2006 — *Балжаан Дамринжав*. Ойрадын баатарлаг үлгэрийн судлал. Бээжин: Үндэстний хэвлэлийн хороо, 2006.
- Замлин сенчиний... 1959 — Замлин сенчиний намтар оршив / Ринчений хэвлэлд бэлтгэсэн. Улаанбаатар: БНМАУ-ын Шинжлэхүй ухаан ба дээд боловсролын хүрээлэнгийн хэвлэл, 1959.
- Монгол Ганжуур, 47 — Монгол «Ганжуур»-ын 47-р боть буюу «Элдэв билиг барамид»-ын «Цадигийг тэргүүлэн өгүүлэхүй» нэрт сударт бий. Хуудасны дугаар хоёр зуун гучин зургаа, дээд.
- Монгол Ганжуур, 61 — Монгол «Ганжуур»-ын 61-р боть буюу «Элдэв»-ын судрын хоёрдугаар ботийн «Хутагт ахуй ихэд цэнгэсэн нэрт их хөлгөн судар», хуудасны дугаар нэгээс далан зургаа хүртэл.
- Парчин 1972 — *Парчин М.* Данихүрэл // Аман зохиол судлал. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэх үйлдвэр, 1972. Х. 196–201.
- Ринчиндорж 2007 — *Ринчиндорж нар*. Монгол баатарлаг туулийн чуулган. 2-р боть. Бээжин: Үндэстний хэвлэлийн хороо, 2007.
- Хайссиг 1988 — *Хайссиг В.* Оршил // Алтан галба хаан. Хайлаар: Өвөр Монголын соёлын хэвлэлийн хороо, 1988.

- Цэцэнбат 2015 — *Цэцэнбат*. «Гэсэрийн тууж» дахь бурхны зарлигийн учир // Дундад улсын монгол судлал. 2015. № 3. X. 71–76.
- 斯钦巴图 2014 — 斯钦巴图：《北京木刻本〈格斯尔〉与佛传关系论》，《民族艺术》2014年第4期（总第120期），第102–109页。
- 李连荣著 — 李连荣著：《格萨尔学刍论》，北京：藏学出版社，第27页。
- 海希西著、赵振全译 1984 — 海希西著、赵振全译：《从岩石里诞生和对山的崇拜》，中国社会科学院少数民族文学研究所编：《民族文学译丛》第二集史诗专辑（二），北京，1984年，第164–181页，（内部编印）。
- 王沂暖、华甲翻译 1981 — 王沂暖、华甲翻译：《格萨尔王传（贵德分章本）》第1页，甘肃人民出版社，1981年。
- 石泰安著，耿昇译，陈庆英校订2005 — 石泰安著，耿昇译，陈庆英校订：《西藏史诗和说唱艺》，北京：中国藏学出版社，2005年，第566–568页。
- 蚁垤著，季羨林译 2016 — 【印度】蚁垤著，季羨林译：《罗摩衍那》，第一卷《童年篇》，长春：吉林出版集团股份有限公司，2016年，第47页。
- 谢尤涅克留多夫著，徐昌汉、高文凤、张积智译 1991 — 谢尤涅克留多夫著，徐昌汉、高文凤、张积智译：《蒙古人民的英雄史诗》，呼和浩特：内蒙古大学出版社，1991年，第172页。

УДК 821.512.36

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-100-110

Элементы волшебной сказки в цикле рассказов о Мастере-Аргачи

Дмитрий Алексеевич Носов¹, Сичинбат²

¹ Институт восточных рукописей РАН

(д. 18, Дворцовая наб., 191186, Санкт-Петербург, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, научный сотрудник

E-mail: dnosov@mail.ru

² Институт этнических литератур Академии общественных наук КНР

(5, Цзяньго мэнь нань дацзе, 100732 Пекин, КНР)

доктор филологии, профессор

© КалмНЦ РАН, 2020

© Носов Д. А., Сичинбат, 2020

Аннотация. В статье рассматриваются народные рассказы о Мастере-Аргачи, бытующие как среди монголоязычного населения Синьцзян—уйгурского автономного района КНР, так и среди торгутов Монголии. Дается краткое обоснование жанрового определения всего цикла. Наиболее подробно рассмотрены сюжеты четырех сказок, опубликованных в Урумчи и Улан-Баторе в 1990 и 2002 гг. — «Ајігү-а-уін сү-бер агікі пегегсен пі» (Как гнал водку из молока жеребца), «Эргүү ванг ичээсэн нь» 'Как пристыдил бестолкового вана', «Dayardağ ügei debel» 'Незамерзающая дэли' и «Агуаџи амбан поуан-і џükүгсен пі» 'Как Аргачи выиграл пари у амбания-ноёна'. На уровне структуры повествования и среди художественных образов выявлены элементы, свойственные волшебным сказкам.

Ключевые слова: монгольские народы, торгуты, фольклор, типология, Синьцзян-уйгурский автономный район КНР

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая в рамках научного проекта

№ 19-512-93002. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Носов Д. А., Сичинбат. Элементы волшебной сказки в цикле рассказов о Мастере-Аргачи // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 2. С. 100–110. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-100-110

UDC 821.512.36

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-100-110

Elements of a Fairy Tale in a Series of Stories about the Master-Argachi

Dmitrii A. Nosov¹, Siqinbatu²

¹ Institute of Oriental manuscripts RAS
(18, Dvortsovaya emb., St. Petersburg 191186, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Research Associate
E-mail: dnosov@mail.ru

² Institute of Ethnic Literature, Chinese Academy of Social Sciences (FL-11, West Wing, 5 Jiannei Dajie, Beijing 100732, People's Republic of China)
PhD, Professor

© KalmSC RAS, 2020

© Nosov D. A., Siqinbatu, 2020

Abstract. The article discusses folk stories about Master-Aragchi that exist among Mongolian speaking population of the Xinjiang Uyghur Autonomous region of the People's Republic of China as well as among torguts in Mongolia. It gives the brief grounding for the determination of the whole series. The study gives a detailed analysis of the four fairy tales published in Urumchi and

Ulan Bator in 1990 and 2002 — «Ajiry-a-yin sü-ber ariki neregsen ni» ‘On how he made vodka from stallion’s milk’, «Эргүү ванг ичээсэн нь» ‘On how he made a clueless van ashamed’, «Dayardaḡ ügei debel» ‘Non-freezing deli’ и «Aryači amban noyan-i šükügsen ni» ‘On how Aragchi won an ambar-noyon’s bet’. The article determines the elements common to fairy tells on the level of the narrative structure and among the literary images.

Keywords: Mongolian nations, torguts, folklore, typology, Xinjiang Uyghur Autonomous region of the People’s Republic of China

Acknowledgement. The study was funded by RBFR and the Academy of Social Sciences of China within the scope of the research project No. 19-512-93002. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Nosov D. A, Siqinbatu. Elements of a Fairy Tale in a Series of Stories about the Master-Argachi. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 2. Pp. 100–110. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-100-110

Среди сказок монгольских народов особое место занимают повествования о *бадарчинах* — странствующих монахах, которые при помощи своего остроумия обнажают пороки современного им общества. В рамках этой тематической группы у монголов, проживающих в Синьцзян-уйгурском автономном районе КНР, существует цикл сказок, объединенный общим персонажем по имени *Аргачи*. Сборник историй о нем был опубликован в г.Урумчи в 1990 г., он содержит 57 сказок [Аргачи 1990].

Монгольский фольклорист Б. Катуу локализует цикл сказок об Аргачи среди торгутов и приводит в пример 17 произведений [Катуу 2002: 273–288]. Все они имеют параллели в сборнике 1990 г. При этом различия между текстами обоих сборников минимальны и носят характер переосмысления текста, находящегося на грани бессознательных ошибок и сознательных изменений [Лихачев 1964: 29]. Это позволяет считать их вариантами произведений, опубликованных в г.Урумчи.

Следовательно, нам известны не менее 57 повествований, входящих в цикл сказок об Аргачи и распространенных среди монголоязычного населения западных регионов Китая и Монголии. Им присущи все признаки бытовых сказок, описанные В. Т. Саранговым на калмыцком материале.

Во-первых, это отсутствие свойственной волшебным сказкам дихотомии «нашего» и «потустороннего» миров, четкое отождествление мира, в котором происходит действие, с реальным [Сарангов 2010: 95]. Как правило, место действия в сказках об Аргачи ограничено одной, часто конкретной, административно-территориальной единицей империи Цин (1644 – 1911). Данная художественная особенность возникает вследствие основного назначения рассказов – сатирически подсветить процессы разложения маньчжурского административного аппарата позднего периода.

Во-вторых, это четкое определение социального положения героев [Сарангов 2010: 95]. Аргачи по умолчанию находится в самом низу буддийской церковной иерархии. В качестве его антагониста может выступать настоятель монастыря, богач, судья, высший чиновник или аристократ. При этом встречаются случаи обращения к персонажу, стоящему в иерархической лестнице на одну ступень выше антагониста, как к арбитру, например, в сказке «Аргач ба шүүгч» ‘Аргачи и судья’¹ [Катуу 2002: 276].

В-третьих, Аргачи всегда побеждает антагониста [Сарангов 2010: 95]. Этот признак выделяет сказки об Аргачи из общего корпуса сказок о *бадарчинах*, в которых главный герой может быть как вознагражден за свое остроумие, так и наказан за неподобающее поведение.

В-четвертых, в сказках об Аргачи мифологические персонажи десаκραлизованы [Сарангов 2010: 95]. Наглядным примером этого является сюжет сказки «Модны сүүдэрт» ‘В тени от дерева’ [Катуу 2002: 274], в которой Аргачи решает наказать богача, эксплуатировавшего своих работников. Он застаёт антагониста во время сна, тайком привязывает его ногу к дереву, а затем поливает свое-

¹ Здесь и далее все переводы с монгольского языка выполнены одним из авторов статьи — Д.А.Носовым.

го противника жидкостью. В результате между ними происходит следующий диалог:

— *Это дерево — сахиус². Он ниспослал на меня теплый дождь.*

— *Эй нет, в этом дереве живет демон³. Недавно, пока я спал, он спутал мне обе ноги. Так что еще ничего, что он Вам одну ногу связал!*

По сути, в данной сказке остроумно обыгрывается общая для всех монгольских народов вера в мифологических персонажей. Подобным же образом в качестве средства наказания антагониста выступает не критичное отношение к буддийской медицине, например, в сказках «*Ноёнд нохойн баас идуулсэн нь*» ‘Как накормил ноёна собачьими экскрементами’ [Катуу 2002: 285–286] и «*Аргач гэгээнд хувилсан нь*» ‘Как Аргачи перевоплотился в гегена’ [Катуу 2002: 286–288].

Китайские исследователи определяют рассказы об Аргачи как «*šoq qoşong üliġer*» [Агүаџи 1990: 1]. Такое же жанровое наименование — «*шог хошин үлгэр*» (сатирические сказки) присваивает им Б. Катуу [Катуу 2002: 46–49]. Но, по классификации В. Т. Сарангова, они относятся к бытовым сказкам, поскольку невероятные события в них не происходят [Сарангов 2010: 96–97].

Апелляция к чему-либо невероятному, постановка заведомо невыполнимой задачи служит лишь завязкой конфликта между Аргачи и антагонистом в ряде сюжетов. В финале главный герой всегда находит способ разрешить его естественным путём, как, например, в сказке «*Ајігү-а-уін сү-бер арикi neregseп ni*» ‘Как гнал водку из молока жеребца’ [Агүаџи 1990: 29–31].

Наличие подобного рода задач и их функция в структуре повествования отсылают нас к другой разновидности сказочного эпоса — волшебной сказке. В упомянутом выше произведении главному герою ставится невыполнимая задача – приготовить напиток из молока жеребца. В выявленной В. Я. Проппом (1895–1970) морфологической структуре сказки, включающей в себя 31 элемент —

² Дух-покровитель места.

³ Использовано собирательное выражение *чотгор шулам*.

функцию действующего лица, постановка герою трудной задачи располагается под номером XXV [Пропп 1928: 68–69].

Если в волшебной сказке обязательно должна существовать пара функций действующих лиц: **XXV. Герою предлагается трудная задача** (кратко — трудная задача, сокращенное обозначение — З) — **XXVI. Задача решается** (кратко — решение, сокращенное обозначение — Р) [Пропп 1928: 68–70], то в рассматриваемом повествовании последний элемент отсутствует. Аргачи не изготавливает водку из молока жеребца, а заставляет антагониста самостоятельно признать, что это невозможно.

Нам также встретился сюжет, в котором более четко прослеживается связка функций **XXV. Герою предлагается трудная задача** — **XXVI. Задача решается** [Пропп 1928: 68–70]. В сказке «Эргүү ванг ичээсэн нь» ‘Как пристыдил бестолкового вана’ [Катуу 2002: 277–278] антагонист просит Аргачи свить веревку из пепла. Он готовит веревку из степной травы, затем сжигает ее, аккуратно положив на тарелку. Вернувшись с получившейся веревкой на тарелке, Аргачи предлагает антагонисту самому взять ее в руки и тем самым выигрывает спор.

Еще более обширную группу элементов волшебной сказки мы обнаружили в рассказе «Dayardaq ügei debel» ‘Незамерзающая дэли’ [Агүаї 1990: 8–9]. Аргачи запирают на ночь в холодном доме, чтобы он замерз насмерть. Аргачи находит камень в углу и начинает бегать по дому с камнем в обнимку, такая физическая активность позволяет ему пережить ночь. Наутро антагонист обнаруживает Аргачи живым и даже вспотевшим. Аргачи уверяет его, что согрелся благодаря своей волшебной *дэли*⁴. Антагонист меняет *дэли* на свою одежду и ночью замерзает.

Здесь заточение в холодном доме можно рассматривать как функцию **XXV. Герою предлагается трудная задача** [Пропп 1928: 68–69], а физическую активность как **XXVI. Задача решается** [Пропп 1928: 70]. Обмен одеждой между героем и антагонистом соответствует функции **XXIX. Герою дается новый облик** (кратко — трансфигурация, сокращенное обозначение — Т)

⁴ Дэли — монг.: *дээл* – традиционный монгольский халат.

[Пропп 1928: 70–71], а точнее, полностью повторяет приведенный В. Я. Проппом третий вариант — «герой одевает новую одежду» [Пропп 1928: 71]. Гибель антагониста от холода соответствует элементу **XXX. Вредитель наказывается** (кратко — наказание, сокращенное обозначение — Н) [Пропп 1928: 71].

Функции следуют в правильном для волшебной сказки порядке и образуют цельную повествовательную линию. Развитие сюжета через описанные выше элементы предваряет следующий абзац:

Стал Аргачи избличать и высмеивать отвратительные поступки богачей и знати. За это богачи и знать люто возненавидели его. И вот однажды некий жестокий богач схватил Аргачи, заточил его в промозглom холодном доме и сказал: «Посмотрим, как ты умрешь к завтрашнему утру», так говорят [Агҫаҫи 1990: 8].

Его можно расценивать как описанный В. Я. Проппом элемент «начальная ситуация» (сокращенное обозначение — i) [Пропп 1928: 35–36]. Используя предложенные в «Морфологии сказки» [Пропп 1928] условные знаки, получается следующая формула рассказа «*Dayardaq ügei debel*» [Агҫаҫи 1990: 8–9]:

i 3-Р Г Н

Наибольшее количество элементов волшебной сказки нам удалось обнаружить в тексте, который открывает изданный в г. Урумчи сборник — «Агҫаҫи амбан поуан-и шүкүгсен ни» ‘Как Аргачи выиграл пари у амбаня-ноёна’ [Агҫаҫи 1990: 1–6]:

Аргачи выступает в качестве ламы-предсказателя. Амбан⁵ приводит к нему свою младшую дочь, чтобы узнать ее судьбу. Аргачи заявляет, что ей суждено сочетаться браком со слугой. Амбан в гневе объясняет, что для существующей социальной системы это недопустимо. Аргачи заключает с ним пари на три месяца. Амбан помещает свою дочь в пещеру на высокой горе и окружает охраной. Аргачи переодевается в придворного врача амба-

⁵ Амбан — титул в административной иерархии империи Цин, помощник цзяньцзюня (генерал-губернатора).

ня и навещает девушку. Он говорит, что та забеременела от лунного света и должна бежать с принявшим человеческий облик и спустившимся на землю Месяцем. Затем Аргачи отправляется во дворец Амбана, находит слугу, объясняет ему происходящее, одевает соответствующе и помогает ему организовать побег девушки из пещеры. Амбань обнаруживает, что дочь его сбежала со слугой и проигрывает пари. В качестве выигрыша Аргачи требует облегчения налогового бремени для подданных амбана.

Заключение пари между Аргачи и амбаном можно рассматривать как сложный вариант «начальной ситуации», носящий характер обрамляющего сюжета.

С точки зрения 31-функциональной схемы В. Я. Проппа, главным героем в ядре данного повествовании выступает слуга. Но поскольку упор сделан на обрамляющую ситуацию, роль слуги номинальная. Повествование концентрируется на действиях Аргачи, который, согласно применяемой схеме, действует как волшебный помощник и даритель [Пропп 1928: 88].

Заточение дочери в пещере на высокой горе соответствует функции **VIII. Вредитель наносит одному из членов семьи вред или ущерб** (кратко — вредительство, сокращенное обозначение — А) [Пропп 1928: 40–44]. Рассматриваемый случай, на наш взгляд, ближе всего к описанному В. Я. Проппом варианту 15 данной функции — «Он (антагонист — Д. Н., С.) заточает, задерживает» [Пропп 1928: 43] и носит краткое обозначение А¹⁵.

Действия Аргачи по введению дочери амбана в заблуждение и помощь слуге, включая его переодевание, являются сложной формой функции **XIV. В распоряжение героя попадает волшебное средство** (кратко — снабжение, сокращенное обозначение — Z) [Пропп 1928: 53–55]. Аргачи по собственной инициативе предоставляет себя в распоряжение слуги, что соответствует девятому варианту этой функции — «Различные персонажи сами предоставляют себя в распоряжение героя» (Z⁹) [Пропп 1928: 54–55].

Также в действиях Аргачи необходимо отметить еще одну функцию — **IX. Беда или недостача сообщается, к герою обра-**

щаются с просьбой или приказанием, отсылают или отпускают его (кратко – посредничество, сокращенное обозначение — В) [Пропп 1928: 46–48]. Она обрамляется функцией Z и соответствует описанному В. Я. Проппом четвертому варианту — В⁴ «беда сообщается» [Пропп 1928: 47].

Сопровождение героя к горе полностью соответствует третьему варианту функции XV. **Герой переносится, приводится или доставляется к месту нахождения предмета поисков** (кратко – путеводительство, сокращенное обозначение — R) [Пропп 1928: 59–60]. В рассматриваемой сказке функция R³ полностью десакрализована и не носит характера перемещения между мирами. Впрочем, мотив заточения девушки в пещере может иметь отголоски мотива погребения царевны в волшебных сказках.

Освобождение дочери амбана носит характер функции XIX. **Начальная беда или недостача ликвидируется** (сокращенное обозначение — Л). Данное действие имеет черты как первого (объект поисков похищается с применением силы или хитрости), так и десятого (плененный освобождается) вариантов [Пропп 1928: 61–64].

Присутствующее в тексте упоминание об организованной амбаном, но неудавшейся погоне является рудиментом парной связки функций действующих лиц — XXI. **Герой подвергается преследованию** (кратко – преследование, сокращенное обозначение — Пр) [Пропп 1928: 64–65] и XXII. **Герой спасается от преследования** (кратко — спасение, сокращенное обозначение — Сп) [Пропп 1928: 65–66].

На этом обрамленное историей о пари повествование заканчивается. Схематично его можно описать так:

$$i [A^{15} Z^9 B^4 R^3 L^1_{10} Пр-Сп]i$$

Обращенная последовательность функций Z⁹ B⁴ является допустимой для структуры повествования в волшебной сказке. Сам В. Я. Пропп отмечал, что «некоторые функции могут меняться местами» [Пропп 1928: 117]. Следовательно, относительно рассказа «Агуаџи amban noyan-i šükügsen ni» [Агуаџи 1990: 1–6] можно ут-

верждать, что в него включен цельный, хотя и весьма короткий, ход волшебной сказки. Особенность его в том, что все элементы волшебной сказки не имеют магического характера для ее персонажей. Основной акцент повествования сделан на начальной ситуации, в которой также есть поэтический элемент, характерный для волшебной сказки монгольских народов. Осознав, что пари проиграно, антагонист обращается к Аргачи следующим образом:

joɣdor amban denejīn čičirejū ukilaqu-yin naɣaɣur iniyekū-yin čaɣaɣur bolju [Аргачи 1990: 5].

‘Амбань [по имени] Грива задрожал от страха и стал, поворачиваясь на одну сторону, плакать, на другую — смеяться.’

В волшебных сказках монголов, бурят и калмыков одновременный плач и смех персонажа является метафорой грозящей ему смерти. Они восходят к обрядовой практике, символизируя смерть и последующую победу над ней [Носов 2016]. Согласно условиям пари, в случае успеха Аргачи амбань должен был стать его рабом. Но этого не происходит, и Аргачи требует от него уменьшить налоги. Антагонист не лишается своего социального положения, что можно трактовать как реализацию обрядовой функции одновременного плача и смеха.

Наличие в рассмотренных рассказах об Аргачи центрального персонажа с четким набором черт, единого художественного времени и пространства, а также социальная основа конфликта с антагонистом позволяют считать тексты из рассмотренных изданий циклом бытовых сказок, в который входит не менее 57 сюжетов [Аникин 2004: 116–132]. Тем не менее, в них встречаются элементы сказок волшебных как на уровне структуры повествования, так и на уровне художественных образов.

Литература

- Аргачи 1990 — Аргачи. *Arad-un aman jokiyal. Urumči: Šinjiyang-un arad-un keblel-ün qoruyi-a*, 1990. 167 с.
- Аникин 2004 — Аникин В. П. *Теория фольклора: курс лекций*. М.: Кн. дом Ун-т, 2004. 428 с.

- Катуу 2002 — Торгууд ардын аман зохиол. Эмхтгэн боловсруулж, эрдэм шинжилгээний удиртгал бичиж, тайлбар зүүлт үйлдсэн. Доктор, профессор Б. Катуу. Улаанбаатар, 2002. 461 х.
- Лихачев 1964 — *Лихачев Д. С.* Текстология. Краткий очерк. М.; Л.: Наука, 1964. 102 с.
- Носов 2016 — *Носов Д. А.* Семантика одновременного плача и смеха в народных сказках монголов, бурят и калмыков // *Mongolica-XVI*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2016. С. 51–54.
- Пропп 1928 — *Пропп В.* Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. 152 с.
- Сарангов 2010 — *Сарангов В. Т.* Фольклор калмыцкого народа: учебное пособие. Элиста: Изд-во КГУ, 2010. 136 с.

УДК 398.22

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-111-138

Устные предания о происхождении эпоса «Джангар» сказителя Дж. Джуны

*Менгкай Буудангийн*¹

¹ Северо-Западный университет национальностей
(д. 1, Шибей Шинхун, Ланбчжоу, 730030 Ганьсу, КНР)
доктор филологических наук, профессор
E-mail: mengke64@163.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Менгкай Буудангийн, 2020

Аннотация. «Хобуксар — земля ‘Джангара’». Это устойчивое выражение, которое утвердилось на страницах газет, журналов и телепередач, стало одной из причин того, что среди ойратов Синьцзяна сложилось представление о том, что Хобуксар является местом зарождения эпических текстов «Джангара». Вместе с тем среди жителей Хобуксар-Монгольской автономной провинции бытует много легенд и преданий о происхождении национального эпоса именно на их земле. Еще одной из причин такого утверждения стало то, что Хобуксар является родиной знаменитого ойратского сказителя Джавына Джуны. В немалой степени этому способствовало и тайна, связанная с происхождением текста эпического репертуара сказителя. Известно, что Дж. Джуна сам записал текст исполняемых им песен. Существует легенда, что сказитель время от времени поднимался в горы, где в глухой пещере хранил древние листы рукописи с текстом «Джангара» и, вернувшись, исполнял новые песни. В данной статье автор анализирует содержание наиболее известных преданий о происхождении эпоса «Джангар».

Ключевые слова: эпос «Джангар», Хобуксар, сказитель Джуна, легенды и предания

Благодарность. Данная работа выполнена в рамках исследовательского мега проекта № 16JZDH032 Китайской академии общественных наук. Материалы статьи апробированы на Международной научной

онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Менгкай Буудангийн. Устные предания о происхождении эпоса «Джангар» сказителя Дж. Джуны // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 2. С. 111–138. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-111-138

UDC 398.22

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-111-138

Oral Legends about the Origin of the Epos «Jangar» by the Storyteller J. Juna

*Mengkai*¹

¹ Northwest University for Nationalities (1, Xibei Xinxun, Lanzhou, Gansu 730030, China)

Ph. D. (Philology), Professor

E-mail: mengke64@163.com

© KalmSC, 2020

© Mengkai, 2020

Abstract. “Khobuksar – the land of ‘Jangar’”. This set phrase that came to stay on the pages of newspapers, journals and TV programs became one of the reasons why among Oirats of Xinjiang there was an idea that Khobuksar is the place where the epic texts of “Jangar” originated. That being said, among the population of Khobuksar - an autonomous province of Mongolia there are a lot of legends and stories that state that the national epos originated on their land. Another reason for this statement is that Khobuksar is the birthplace of a famous Oirat storyteller Javyn Juna. To a great extend a secret about the origin of the text of the epic repertoire of the storyteller contributed to that. It is a well-known fact that J.Juna wrote the texts himself. There is a legend that the storyteller from time to time would go up into the mountains where in a desolate cave he kept ancient manuscripts of the texts of “Jangar” and after

coming back he would perform new songs. In the given article the author gives context analysis of the most popular legends about the origin of “Jangar”.

Keywords: epos “Jangar”, Khobuksar, storyteller Juna, legends and stories

Acknowledgment. The study is conducted under the scope of the research mega-project № 16JZDH032 of the Chinese Academy of Social Studies. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Mengkai. Oral Legends about the Origin of the Epos «Jangar» by the Storyteller J. Juna. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 2. Pp. 111–138. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-111-138

ቅርብወሰኑም ከታዘታትከን ልጁና

ናጋ ጋዜጣዊዎችን ታዘታትከን ልጁና « ማህል ማህል » የሚሉትን ለሌሎች ለሌሎች

የሌሎችንም ለሌሎች ከታዘታትከን ልጁና [3] ማህል ማህል ለሌሎች ለሌሎች ማህል ማህል

« ማህል » ለሌሎች ለሌሎች ከታዘታትከን ልጁና ማህል ማህል ለሌሎች ለሌሎች ማህል ማህል

የሌሎችንም ለሌሎች ከታዘታትከን ልጁና ማህል ማህል ለሌሎች ለሌሎች ማህል ማህል

« ማህል ማህል » ለሌሎች ለሌሎች ከታዘታትከን ልጁና ማህል ማህል ለሌሎች ለሌሎች ማህል ማህል

የሌሎችንም ለሌሎች ከታዘታትከን ልጁና ማህል ማህል ለሌሎች ለሌሎች ማህል ማህል

« ማህል ማህል » ለሌሎች ለሌሎች ከታዘታትከን ልጁና ማህል ማህል ለሌሎች ለሌሎች ማህል ማህል

የሌሎችንም ለሌሎች ከታዘታትከን ልጁና ማህል ማህል ለሌሎች ለሌሎች ማህል ማህል

ለሌሎች ለሌሎች ከታዘታትከን ልጁና [2] ማህል ማህል

ማህል ማህል ለሌሎች ለሌሎች ከታዘታትከን ልጁና ማህል ማህል ለሌሎች ለሌሎች ማህል ማህል

የሌሎችንም ለሌሎች ከታዘታትከን ልጁና ማህል ማህል ለሌሎች ለሌሎች ማህል ማህል

[1] ማህል ማህል ለሌሎች ለሌሎች ከታዘታትከን ልጁና ማህል ማህል ለሌሎች ለሌሎች ማህል ማህል

የሌሎችንም ለሌሎች ከታዘታትከን ልጁና ማህል ማህል ለሌሎች ለሌሎች ማህል ማህል

« ማህል ማህል » ለሌሎች ለሌሎች ከታዘታትከን ልጁና ማህል ማህል ለሌሎች ለሌሎች ማህል ማህል

የሌሎችንም ለሌሎች ከታዘታትከን ልጁና ማህል ማህል ለሌሎች ለሌሎች ማህል ማህል

« ማህል ማህል » ለሌሎች ለሌሎች ከታዘታትከን ልጁና ማህል ማህል ለሌሎች ለሌሎች ማህል ማህል

2007 10 • 34-54 • 17-34 • 91 • 95 **

«
» •

УДК 94(517)

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-139-152

Монгол домог дахь Мин улсын хаадын өгүүлэмж (= Устные предания монголов о правителях династии Мин)

*Бата Даржагийн*¹

¹ Северо-Западный университет национальностей (д. 1, Шибей Шинхун, Ланьчжоу, 730030 Ганьсу, КНР)

Northwest University for Nationalities (1, Xibei Xinxun, Lanzhou, Gansu 730030, China)

доктор филологических наук, профессор

Ph.D. (Philology), Professor

E-mail: batu602@hotmail.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Бата Даржагийн, 2020

Аннотация. В устной традиции монголов сохранилось много легенд и преданий не только о Чингис-хане и времени существования монгольской династии Юань, но и о первом императоре Чжу Юаньчжане (1368–1398) пришедшей ей на смену династии Мин. В этих преданиях, во-первых, говорится о том, что Чжу Юаньчжан не имел благородного происхождения, а был сыном бедного простолюдина и стал императором по воле случая. Во-вторых, в них утверждается, что императоры династии Мин были монголами по своему происхождению. В-третьих, эти предания и легенды по форме и содержанию являются традиционными для устного творчества монголов. Цель данной статьи — ввести в научный оборот сюжеты и темы монгольских исторических легенд и преданий об императорах династии Мин. Многие тексты легенд и преданий были записаны автором статьи у Агванчойдора и вошли в содержание книги «Устная история монголо-тибетского буддизма», а также у других информантов в ходе экспедиционных выездов.

Ключевые слова: монголы, легенды и предания, династия Мин, Агванчойдор

Благодарность. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Бата Даржагийн. Монгол домог дахь Мин улсын хаадын өгүүлэмж (= Устные предания монголов о правителях династии Мин) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 2. С. 139–152. (На монг.). DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-139-152

UDC 94(517)

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-139-152

Oral Legends of the Mongols about the Rulers of the Ming Dynasty

*Bata Darzhagiin*¹

¹Northwest University for Nationalities (1, Xibei Xinxun, Lanzhou, Gansu 730030, China)

Ph.D. (Philology), Professor

E-mail: batu602@hotmail.com

© KalmSC RAS, 2020

© Bata Darzhagiin, 2020

Abstract. In the oral traditions of Mongols there are a lot of legends and stories not only about Genghis Khan and the period of Mongolian Yuan dynasty, but also about the first emperor of the succeeding Ming dynasty Zhu Yuanzhang (1368–1398). These stories, first of all, tell that Zhu Yuanzhang was not of the noble origin, he was the son of a common man and became the king by good fortune. Secondly, they state that the Ming dynasty emperors were Mongols by their origin. Thirdly, all these stories and legends in their form and content are typical for Mongolian folklore. The goal of this article is to introduce the plot and themes of the Mongolian historic legends and stories about the Ming

dynasty emperors. Most of the texts of legends and stories were recorded by the author from Agvanchoidor (they were included into the book “The Oral History of Mongolian-Tibetan Buddhism”) and also from other informants during expeditions.

Keywords: Mongols, legends and stories, Ming dynasty, Agvanchoidor

Acknowledgement. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Bata Darzhagiin. Oral Legends of the Mongols about the Rulers of the Ming Dynasty. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 2. Pp. 139–152. (In Mong.). DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-139-152

Монгол домог дахь Мин улсын хаадын өгүүлэмж

Нэг. Ардын дунд уламжилж байгаа Мин улсын анхны хааны тухай домог

Хөхнуурын газрын шинжийг өгүүлсэн тухай аман түүхэнд ийм нэг домог бий.

«Хаан хүн бол ерөөс газрын шинжийг их анхаардаг байх ёстой. Мин улсын анхны хаан Жу Хон Уи-гийн өвөг нь маш ядуу хүн байжээ. Тэр нь явж байгаад нэг газарт үхчихэж гэнэ. Тэгээд олон хүн түүний хүүрийг дээсээр чирж яваад нэг газарт оршуулья гэж нэг гүн биш устай газраар гатлах гээд явтал, газрын дунд хүрээд дээс нь тасарч, тэр хүүрийг нааш нь гаргах ч үгүй, цааш нь явах ч аргагүй болжээ. Ингээд тэр дунд явсан нэг хүн нь хэлсэн нь: “Одоо өөр аргагүй, мөн энэ газар нь оршуулья” гээд хүрз авчирч, усыг нь зайлуулж газар малтаад тэнд нь булж тавьжээ. Гэтэл энэ газрын шинж нь хишиг буян сайтай байснаас хүүгийнх нь хүү нь хаан суужээ гэдэг» [Бат 2016].

Бас нэг домогт:

«Мин улсын анхны хаан ядуу зүдүү тэнэж яваад нэг ядуу айлд хүрчээ. Тэр айлд нэг өвгөн охинтойгоо байж гэнэ. Тэгээд охин нь тэр хаанд нэг энгийн хоол хийж өгжээ. Хаан их баясаж, ертөнц дээр

ийм сайхан амттай хоол байдаг болов уу? гэж боджээ. Тэгээд тэр хоол нь санаанаас нь гардаггүй байв. Хожим тэр хүн Мин улсын хаан болчихоод, нэг өдөр тэр хоол нь санаанд орж, нөгөө өвгөн, охин хоёрыг сураглуулжээ. Тэгж, тэгж тэр айлын хүүхнийг олж авав. Охны эцэг нь нас барсан байжээ. Тэгээд тэр хүүхнээр нь мөн тэр жилийн хийсэн хоолыг хийлгэсэнд тэр нь ямар ч амтгүй эв энгийн хоол байж гэнэ» [ХСМ-1].

Мөн Мин улсын хаан гэж дурдсангүй боловч, тэр үед бий болсон магад гэмээр бас нэг домог бий.

«Урд монголчууд хаан төр бариад хятадыг их дарладаг байжээ. Тэгээд тэднийг хонины арьсан дээр хооллуулдаг байжээ. Үүнд хятадууд гуйсан нь, ”Бид шавраар аяга хийж болох уу? гэсэнд монголчууд зөвшөөрч, тэр аягыг нь янпи (хонны арьсан) шаазан гэж нэрлэх болжээ. Янпи шаазан гэж хятад хүний хоол иддэг тэр дарвагар шаазангийн ирэл нь тийм учиртой гэнэ» [ХСМ-2].

Мөн найман сарын арван тавны хятадын баяр ч бас энэ домогтой холбогдож яригдсан байдаг.

Мин улсын анхны хааны тухай эхний домог нь газрын шинж, хувь заяатай холбогдож байгаа боловч, сүүлийн домогт ёжилж хошигносон шинж хийгээд монголын хаан төртэй холбогдсон жишээ байдаг. Ерөнхийдөө «Мин улсын хааны уг язгуур ядуу хоосон хүн байсан» гэдэг нь эдгээр домгуудын нийтлэг онцлог болох бөгөөд хаан төрийн тухай ардын ухамсар, домог ярины ерөнхий шинжийг хадгалсан байна. Өөрөөр хэлбэл: Ядуу зүдүү хүн ч бас хаан болж, төр барьж болох ёсыг харуулсан байна. «Эр хүн туг ч барина, тугал ч хариулна» гэдэг үгийн нөгөө нэг санаа шинээр илэрч байна.

Ардын ярианаас гадна, аман түүхийн материалд ч бас Мин улсын анхны хааны тухай өгүүлсэн нь бий. Мин улсын үед Юань улсын үеийн жин, лангийн тооллыг огт хувиргалгүйгээр хэрэглэжээ. Учир нь Мин улсын эхний хаан болох Жү Хун У (Жү юань жан) нь угтаа сүмд лам байсан юм. Тэгээд тэр Мин улсын хаан болж Юань улсын Тогоонтөмөр хааны хатныг хатан болгож авав. Тэр хатан нь их гоё сайхан хүн байсан тул Мин улсын хаан нь түүний үгээс гардаггүй бөгөөд хатны захисан зүйлээр явдаг

байжээ. Тэр хатан нь уг нь хааны хатан байсан тул төр гүрний явдлыг их ойлгодог байв. Тиймээс тэрээр Мин улсын хаан Жү Юань Жанд хэлсэн нь:

«Төр солигдож болно. Хаан солигдож болно. Гэвч хүний заншил ёсыг сольж болохгүй. Тиймээс хуучин ёс заншлыг нь дагуулж төрийг барих хэрэгтэй» гэжээ. Ингээд Мин улсын хаан нь Юань улсын үеийн их олон хууль ёс, тогтоол дүрмийг уг ёсоор нь явуулж, өөрчлөлт хийсэнгүй» [Бат 2011: 25]. Энд ярьж байгаа «төр барих, төрийг засах» ёсны талаар бас нэг жишээ бий. Тэр нь юу гэвэл,

«Төрийг авахад амар, харин төрийг засхад их хүчир байдаг ажээ. Зарим нь төрийг бариад шашныг барихгүй, зарим нь шашныг бариад төрийг барихгүй, зарим нь төр, шашин хоёулыг бариад, хүний амьдралыг барихгүй байдаг. Төр шашин амьдрал гурвыг зэрэг барих ёстой. Ингэвэл хаан төр их удаан байж чадна. Манжийн төр Дундад улсыг гурван зуу шахам жил ноёрхож, арван гурван хаан суусан байна. Манж нар Мин улсаас төрийг авсан биш, харин тариачны бослогын түрүү Ли Зичингийн гараас төрийн эрхийг авсан байна.

Ли Зичин бослогын цэргийг удирдаад Мин улсыг мөхөөж, хаан суужээ. Тэгээд, Хатан голын хойт биеийг Ү Сан Гүй авч, Хатан голын өмнө талын шим тэжээл, ус мөрөнтэй газрыг Ли Зичин авжээ. Ингээд Ли Зичин өөрийгөө хаан өргөмжилжээ. Тэгээд тэр 8 жил хаан суух заяатай байсан боловч сар бүр нэг цагаалж, 8 сар цагаалж, 8 жил хаан суух буянаа алджээ. Ли Зичин хааны дэргэд Чэнь Юань Юань хэмээх гоё хүүхэн байсаныг Ү Сан Гүй булааж авч яваад, тэр хоёрын дунд дайн үүсэж, эцэст Ли Зичин ялагдаж, манжийн төр тогтжээ.

Манжийн төр тогтож бататгасан нь Мин улсын түшмэл Хүн Чэнь Ай гэдэг хүн төрийг засах бодлогыг ярьж өгсөн байна. Төрийг засахад хуучин дэг журмыг өөрчлөхгүйгээр шинэ бодлогыг явуулдаг байна. Учир нь урд төрийн дэг журамд хүмүүс дасч дадсан тул олон шинэ өөрчлөлт нь хүний сэтгэлийг үймүүлдэг байна. Монгол улс тийм их хүчтэй байсан ч Дундад улсыг манжийн адил удаан ноёрхож чадсангүй, сая 90 жил болжээ. Учир нь Монгол Юань улс их олон талын өөрчлөлт хийжээ. Манж Чин улсын үед, Манжийн хаан гагцхүү Монголтой л дайн хийснээс биш, Хятад буюу бусадтай дайн хийгээгүй нь түүний төрийн бодолготой нь нягт холбоотой

юм. Манж чин улсын засгаас Хятадыг бичгээр дарсан. Хэн эрдэмтэй байвал түүнийг ноён болгоно, хүн нь сайн мууг үл ойшооно. Төвдийг ламаар дарсан. Олон богд хувилгааныг тодруулсан юм. Монголыг ураг барилдах, хааны хүүхнийг өгөөд захирсан юм. Алша ван бол Манж чин улсын тавнаан байх ёстой. Тэгээд цэргийг захирч, бослогыг дарж хил хязгаарын амрыг хамгаална гэжээ» [Бат 2011: 227–228].

Эдгээр домог ба аман материал нь адил бус төрийн явдлыг ярьж байгаа ч Тогоонтөмөр хааны Хон хэрээд хатны дээр өгүүлсэн сургаал нь Чин улсад ч хүчтэй нөлөөлсөн нь ил байна.

Хоёр: Мин улсын хаан Юн Логийн домог

Мин улсын хаан Юн Логийн тухай Монгол түүхийн сурвалж бичиг болгонд бараг тэмдэглэж байгаагаас гадна бас амаар уламжилсан домог бий. «Ёст хаан Юн Логийн домог» гэж алдаршсан талаар Монгол улсын нэрт эрдэмтэн Ш. Гаадамба «Монголын уран зохиолын тойм»-ын хоёрдугаар дэвтэрт өгүүлэн анх танилцуулсан байна. Тэдгэр жишээгээс авч үзвэл, эрдэмтэн Ш. Гаадамбаас :

Энэ домог «Хураангуй Алтан товч», «Чингис хааны цадиг», «Лу. Алтан товч», «Асрагч нэртийн түүх» зэрэг судар бичгийн дотор орж уламжлан иржээ. Мөн энэ домгийг түүхч Рашпунцаг «Монгол улсын түүх» (Болор эрхи) зохиолдоо иш татаж эргэлзсэн тайлбар хийсэн байна. Эдгээр эх бичгүүд хоорондоо төдийлөн ялгаагүй. Зарим нь жишээлбэл «Хураангуй алтан товч», «Асрагч нэртийн түүх» хоёрт байгаа эх үсэг, үг зөрөхгүй тохирно. Гэвч бидний санахад «Лу.Алтан товчид» байгаа эх илүү утга учир бүрэн сайн эх юм.

Энэ домгийн агуулга нь Тогоон Төмөр хааны зугтааж гарахад Хонхэрээд хатан нь гурван сар болсон жирэмсэн байж олзлогдсон ажээ. Түүнийг Хун-ү хаан хатан болгож асарсанд хатан «Миний хүү долоон сар болж гарвал дайсны хүү гэж ална. Арван сар болж гарвал өөрийн хүү гэж асарна» гэж бодоод «Арван сар болгож төрүүлж хайрла» гэж тэнгэрт залбирсанд тэр ёсоор арван сар болж төржээ. Хааны хятад хатнаас бас нэг хүү гарчээ. Хаан «хоёр луу ноцолдож зүүн луу дийлэв» гэж зүүдэлснийг ёрчин «Монгол хүү хаан ширээнд чинь суух ёр» гэж тайлав. Хаан сэжиглэж монгол хатны хүүг хэрмийн гадна хөх хот барьж суулгав. Хун-ү хааныг хальсны хойно

хятад хатны хүү хаан сууж дөрвөн жил болж байтал монгол хатны хүү цэрэг бэлтгэн байлдаж хятадын хааныг хүзүүнд нь мөнгөн тамга дарж хөөгөөд, Мин улсын төрийг эзэлж хятадын хаан болсонд их Мин улсын Ёст хаан Юн Ло гэж алдаршив»

гэсэн зүйл болно. Энэ домгийн утга санааг ЗХУын эрдэмтэн Л. С. Пучковский «13–17-р зууны монголын феодалын түүх бичиг» гэсэн өгүүлэлдээ: «Энэ домог Мин улсын эзэн хаад монголын эзэн хаадаас үүсэлтэй, тэдний удам угсааг залгамжлагчид мөнгөж батлах зорилготой юм» гэж тодорхойлсон байна. Энэ нь ерөнхийдөө зөв зүйтэй санал юм. Гэвч энэ домог түүхийн үнэн бодит үндэс, ортой баримт бий юу? Аль эсвэл хоосон санаанаас зохиосон оргүй худал зүйл үү? гэдэг асуудал сонирхолтой юм. Энэ талаар монголын түүхч Рашпунцаг дээр дурдсан тайлбартаа: «Би санавал Шүн-Ди (Тогоон Төмөр) хаан Дайду (Бэйжин) хотоос гарахдаа гэнэнээр бачимдсангүй, урьдаар мэдсээр аж. Ингээд зугтаан гарсан тул юунд хатнаа орхих ажээ. Тийм атал Хятад бичигт шаргачин тахиа жил Мин улсын цэрэг гарч намрын сүүл сард хааны ач Майдарвал, Даш, Төмөр хааныг барив гэснийг үзвэл бас нийлэлцэх мэт» гэж бичжээ. Рашпунцаг энэ домгийн үнэн мөнтэйг төдий л итгэхгүй боловч бас ортой зүйл магадгүй гэж эргэлзсэн ил байна. Харин Тогоон Төмөр хаан Рашпунцагийн баталж байгаа шиг бачимдалгүй учирт тайван зугтаасан гэж итгэхэд бэрх тул зарим хатнаа орхисон байхад үгүй болох газаргүй.

Ер нь Мин улсын хааны дотроо Юн Ло монголыг ихэд сонирхсон монголын түүх судар, түүний дотор «МНТ»-ны эхийг хүртэл номын сандаа олж хадгалсан байсан нь сонирхолтой бөгөөд нэг учиртай байж магадгүй. Ер нь энэ домогт үндэс сурвалж болсон нэгэн түүхэн явдал эрхбиш бий биз. Энэ домгийн түүхэн үндэс нь бидний санавал Юн Ло хаан өөрийн ач дүүгээ ширээнээс буулгаж Нанжингаас Бэйжинд нийслэлсэн явдал мөн байх. Энэ явдал 1406 онд болсон гэж архимандрит Палладий (Кафаров) Нууц товчооны орос орчуулгын оршилд бичсэн юм [Дамдинсүрэн, Цэнд 1983: 334–336].

Тэр үг нь: «Юань чао ми ши анх Нанжингийн номын санд байжээ. Түүнийг Юн ло хаан ач дүүгээ ширээнээс буулгаад 1406 онд нийслэлийг Нанкингаас Бээжинд авчирсан юм» гэж буй [Билгүүдэй 2016].

Тэдгээр сурвалж бичигт тэмдэглэгдсэн «утга учир бүрэн сайн эх» гэж эрдэмтэд үзэж байгаа «Лу Алтан товч»-д байгаа домгийг сонирхвол:

«Олон Монголын төрийг Даймин хаанд автаж, түүнээс хойш ном шашин цөлийдсөн бүлгээ. Хубилай сэцэн хаан Дайдуг сууснаас инагш Ухаант хаан хүртэл нэгэн зуун жил дээр, таван он зургаан сар суугаад Дайдугийн хотыг алдвай гэх. Тэр төр автахуйд, Ухаант хааны Хонгирад хатан гурван сарт хөл хүнд асан аж. Тэр хатан бутун орж хоцров. Тэр бутунг Хятад ган гэх, монгол бутун гэх. Тэр хатныг хятадын Жуюу Хунхуа хаан авч, хан оронд суув. Тэр хатан сэтгэрүүн: ”Долоон барж үзэгдвээс, дайсны хөгүүн гэж тэвчих, арван сар болж үзэгдвээс өөрийн хөвгүү гэж муу үйл хийх гэж тэнгэр эцэг минь өршөөж гурван сар нэмж, арван сар болгож өршөөж соёрх“ гэж залбиран явбай. Тэнгэр өршөөж арван сар болж нуган хүүхэн үзэгдэв.

Жуу Хунхуа хааны хятад хатнаас нэгэн нуган хүү төрөв. Хунхуа хааны зүүдэнд хоёр луу хэрэлдэхүйг үзвээс, баруун лууг зүүн луу дийлэн байхуйг үзэн зүүдлэв. Энэ зүүд минь сайн буюу, муу буюу гэж ёрчинд үзүүлэв. Тэр хоёр луу бус хоёр хүүхэн чинь буй. Баруун луу гэгч хятад хатны хүүхэн буй. Зүүн луу гэгч монгол хаины хөвгүүн буй. Чиний хан оронд суух заяат буюу. Ёрчны тэр үгэнд Хухуа хаан, ялгалгүй мөн үр боловч эх нь дайсны хатан бүлгээ. Үүнээс төрсөн хөвгүүн миний хатан ор сууваас муу байнам гэж хааны ордоос гаргаж, хэрмийн гадна Хөх хот барьж ор сууж, гучин нэгэн он болж, үгүй болов. Түүний хөвгүүн Жагуяа хаан, хан оронд сууж, дөрвөн он болсны хойно, Хонгирадын хатны хөвгүүн Юнло хаан, өөрийн цөөн нөхөд, өлгий зургаан мянган монгол улс, усны гурван түмэн Жүрчид улс, Хар хэрэмийн улсыг аван цэрэг засч хүрээд, Хятадын Хунхуа хааны хөвгүүн Жагуяа хааны барьж хүзүүнд нь мөнгөн тамга дарж, үлдэж орхив. Ёст хаан Юнлогийн домгийн аль ч хувилбарт Жү Юаньжан буюу Хун-ү эзэн хааны зүүдэнд хоёр луу хэрэлдэх бөгөөд баруун луу нь зүүн луудаа дийлдэж байна гэж зүүдэлж байна. Ингэж зүүдлэх нь сайны ёр уу, муугийн ёр уу гэж ёрчинд үзүүлэхэд ёрчин хоёр луу бол хоёр хүүхэд чинь байна. Баруун луу гэгч хятад хатны төрсөн хөвгүүн гэдэг нь бодит түүхэн дэх Юньвэнийг хэлжээ.

Зүүн луу гэгч монгол хатнаас төрсөн хөвгүүн гэж байгаа нь үнэхээр монгол хатнаас төрсөн Жү Ди-ийг хэлсэн болох нь илэрхий байна» [Билгүүдэй 2016]

гэжээ. Үүнээс гадна, сонирхолтой нэгэн жишээ бол тэр домгийн аман хувилбар, аман түүхийн жишээ юм. Их эрдэмтэн Агваанчойдор гуай өгүүлсэн нь:

Тогоонтөмөр хааны хатныг Хятдын Мин улсын хаан Жү Юань Жан авсан болохоор энэ хатныг хятдын түүхэн дээр « Их хөлт хатан гэдэг. Учир нь хятад, эмэгтэй хүний хөлийг боодог заншилтай» болохоор тэр хатан нь монгол учир тэгж дуудаг байна. Тогоонтөмөр хааны хатан нь Мин улсын хаан Жү Юань Жан тай суухад бие хүнд болоод 2 сар болж байсан боловч, тэр хүүхэд нь эхийн гэдсэнд 12 сар гаруй болоод төржээ. Тэгэвч Мин улсын хаан Жү Юань Жан өөрийн хүү гэж сайн итгэхгүй тул тэр хүүг Нанжинд явуулж, бага хүүгээрээ хаан ор тавих гэж байв. Тэгээд Мин улсын хаан Жү Юань Жан гүй болж, бага хүү нь хаан ор эзэлж байв. Их хүү нь « би хэзээ Бээжинд хүрч аавын орд суух бий ?» гэсэнд дүү нь «Ахын сахал ургаад бүсэлхийд хүрэх үед ир!» гэжээ. Ах нь дүүгийнхээ үгээр нилээд хэдэн жил хүлээсэнд сахал нь тийм урт ургахгүй болохоор, үсээ тайрч сахал дээрээ наагаад, «өдгөө миний сахал бүсэлхийдээ хүрэв, би очлоо » гээд Бээжинд ирсэнд дүү нь айгаад үхчихжээ. Тэгээд Мин улсын хааны удмыг монгол угсаатай гэж хэлдэг [Бат 2011: 26].

Эдгээр сурвалж бичиг хийгээд аман домогт Мин улсын Юн Ло хааны уг угсаа хийгээд хаан ор суусан үйл гэргийг тусгахын дагуу бас ямар нэгэн талаар Юань гүрэнтэй холбоотой болохийг өгүүлсэн байна. Тэрчлэн Юн Ло хаанаар зогсоогүй түүний дараа үед бас хаан ор булаагдсан домог байдаг. Тэр домог нь юу гэвэл,

Мин улсын Юн Ло тайж ах дүү хоёр хаан суурь булаалдаж, дүү нь ахаа хорлоно гэж байжээ. Тэгээд ах нь хаан суухаа больж, Ланьжоу- аас Хөхнуурын Жү Цанийн газарт хүрчээ. Тэр үед энэ газарт Жү Лүн Ваа (gro long pa) гэдэг (номын нэр Санжаадаш гэдэг) лам байв. Тэр лам нь их бясалгал хийсэн эрдэмтэй хүн байсан юм. Хятадаар түүнийг усны лам гэх буюу далайн лам гэдэг. Учир нь тэр нэг хөх үхэртэй, Хөхнуурын хүйст суудаг гэртэй, тэр хөх үхрээ унаад, Хөхнуурын дотор ороод хөвөөд явчихдаг байжээ. Тэр угтаа Энэтхэгийн газраас ирсэн лам байсан бөгөөд Хятадын хааны

хөвгүүнийг шавь болгоод, Хятадд шашин дэлгэрүүлэх санаатай байжээ. Тиймээс Мин улсын Юн Ло тайжийг хүрч очиход яг сайхан өглөөний үүр хаяарч байхын үе байв. Энэ үед хэнгэрэг цангийн дуу онцгой тунгалаг бөгөөд соргог, сонирхолтой сайхан байсан учир, Юн Ло тайж тэр бясалгал хийж байсан газарт очжээ.

Тиймээс Жү Лүн Ваа гэдэг лам, Юн Ло тайжийг « нар дэлгэрэх үеэр ирлээ, бэлгэ ерөөлтэй, их гэрэг бүтэх өлзийтэй явдал боллоо » гээд түүнийг тэнд лам болгожээ. Юн Ло тайж гэнэт нэг шөнө үгүй болсноор хүмүүс айж сандарч байсан боловч, эцэсдээ Жү Цанийн бясалгалын агуйд лам болж суусаныг мэдэж, дүү нь санаа амарч Мин улсын хаан болжээ. Дараа нь лам болсон ахдаа Бээжингийн хааны ордтой тэнцэхээр Жү Цан доржичан (gro tshang rdo gje 'chang) хийдийг байгуулж өгчээ. Энэ хийдэд, мөн хийдийн сахил лам болох Жү Лүн Ваагийн түүхийг чулуун пайз дээр «Мин улсын Юн Ло хааны зарлиг» гэж хятад төвд хоёр үсгээр бичсэн нь төвдийн орчуулгын түүхэнд төвдийг хятадд орчуулах гэв дүрэм болж байгаа юм.

Бид төвдийг хятад руу орчуулахад энэ пайзын бичгийг журамладаг. Хятадыг төвд болгоход олон баримт бичиг ном бий боловч, төвдийг хятад руу орчуулахад зөвхөн энэ пайзын бичгээс өөр сайн орчуулаагүй юм. Тэр пайзад орчуулагийн нэг сайн гэв дүрэм (нэг сайн арга)-г бий болгожээ. Тэрчлэн тэр үед Мин улсын хаан Ланьжоуд байжээ. Зарим үед Ший Ань-д байдаг байв. Мин улсын хааны онгон, ихэнх нь Ганьсуй мужийн Тянь шүйд байдаг. Өдгөө хүртэл нээж үзээгүй байгаа гэдэг [Бат 2011: 196–197].

Энэ домог нь Юн Ло хааны дараа үетэй холбогдож байгаа ч гэсэн Бээжинд байгаа хааны ордон (Юань улсын хааны ордон)-тай адил барилга, хэрэмийн зурагтай сүмийг дүү хаан нь ахдаа барьж өгсөн нь сонин байдаг. Тиймээс тухайн үед «Чүй тань Сы хийдэд очсон бол Бээжинд хүрэх хэрэггүй» гэсэн үг бий болжээ [Бат 2011: 178]. Энэ нь Мин улсын хаан нь ямар нэг талаараа Юань улсын хаадтай холбоотой болохыг зааж байна. Мөн Мин улсын хааны онгоныг өдгөө хүртэл нээггүй байдаг ч бас учиртай. Тэр дотор бас түүхийн нууц хадгалагдаж байж ч магад.

Мин улсын хаадын домгоос зах зүх дурдахад ийм байна. Гэхдээ Мин улсын эхэн үед Жу Юань Жангийн цэрэг нь Юань улсын үлдэгдэл хүчнийг сөнөөж их хядлага хийж байсан хэрэг олон бий.

Түүнээс зарим хүмүүс нэрээ буруулж өөр үндэстэн болсон ч бий. Нэг жишээг дурдвал Дунсян юм.

Дунсян гэдэг бол газрын байцаар нэрлэсэн нэр юм. Харин энэ үндэстний жинхэнэ нэр нь Сономба гэдэг. Яагаад ийм нэртэй болсон буй гэвээс, Юань улсын үед Сономба гэдэг ноёны цэрэг (30 000 цэрэг) энд сууж байжээ. Уг нь Хэ Тү Сы ийн хүмүүс юм. Юань улс мөхсөний дараа, тэд Хатан голыг гаталж чадалгүй, исламын шашныг шүтэж, Мин улсын цэрэг араас нь хөөж ирэхэд нэрээ өөрчилж, «бид монгол биш, Сономба байна (тухайн үед Сономба гэдэг хүн тэднийг төлөөлж байсан учраас тэд тэгж хэлжээ). Бид исламын шашныг шүтдэг» гэсэнд, Мин улсын цэрэг тэднийг хотон байна гэж бодоод мөн тэр байгаа газарт нь байршуулжээ. Ингээд тэд өөрсдийгөө Сономба гэж нэрлэх болов [Бат 2011: 27].

Энэ мэт Мин улсын эхэн үед нилээд ширүүн дайралдаж байсан боловч, Юн Ло хааны үе буюу түүнээс хойш үед нилээд тогтвортой хөгжсөн байна. Тийм учир Мин улсын эхэн үеийн олон домог уламжилж бий. Жишээ нь өдгөөд мөн Юань улсын үеийн нэгэн цэрэг ийн ноёноор нэрлэж байгаа Ван Бо Бо Чэн гэдэг хотын тухай ийм хэллэг бий.

Юан улсын сүүл үеэр, Ланьжоу хотод нэг өндөр модон суварга босгосон байжээ. Тэр нь энд монголчууд байсны гэрч болгож байв. Сүүлээр нь тэр модон суврага үгүй болж, тэр суврага байсан газрыг «Модон суврагын гудамж» гэж нэрлэжээ. Өдгөө модон суварга нь үгүй боловч, тухайн үед *«Ланьжоуд нэг модон суварга бий, өндөр нь тэнгэрээс нэг тохой найман ямх зайтай»* гэж хуучин хүрээ дотор нь бичиж байжээ.

«Цагаан суварга» хийгээд «Модон суврага»-ын хооронд Хатан гол урсаж буй. Энэ хоёр суваргаас дээш монголын газар байв. Үүний баримт нь энэ хоёр суврагаас дээш Ван Бо Бо Чэн гэдэг хот бий. Ван Бо Бо (монгол нэр нь Төмөр гэдэг) бол Юань улсын хамгийн сүүлчийн хаан Тогоонтөмөрийн цэргийн нэгэн ноён байв.

Юань улсын үед энэ хотод Хятад хүнийг оруулахгүй чанга сахидаг байжээ. Гагцхүү цагаан сарын шинийн найманд, баяр дурсгалын өдөр болохоор «тэдэнд баяр наадам хүргэж байна» гээд

Шүй Хүй тоглодог хүмүүсийг Хятадын талаас очуулдаг байв. Нэг удаа тэдгээрийг хотын хүрээн дотор оруулжээ. Гэтэл тэдгээр Шүй Хүй тоглодог амьтасын барьж явсан дарцаг цөм жад байж, бас хэнгэрэг дотроо хутга сэлэм (тэр үед буу байсангүй, жад сэлэм байдаг байжээ) нууж ороод, бүжиг тоглож байснаа гэнэт бослого гаргаж, найр хийж идэж ууж байсан хүмүүсийг алж, мөн тэдний араас нь цэрэг ороод энэ газрыг Хятад эзлэх болжээ.

Түүнээс хойш тэр хэнгэрэг Тай Пэн Гү гэж нэрлэсэн байна. Энэ нэр нь «Энх тайван болгосон хэнгэрэг» гэсэн утгатай. Өдгөө жил бүр 3 сарын 25-д Тоорын цэцэг үзэх гэж цугларна. Үүнийг Хятадаар тоорын цэцэгт цуглаан гэдэг. 8 сарын 15-д тоор иднэ гэж бас цугларна. Цагаан сарын 8-15 хүртэл Шүй Хүй тоглоно. Ван Бо Бо гэдэг нэр нь үлдэж, мөн тэр нэрээр хотыг нэрлэж бий. Энэ хотоос цааш яваад урт цагаан хэрэмд залгадаг юм [Бат 2011: 156–157].

Дээр дурдсан домгийн аль нь ч тэр, Мин улсын эхэн үе нилээд ширүүн байсаныг харуулж байна. Мөн үүнтэй холбогдуулан, Ёст Юн Ло хааны домогт гарч буй «Хоёр луу хэрэлдсэн » гэх өгүүлэмжийн талаар хэдэн мөр зарцуулъя. Энэ тухай эрдэмтдийн зохиолд: «Энэ домгийн уран сайхны онцлог гэж төдий л ярих зүйлгүй. Хятадын зан ёсонд нийцүүлэн хаадын эрх булаалдсан тэмцлийг хоёр луу хэрэлдсэнээр зүүдэлсэн болгож үзүүлсэн нь домгийн гол уран сэтгэмжийн зүйл болно. Мөн төрөх үрийг дайсны хаанд эс мэдэгдэхийн учир тэнгэрт залбирч нярайлах хугацааг 13 сар хүртэл хойшлуулсан гэдэг бол домогт их л дэлгэрсэн ердийн уран сэтгэмжийн зүйл бөгөөд гэдсэн дэх хүүхэд ийн өсөлтийн удаашралтай холбогдсон бодит зүйлээс гаралтай биз » гэжээ [Дамдинсүрэн, Цэнд 1983: 337].

Энд дурдаж байгаа луугийн талаар бас аман хэллэг бий. Жишээлбэл, Ланьжоу хот нь Лань Шань уулын хормойд, хаа эртээс цуутай Хатан голын хөвөөнд оршино. Лань гэдэг нь холоос аварга луугийн дүрстэй харагддаг учраас ийнхүү нэрлэсэн гэх. Тэр ч байтугай Мин улсын тэргүүн онд лууг дахин босхоос сэрэмжилж сүүлийг нь тас цохисон юм хэмээн нутгийнх нь өвгөчүүд өгүүлэх ажээ [Бат 2011: 260]. Энд луу гэдгээр монголыг төлөөлж байгаа

санаа ил байхаар барахгүй, Чингис хааны тамгыг төвд сурвалж бичигт бас луутай холбож өгүүлсэн бий.

Бодит өгүүлэмж хэллэг нь ийм байна. Чингис хааныг төвдийн түүх бичлэгт «Жингэр Жалбу » (jing gir rgyal po, энэ нь жингар ноён гэсэн утгатай) гэж тэмдэглэдэг байна. Үүнд Жалбу гэдэг нь ноён, хаан гэсэн утгатай юм. Харин «Жингэр» гэдэг үг нь яаж ирсэн бий гэвэл, Чингис, хаан суухад нэг шувуу ирч, чулуун дээр суугаад «жингэр», «жингэр» гэж дугарснаар Чингис хаанд тийм нэр өгжээ. Тэгээд төвдөд Чингис хааныг «Жингэр» гэж нэрлэдэг юм. Тэр шувуу ирж, «жингэр», «жингэр» гэж дуугарсан чулуугаас хас тамга гарч ирсэн юм [Бат 2011: 117]. Энэ тамгын тухай төвдөөр бичсэн монгол сурвалж бичигт «тэр шувуу суусан гүр чулууныг гайхамшиг болов гэмээн балбачин үзээд гол дундаас нь нэг төө хиртэй чулуу авч, ар бие нь яст мэлхийн дүрстэй, дээд бие дээр нь хоёр луу сүлбэлдсэн тамга зохион үйлджээ» гэж тэмдэглэсэн байна [Баясгал 1997: 71].

«Тэр тамгыг хүн хийсэн биш, чулуугаас гарч ирсэн болохоор, Чингис хаан их хүчтэй байж, дэлхийг эзэлсэн юм. Тамга дотор хамгийн их хүчтэй гэдэг нь Чингис хааны тамга болох хас тамга юм. Түүний дараа, алт, мөнгө, зэс, төмөр буюу модоор хийсэн тамга бий. Тамгыг хийсэн бодсын материалаар хууль нь тийм зэрэг хүчтэй явагддаг байсан юм гэж урдын хүн үздэг байна. Тиймээс өдгөө модон тамгатай болсноор хууль нь зөөлөн бөгөөд худал хуурмаг юм арвидаж, үйл ажиллагаа нь найдвартай явагдахгүй болжээ» [Баясгал 1997: 71].

Эдгээрээс үзвэл, домгийн дүрслэлд «Зүүн луу нь баруун лууг дийлэх», «лууг дахин босохоос сэрэмжилж сүүлийг нь тас цохисон» гэх мэт зүйл нь адилхан Ёст Юн Ло хаан хийгээд монголчуудтай холбогдож байна. Нөгөө талаар «хоёр луу хэрэлдсэн» гэх өгүүлэмжид Мин улсын эхний үеийн монгол хятадын тэмцлийг гүн харуулсан байгаа билээ.

Ерөнхийлөөд хэлбэл, Мин улсын хаадын тухай домог нь тархацын талаар аман ба бичигт уламжилж, монголчуудын дунд гүн зузаан хоногшин дэлгэрч ирчээ. Тэгээд тэдгээр домог нь монголчуудын домог зүйн уламжлал, монгол хаадын ёс, мөн Мин

улсын хаадын бүхий л түүх, төр гүрний уламжлал ёс зэргийг нийтдээ тусгаж, бичиг ба аман уламжлалын сонирхолтой жишээ болж, Мин улсын үе дэх ардын домог үлгэр жич монгол түмний өвөрмөц соёлын нэгэн үзэгдэл болж ирснээр түүнийг судалж шинжлэхийн учир утга нь тодорхой байна.

Ном зүй

- Бат 2011 — *Бат Д.* Агваанчойдорийн ярьсан монгол төвөд бурхан шажины аман түүх. Бежин: Үндэстэний хэвлэлийн хороо, 2011. 320 х.
- Бат 2016 — Бат Д. Агваанчойдор гуайн ярьсан аман түүх хийгээд Халх, Ойрдын зарим түүхт хүмүүсийн домог. Хэрийн судлаалын материал, 2016.
- Баясгал 1997 — *Баясгал.* Дээд монголын түүхэн сурвалж бичгүүд. Лионин: Үндэстэний хэвлэлийн хороо, 1997. 508 х.
- Билгүүдэй 2016 — *Билгүүдэй Г.* Монголын эртний уран зохиолын хоёр өгүүлэмжийг түүхэн эх сурвалжаар тодруулах нь // Монгол уран зохиолын өгүүлэмжийн судалгаа. Улаанбаатар: Хэл зохиолын хүрээлэн ШУА, 2016. Х. 64–81.
- Дамдинсүрэн, Цэнд 1983 — *Дамдинсүрэн Ц., Цэнд Д.* Монголын уран зохиолын тойм. Дээд дэвтэр. Хуххот: Өвөр Монголын ардын хэвлэлийн хороо, 1983. 690 х.
- ХСМ–1 — Хэрийн судлаалын материал. Алша баруун хошууны Алдцаг сумын Ногоонбулаг гацааны малчин Осор ярив.
- ХСМ–2 — Хэрийн судлаалын материал. Алша баруун хошууны Алдцаг сумын Ногоонбулаг гацааны малчин Бүд ярив.

УДК 821.512.37

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-153-165

Калмыцкий сборник обрамленных рассказов «Волшебный мертвец»

*Баазр Александрович Бичеев*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН

(д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

E-mail: baazr@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Бичеев Б. А., 2020

Аннотация. Индийские сборники «обрамленных повестей» были хорошо известны калмыкам и пользовались широкой популярностью. В калмыцкой старописьменной литературе наибольшее распространение в рукописном виде получил сборник рассказов «Волшебный мертвец». Известно о двух редакциях этого текста. Краткая редакция сборника состоит из обрамляющего сюжета и тринадцати рассказов, полная редакция — из обрамляющего повествования и двадцати шести сюжетов. Краткий вариант калмыцкого обрамленного сборника впервые был опубликован в 1804 г. в немецком переводе Б. Бергманном. В 1864 г. К. Ф. Голстунский опубликовал текст «Волшебного мудреца» на «ясном письме». В 1866 г. Б. Юльг издал другой вариант этого текста на «ясном письме» и в немецком переводе. В 1927 г. представители калмыцкой эмиграции опубликовали текст «Калмыцкой хрестоматии», в содержание которой была включена краткая редакция «Волшебного мудреца». Русский перевод полной версии сборника из двадцати шести рассказов впервые был опубликован Б. Я. Владимирцовым. Однако текст рукописи сборника на «ясном письме» был утерян. Уже в наше время стало известно, что полная редакция сборника сохранилась у ойратов Синьцзяна.

Ключевые слова: «Обрамленная повесть», «Волшебный мертвец», ойратский перевод, история публикации, рукопись из Синьцзяна

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая в рамках научного проекта № 19-512-93002 «Фольклор народов Шелкового пути: ойрат-монголы Китая и калмыки России (от сказки к эпосу)». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Бичеев Б. А. Калмыцкий сборник обрамленных рассказов «Волшебный мертвец» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 2. С. 153–165. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-153-165.

UDC 821.512.37

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-153-165.

Kalmyk Collection of Framed Stories «The Magic Dead»

*Baazr A. Bicheev*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philosophy), Leading Research Associate

E-mail: baazr@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Bicheev B. A., 2020

Abstract. Indian collections of “framed stories” were well-known to Kalmyks and were widely popular. In the Kalmyk old script literature the most widespread manuscript was the collection of stories “The Magic Dead”. There are two editions of the text. The concise edition of the collection consists of a framed plot and thirteen stories and the full edition consists of a framed narrative and twenty six stories. The concise version of the Kalmyk framed collection was first published in 1804 in German translation by B. Bergman.

In 1864, K. F. Golstunskiy published “The Magic Dead” in ‘clear script’. In 1866, B.Yulgi published another version of the text in ‘clear script’ and with German translation. In 1927, the representatives of Kalmyk emigration published “The Kalmyk Anthology” which included the concise edition of “The Magic Dead”. The Russian translation of the full edition of the collection of twenty six stories was first published by B. Ya. Vladimirtsov. However, the collection manuscript in ‘clear script’ was lost. It became known nowadays that the full edition of the collection was preserved among Oirats in Sinkiang.

Keywords: “framed story”, “The Magic Dead”, Oirat translation, history of publication, manuscript from Sinkiang

Acknowledgement. The research was funded by RFBR and Academy of Social Sciences of China within the scope of research project № 19-512-93002 “The Folklore of the peoples of the Silk Road: Oirat-Mongols of China and Kalmyks of Russia (from fairy tale to epos)”. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Bicheev B.A. Kalmyk Collection of Framed Stories «The Magic Dead». *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 2. Pp. 153–165. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-153-165

Сборники рассказов разного содержания, обрамленные одним общим сюжетом, зародились в древнеиндийской литературной традиции. Наиболее известные образцы «обрамленных повестей» — «Панчатантра», «Двадцать пять рассказов веталы», «Жизнь Викрамы, или 32 истории царского трона» и др., — обрели «популярность не только в Индии, но и далеко за ее пределами, не только на индийских языках, но и языках многих азиатских и европейских народов» [Гринцер 2008: 276]. Такие сборники «обрамленных повестей» были известны и калмыцкой старописьменной литературе. Исследователи указывали, что «Двадцать пять рассказов Веталы» или «Волшебный мертвец» хорошо сохранились у калмыков «в форме книжной и в виде устных народных переказов» [Владимирцов 1923: 9].

Различные редакции калмыцкого сборника рассказов «Волшебный мертвец» (Sidditü küriyin tuuli) публиковались неодно-

кратно. Сборник был одним из первых произведений калмыцкой литературы, с которым познакомились европейские читатели в самом начале XIX в. В 1804 г. немецкий пастор и этнограф Б. Бергманн опубликовал в своей большой работе, наряду с другими образцами калмыцкой словесности, немецкий перевод сборника «Волшебный мертвец», в котором, помимо обрамляющего сюжета, содержится тринадцать сказочных сюжетов [Bergmann 1804]. Б. Бергманн постарался представить для своих читателей устную и литературную традиции калмыков, исходя из доступного для него материала. Кроме пересказа содержания одной главы «Джангара», в работе приведены устные исторические предания. Письменная традиция представлена достаточно широким кругом текстов — буддийские наставления «Зерцало природы» («Йиртмжин толь»), две главы «Богдо Гесер-хана», сборник обрамленных повестей «Волшебный мертвец», «Повесть об Ушандара-хане», буддийская авадана в виде сказочного сюжета «История Унекер Торлику-хана». Последние два произведения известны не только в письменной, но и в устной форме.

В 1864 г. известный российский монголовед, профессор Санкт-Петербургского университета К. Ф. Голстунский опубликовал на «ясном письме» сборник рассказов «Волшебный мертвец», в котором также, кроме обрамляющего рассказа, содержится 13 рассказов [Голстунский 1866]. Профессор Санкт-Петербургского университета К. Ф. Голстунский в период с 1856 по 1888 гг. регулярно бывал в калмыцких кочевьях, где записывал различные образцы фольклора и собирал рукописи на «ясном письме» [Решетов 1967]. Одним из результатов его поездок стало издание в 1864 г. литографским способом текстов: «История Убаши-хунтайджия и его войны с ойратами», калмыцкий эпос «Джангар» и сборник обрамленных рассказов «Волшебный мертвец».

В ойратской коллекции Института восточных рукописей РАН хранятся три списка «Волшебного мудреца», с которых могло быть подготовлено литографическое издание:

С 283. Xutuqtu Naγanzuna-yin zarligiyin eši-ber amuyūulanggi edleqçi xān seriün ükēr-ēce siddi-tü küür zalaqsan touji orošiboï (л. 1а).

13 сказок.

Ойр. рук., 44 л., 35,5×14,7 (29,7×10,3), 27 стк., рус. бумага с рельефным штемпелем; «Фабрика Платунова № 5», черни-ла, перо.

D 127. Sidditü küüriyin tuuli (обложка).

Сказки 1–8. «Шиддиту кюрүн тули» (обложка).

Ойр. рук., тетрадь, 22 л. + обложка, 22,2×18 (20×16), 25–27 стк., рус. бумага, коричневые чернила, перо, рук. не окон-чена.

D 127. Начало: (л. 4а): ... kemēged buuḷi ireqsen-dü: outadān dürēd dēsün-yēr böḷi ...

13 сказок.

Ойр. рук., л.: –35 + 3 фрагмента, л. 3 (нет конца), 41×10,5 (36×7,5), 37–40 стк., рус. бумага с филигранями: «ГУБР», «ФСМП», «БВ», чернила, перо.

[Сазыкин 1988: №№ 255, 256, 257]

В 1866 г. Б. Юльг также издал «на ясном письме» и в немецком переводе сборник рассказов «Волшебный мертвец», в кото-ром, помимо рамочного повествования, содержится 13 рассказов [Jülg 1866]. Язык этого текста заметно отличается от языка текста, опубликованного К. Ф. Голстунским. В нем явно отразились неко-торые диалектные особенности. Например, второй рассказ в тек-сте К. Ф. Голстунского назван «Sidhi-tü küüriyin tuuli-ēce xān kigēd ülü urbaqçıyın küböüni bölöq-inu хойодоуяғ». В тексте Б. Юльга он имеет следующее название: «Siddhi-tü küüriyin üliгер-ēce xān kigēd ügei kümüni küböüni yabuqсан нөгө зүйil».

Несколько особняком от двух вышеупомянутых сборников стоит текст из хрестоматии Ш. Болдырева [Калмыцкая хрестоматия 1927]. В 1906 г. учитель Короволукинской народной школы Александровского улуса Астраханской губернии Ш. Болдырев подготовил к публикации «Калмыцкую хрестоматию», в содержа-ние которой он включил сборник рассказов «Волшебный мертвец» из 11 сюжетов. Оригинал рукописи хрестоматии Ш. Болдырева хранился в архиве В. Л. Котвича. Именно с этой рукописи усилия-ми калмыцкой эмиграции был подготовлен текст хрестоматии для

литографического издания 1927 г. в Праге. К сожалению, оригинал рукописи хрестоматии в архиве известного монголоведа пока обнаружить не удалось. При подготовке хрестоматии к изданию были внесены некоторые изменения в текстах. «Сохраняя полностью содержание (за исключением русско-калмыцкого словаря) хрестоматии Ш. Болдырева, Комиссия считает нужным соблюсти принятую в предыдущих своих изданиях орфографию калмыцкого письма, возможно точное соблюдение принципа ”гармонии гласных“, знаков долготы и т.п.» [Калмыцкая хрестоматия 1927: V].

В «Калмыцкой хрестоматии» Ш. Болдырева сборник «Волшебный мертвец» состоит из 11 сюжетов. В них не хватает двух рассказов — «Имеющий птичью оболочку» и «Девушка — похитительница сердца». Вполне возможно, что два недостающих сюжета могли быть исключены самим составителем хрестоматии в силу тех или иных причин. Кроме этого, рассказы не имеют названий, которые традиционно располагаются в конце каждого сюжета. Вполне возможно, что так было в оригинале рукописи, с которой Ш. Болдырев делал копию текста для своей хрестоматии, либо он сам убрал название рассказов.

Все четыре вышеуказанные публикации имеют один общий обрамляющий сюжет «Семь братьев-волшебников». Сюжет обрамления, количество и последовательность рассказов в текстах, опубликованных Б. Бергманном, К. Ф. Голстунским и Б. Юльгом, совпадают. Приведем таблицу с названиями сюжетов четырех публикаций сборника «Волшебный мертвец».

№	Б. Бергманн (1804)	К. Голстунский (1864 г.)	Б. Юльг (1866 г.)	Ш. Болдырев (1906 г.)
0	+	Обрамляющий рассказ «Ах-дү долан илвч»	+	+
1	+	Байна көвүнэ белг	Байн күүнэ көвүнэ йовсн	+

2	+	Хан болн Эс Урвгчин көвүнэ бөлг	Хан болн Уга күүнэ көвүнэ йовсн	+
3	+	Амн цоохр бүрүһин бөлг	Масаңгийн йовсн	+
4	+	Һаха төлгчн бөлг	Һахан толһата төлгч багшин йовсн	+
5	+	Нарна Герл хан көвүн	Нарна Герл ах-дү хойр йовсн	+
6	+	Ик оньсч йөдө күн хааг номһудхсн бөлг	Хоолас ховлһата күн хааг номһудхсн	+
7	+	Шовун кевтэ хаана бөлг	Шовун гертэн йовсн	—
8	+	Хойр гүңгэн бөлг	Зурач модч хойрин үлгүр	+
9	+	Зүрк бэргч окна бөлг	Зүрк бэргч окна йовсн	—
10	+	Нөкр нээжнр хойрин бөлг	Эр эм хойр йовсн	+
11	+	Алтн Гетлгч окна бөлг	Алтн Дари нертэ окна йовсн	+
12	+	Күүкд заңгта хаана бөлг	Нилхсин оюта хаани йовсн	+
13	+	Бирмнэ көвүн хан болсна бөлг	Бирмнэ көвүнэ йовсн	+

Несмотря на одинаковую последовательность сюжетов, все четыре сборника представляют собой разные варианты сборника «Волшебный мудрец», что заметно уже по названию рассказов.

В 1923 г. академик Б. Я. Владимирцов впервые опубликовал русский перевод полной версии сборника обрамленных рассказов «Волшебный мертвец» из 26 рассказов, объединенных одним обрамляющим повествованием. Ойратская рукопись этого сборника была приобретена Б. Я. Владимирцовым у одного из князей Западной Монголии [Владимирцов 1923: 11].

Сборник состоит из двух равных частей, содержащих по 13 рассказов. Первая часть этого текста состоит из тех же 13 рассказов, расположенных в той же последовательности, что и в четырех вышеупомянутых сборниках. Эта первая часть заключается сентенцией о том, что царевич Амугуланг-Едлегчи в воздаяние за то, что тринадцать раз нес на спине Волшебного мертвеца к учителю Нагарджуне, будет обладать мощью и силой, благоденствием и

счастьем в течение этой жизни, и другие цари не смогут равняться с ним [Владимирцов 1923: 65]. Вторая часть сборника состоит из 13 рассказов разных по содержанию и форме. Приведем таблицу с названиями сюжетов пяти публикаций сборника «Волшебный мертвец».

№	Б. Бергманн (1804)	К. Ф. Голстунский (1864 г.)	Б. Юльг (1866 г.)	Ш. Болдырев (1906 г.)	Б. Я. Владимирцов (1923 г.)
0	+	+	+	+	Обрамляющий рассказ «Семь волшебников и царевич»
1	+	+	+	+	Сын богача
2	+	+	+	+	Царевич и его друг министр
3	+	+	+	+	Беломордый бычок
4	+	+	+	+	Знахарь со свиной головой
5	+	+	+	+	Царевичи Нарани-Герел и Сарани-Герел
6	+	+	+	+	Ловкий гордец и царь
7	+	+	+	—	Имеющий птичью оболочку
8	+	+	+	+	Ананда-плотник и Ананда-живописец
9	+	+	+	—	Девушка — похитительница сердца
10	+	+	+	+	Муж и жена
11	+	+	+	+	Девушка Алтан-Зула
12	+	+	+	+	Царь Кюкен-Седкильтю
13	+	+	+	+	Сын брахмана, ставший царем

К сожалению, оригинал рукописи на «ясном письме» не сохранился, и исследователи долгое время не имели возможности ознакомиться с текстом полной версии ойратского сборника на «ясном письме». Лишь недавно стало известно, что еще одна полная версия рукописи сборника хранится в коллекции ойратских руко-

писей Комитета по делам национальностей Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР [Бичеев 2011].

В 2004 г. хранитель ойратской коллекции До. Галдан опубликовал текст этого сборника на «ясном письме» [Galdan 2004], а затем в 2014 г. — и факсимиле рукописи. По данным, приведенным в его публикации, сборник представляет собой традиционную рукописную книгу, состоящую из листов формы «бодхи». Текст разделен на две части. В первой части 13 сюжетов, и в этой же части находится колофон. Вторая часть также состоит из 13 сюжетов.

XGMO 0045. Sidhi-tü küür touǰi orošiboı (книга первая).

13 сказок.

Ойр. рук., 57 л., 46×13, 29–32 строк., кит. бумага, красная и черная тушь, калам.

Переводчик: yadou bandi bsodam dpal gǰur

Инициатор перевода: vǰyaqdur skyab-biyin

XGMO 0045. Siddhi-tü küürıyın tuǰi (книга вторая).

13 сказок.

Ойр. рук., 43 л., 46×13, 27 стк., кит. бумага, красная и черная тушь, калам.

[Galdan 2004: 87]

Содержание обрамляющего рассказа и 26 сюжетов, порядок их расположения одинаковы с текстом перевода Б. Я. Владимирцова, а первая часть — с вышеупомянутыми публикациями Б. Бергманна, К. Ф. Голстунского, Б. Юльга, Ш. Болдырева. Приведем таблицу с названиями сюжетов сборника «Волшебный мертвец» в публикациях Б. Я. Владимирцова и До. Галдана.

№	Do. Galdan (2014 г.)	Б. Я. Владимирцов (1923 г.)
0	«Ах-дү долан илвч»	Обрамляющий рассказ «Семь волшебников и царевич»
	Первая часть сборника — 13 рассказов	
1	Bayani küböüni bölöq	Сын богача
2	Xān kigēd ülü urbaqçıyın küböüni bölöq	Царевич и его друг министр
3	Aman söxor biröügiyın bölöq	Беломордый бычок

4	yaxayin toloyoi belgeçiyin bölöq	Знахарь со свиной головой
5	Narani gerel xān küböüni bölöq	Царевичи Нарани-Герел и Сарани-Герел
6	Yeke onisuçi yödö kümün xāni nomoyodxoqsan bölöq	Ловкий гордец и царь
7	Šoboun kebtü xāni bölöq	Имеющий птичью оболочку
8	Zurāçi güngge kigēd moduçi güngge xoyoriyin bölöq	Ананда-плотник и Ананда-живописец
9	Zürke bariqçi okini bölöq	Девушка — похитительница сердца
10	Nökör nayjinar xoyoriyin bölöq	Муж и жена
11	Altan getülgeççi okini bölöq	Девушка Алтан-Зула
12	Küüked zanggtu xāni bölöq	Царь Кюкен-Седкильтю
13	Birmana küböün xān boluqsan bölöq	Сын брахмана, ставший царем
	Колофон переводчика	—
Вторая часть сборника — 13 рассказов		
14	Axa döü xoyorlayin bölöq	Два брата
15	Xān küböün kigēd tüšimeliyin küböün xoyoulayin bölöq	Царевич и сын министра
16	Önggütü Naran xatuni xouli bölöq	Царица Энгэтью-Наран
17	Öbögün emegen xoyoriyin tuuli	Старуха и старик
18	Bayan kümüni yani küböüni tuuji	Глупец — сын богача
19	Sangysabayin küböüni bölöq	Сын заклинателя
20	Arsalan üker xoyoulayin touji	Лев и бык
21	Biliqtü toulayin touji	Мудрый заяц
22	Eljigen çikitü xāni tuuji	Царь с ослиными ушами
23	yani küböüni bölöq	Дурачок
24	Tulum öürüqsen erilgeçi çidkür suulyā öürüqsen kümün xoyoriyin bölöq	Черт с мешком и человек с ведром
25	Malayā oulayin-ēce dörbön kümüni siddhi abuqsan bölöq	Чары горы Малайя
26	Böjıqçi altan melekei kigēd urana ögüüleqçi toti xoyoriyin bölöq	Пляшущая лягушка и говорящий попугай

Исключение составляет колофон, которым завершается первая часть сборника «Волшебный мертвец». Его нет в русском

переводе. По всей видимости, в рукописи, которой пользовался Б. Я. Владимирцов, колофона не было. Между тем в нем содержится интересная информация, раскрывающая историю появления калмыцкого перевода произведения. Судя по содержанию колофона, перевод был сделан в Калмыцком ханстве по повелению тайши Чакдорджаба (ум. 1722 г.) (*v̆jyaqdur skyab*), старшего сына известного калмыцкого хана Аюки (1642–1724), буддийским монахом Содном Бальжуром (*bsodam dpal ğjur*). В колофоне не указано, с какого языка сделан перевод. Но вполне может быть, что перевод был совершен с монгольского языка.

aryā naγanzanayin ači xariulxuyin tula kigēd:
amuγuulang edleqčī sayin xān kilence arilixuyin tula
ayuul-tu ükēriyin seriün oi-ēce sidditu küüri:
arban γurba dakin [57r] üürčī abuxuyigi keleqsen touli öüni:

‘Эти сказки, поведанные Волшебным мертвецом,
Прекрасному принцу Амугуланг-Едлегчи, когда он тринадцать раз
Нес его на спине из ужасающего кладбища Прохладной роши,
Дабы уничтожить последствия греховных деяний и
Доставить почтение святому Нагарджуне,’

eǰil zayidu erkešiqsen ayouka dayičing xāni
erken axmud küböün erke küčün töqüsüqsen:
eǰil ügei olon albatuyin zang zangγār asarun tedküqči:
enerküi tögüsüqsen v̆jyaqdur skyab-biyin orčiul kemēqsen dü:

‘По велению преисполненного мощью властителя,
Бесстрастно управляющего многочисленными подданными,
Старшего сына, властвующего между Волгой и Уралом
воителя Аюки-хана,
Преисполненного состраданием Чакдорджаба,’

yeke ača: öböriyin uxān ken xurān medeküi-tü-lügē tung saca
boluqsan:
yadou bandi bsodam dpal ğjur bi:
eblen orčiulxuyin sayin xoloyitu-du: ačiqsan buyan-yēr:
amitani buyan kišiq delgeren irekü boltuyai: : ::

‘Перевел я — бедный монах Соднам Бальжор,
Большой груз ума которого подобен тем, кто подавлен страстями.
Да увеличится счастье и благоденствие людей
Грузом благоденствия, обретенного этим переводом.’

Тайша Чакдорджаб умер раньше своего знаменитого отца, так и не воссев на престол Калмыцкого ханства. Это произошло в 1722 г., следовательно, текст данного сборника мог быть переведен не позднее этого года. Известно, что в 1714 г. престарелый хан Аюка официально объявил Чакдорджаба своим преемником и передал ему ханскую печать [Батмаев 1993: 192]. Видимо, перевод сборника обрамленных рассказов «Волшебный мудрец» был сделан в период с 1714 г. по 1722 г., поскольку в тексте колофона Чакдорджаб назван «властителем, бесстрастно управляющим многочисленными подданными».

Таким образом, колофон калмыцкого перевода полной редакции сборника обрамленных рассказов «Волшебный мудрец», с одной стороны, раскрывает для нас неизвестные страницы переводческой традиции волжских калмыков, с другой — расширяет наши представления о культурной деятельности калмыцких правителей.

Литература

- Батмаев 1993 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. В 2-х книгах. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 381 с.
- Бичеев 2011 — *Бичеев Б. А.* Фонд ойратских рукописей Комитета по делам национальностей Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР // Память мира: историко-документальное наследие буддизма: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф (г. Москва, 25–26 ноября 2010 г.). М.: Изд-во Ипполитова, 2011. С. 240–244.
- Владимирцов 1923 — *Владимирцов Б. Я.* Предисловие // Волшебный мертвец. Пг., М.: ГИЗ, 1923. С. 7–10.
- Голстунский 1864 — *Голстунский К. Ф.* Убаши хун-гайджийн тўджи, народная калмыцкая поэма Джангара и Сиддиту кюрыйин туули, изданные на калмыцком языке К. Голстунским. СПб.: В Литографии Иконникова, 1864. 126 с.

- Гринцер 2008 — *Гринцер П. А.* Индийская обрамленная повесть как массовая литература Средневековья // Гринцер П. А. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. Древнеиндийская литература. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2008. С. 275–296.
- Дамдинсурэн, Серебряный 1981 — *Дамдинсурэн Ц., Серебряный С. Д.* «Обрамленные повести» в Индии и у монгольских народов // Литературные связи Монголии. М.: Наука, 1981. С. 130–150.
- Калмыцкая хрестоматия 1927 — Калмыцкая хрестоматия для чтения в аймачных и в младших отделениях улусных школ / сост. Ш. Болдырев // Хонхо. Вып. III. Прага: Изд. КККР в ЧСР, 1927. 255 с.
- Решетов 2001 — *Решетов А. М.* К. Ф. Голстунский: жизнь и деятельность выдающегося монголоведа // *Mongolica–V*: Сб. ст. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. С. 6–14.
- Сазыкин 1988 — *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. 1. М.: Наука, 1988. 597 с.
- Bergmann 1804 — *Bergmann B.* Nomadische Streifereien unter den Kalmücken in den Jahren 1802 und 1803. Erster Teil. Riga: den S. J. G. Hartmann, 1804. 351 s.
- Jülg 1866 — *Jülg B.* Die Märchen des Siddhi-Kūr. Kalmükischer text mit deutscher übersetzung und einem Kalmükisch-deutschen Wörterbuch. Herausgegeben von B. Jülg. Leipzig: F. A. Brochhaus, 1866. 223 s.
- Galdan 2004 — *Galdan Do.* Burxani cadiq yeke emiyin tuuji orošiboi. Ürümči: Šinjiyang-giyin aradiyin keblel-yin xorō, 2014. 227 x.
- Galdan 2014 — *Galdan Do.* Tuyuji üliгер-un emkidegel. Todo üsüg-un erten-udurasxal bičig-un sungyuburi. Ürümči: Šinjiyang-un arada-un keblel-un xoryi-a, 2014. 455 x.

УДК 821.512.37

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-166-182

О двух сборниках обрамленных рассказов «Волшебного мертвеца»

Баазр Александрович Бичеев¹, Бальджин Дамринджав²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

E-mail: baazr@mail.ru

² Институт национальных литератур Китайской академии общественных наук (5, Цзяньго мэнь нань дацзе, 100732 Пекин, КНР)

доктор филологии, профессор

E-mail: damrinjab@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Бичеев Б. А., Бальджин Дамринджав, 2020

Аннотация. В устной традиции ойратов Китая и калмыков России известны устные циклы обрамленных рассказов, возникшие на основе литературного сборника «Волшебный мертвец». Если калмыцкий сборник обрамленных рассказов калмыцкого сказителя М. Буринова неоднократно становился объектом исследования монголоведов, то сборник обрамленных рассказов ойратского сказителя О. Байаки до последнего времени оставался недоступным для отечественных исследователей. В данной статье впервые приводятся данные о записи, публикации и содержании синьцзянской версии устного цикла обрамленных рассказов. Сравнительный анализ содержания сюжетов калмыцкой и синьцзянской версий позволяет прийти к выводу, что как первая, так и вторая версия появились в результате существования письменной версии сборника обрамленных рассказов «Волшебный мертвец».

Ключевые слова: «Обрамленные повести», «Волшебный мертвец», ойратский перевод, устные циклы, сказитель М. Буринов, сказитель О. Байака

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая в рамках научного проекта № 19-512-93002 «Фольклор народов Шелкового пути: ойрат-монголы Китая и калмыки России (от сказки к эпосу)». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Бичеев Б. А., Бальджин Дамринджав. О двух сборниках обрамленных рассказов «Волшебного мертвеца» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 2. С. 166–182. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-166-182

UDC 821.512.37

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-166-182

About Two Collections of Framed Stories «The Magic Dead»

Baazr A. Bicheev¹, Danbuer Jiafu²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philosophy), Leading Research Associate

E-mail: baazr@mail.ru

² Institute of Ethnic Literature, Chinese Academy of Social Sciences (5 Jiannei Dajie, Beijing 100732, People's Republic of China)

PhD, Professor

E-mail: damrinjab@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Bicheev B. A., Danbuer Jiafu, 2020

Abstract. The oral series of framed stories that developed on the basis of the literary collection “The Magic Dead” are well-known in the oral tradition of

Oirats in China and Kalmyks in Russia. However, the Kalmyk collection of framed stories of the Kalmyk story-teller M. Burinov has been in the focus of Mongolian Studies research several times, whereas the collection of framed stories of Oirat story-teller O. Bayaka has been unavailable to local researchers until recently. The information about the recording, publication and the content of the Sinkiang version of the oral series of the framed stories is given in the article for the first time. The comparative analysis of the plot in the Sikiang and Kalmyk versions enables us to conclude that the first version as well as the second version emerged from the written version of the collection of framed stories “The Magic Dead”.

Keywords: “framed stories”, “The Magic Dead”, Oirat translation, oral series, story-teller M. Burinov, story-teller O. Bayaka

Acknowledgement. The research was funded by RFBR and Academy of Social Sciences of China within the scope of research project № 19-512-93002 “The Folklore of the peoples of the Silk Road: Oirat-Mongols of China and Kalmyks of Russia (from fairy tale to epos)”. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Bicheev B. A., Danbuer Jiafu. About Two Collections of Framed Stories «The Magic Dead». *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 2. Pp. 166–182. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-166-182

Одним из любопытных явлений сказочного фольклора калмыков следует назвать бытование устного цикла сказок «*Седклин кур*», объединенных единым рамочным повествованием. Известно, что наиболее широкой популярностью у калмыков пользовался письменный сборник обрамленных рассказов «Волшебный мертвец». Различные редакции этого текста публиковались неоднократно [Bergmann 1804; Голстунский 1866; Jülg 1866; Владимирцов 1923; Калмыцкая хрестоматия 1927]. Б. Я. Владимирцов отмечал, что у калмыков «Двадцать пять рассказов Веталы» получили распространение как в письменной форме, так и «в виде устных народных пересказов» [Владимирцов 1923: 9].

В 1960 г. был опубликован сборник обранных сказок под названием «Седклин кур», записанных со слов известного калмыцкого сказителя Муутла Буринова [Седклин кур 1960]. Подробному анализу сюжетно-тематического содержания этого сборника сказок посвящен ряд работ калмыцких фольклористов [Джимгиров 1970; Горяева 2011; Надбитова 2011; Эльбикова 2019]. Поэтому обратим внимание лишь на некоторые аспекты самого сборника и выводы исследователей.

Во-первых, следует указать на расхождения при указании количества сюжетов, объединенных одним общим обрамляющим сюжетом. Некоторые исследователи указывают 12, а другие – 11 сюжетов. Проблема заключается в том, что в сборнике обранных сказок «Седклин кур» все 12 текстов, включая обрамляющий сюжет, даны без названия. При этом обрамляющий сюжет помечен как «1 бөлг». В машинописном тексте сборника, хранящемся в научном архиве КалмНЦ РАН, обрамляющий сюжет завершается фразой «Седклин арвн хойр бөлг иигж эклснн» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр 19. л. 13]. В книгу эта фраза не вошла. Поэтому исследователи, определяя жанр сказки, указывают порядковый номер по книге и иногда приводят свое название текста сказки. Однако если речь идет о сборнике обранных сказок, то обрамляющий сюжет не должен иметь нумерации. Поэтому права Б. Б. Горяева, которая указывает, что цикл сказок М. Буринова состоит из 11 сюжетов, объединенных одним обрамляющим рассказом [Горяева 2011]. По всей видимости, М. Э. Джимгиров обрамляющий сюжет также не включал в нумерацию сказок. Например, когда он пишет, что «к бытовым мы отнесли: вторую, четвертую, седьмую и восьмую сказки», то имеется в виду сказки, отмеченные в сборнике под номерами 3, 5, 8 и 9. Далее он пишет: «в пятой, девятой и одиннадцатой сказке повествуется о подвигах богатырей — защитниках родной страны», т. е. речь идет о 6, 10 и 12 сказке сборника [Джимгиров 1979: 92].

Когда исследователи указывают, что опубликованные калмыцкие тексты «Волшебного мудреца» Б. Бергманна, К. Ф. Голстунского и Б. Юльга состоят из 13 сюжетов, то имеется в виду, что

есть еще и обрамляющий сюжет (14-й), который в этот счет не входит. Также и полная версия «Волшебного мудреца», опубликованная Б. Я. Владимирцовым, включает 26 сюжетов, объединенных одним (27-м) рамочным сюжетом. Кстати, Б. В. Эльбикова называет обрамляющий сюжет «прологом» [Эльбикова 2019]. Такое определение обрамляющего сюжета представляется спорным. Функция пролога в литературном тексте и функция обрамляющего повествования все-таки не представляются равнозначными.

Таким образом, сборник обрамленных рассказов «Седклин кур» известного калмыцкого сказителя М. Буринова состоит из 11 сюжетов и обрамляющего рассказа, в котором повествуется о Мусе-волшебнике и безымянном младшем сыне старика, который, избавившись от него и ради искупления совершенного им грехоубийства, отправляется за святым Арши-ламой, созерцающим в белом дворце на берегу синего моря. Как видно из приведенной ниже таблицы, у исследователей нет согласованного мнения по поводу названия одиннадцати сюжетов и их жанрового определения.

«Седклин кур»	Джимгиров М. Э.	Горяева Б. Б.	Надбитова И. С.	Эльбикова Б. В.
1 бөлг	вступительный рассказ	обрамляющая сказка	обрамляющая волшебная сказка	пролог (волшебная сказка) «Илвин сурхуль» («Учение волшебству»)
2 бөлг	бытовая сказка	бытовая сказка	волшебная сказка Ээт Мерген	«Өөд Мергн» («Ээд Мерген») волшебная сказка
3 бөлг	бытовая сказка	бытовая сказка	бытовая сказка	«Шоварг» («Шоварык») бытовая сказка
4 бөлг	волшебная сказка	волшебная сказка «Бамба и его конь Сарал»	волшебная сказка	«Бамб болн күлг Саарл» («Бамба и его конь Сарал») волшебная сказка
5 бөлг	бытовая сказка	бытовая сказка	бытовая сказка	«Цецн күүкн» («Мудрая невестка») бытовая сказка

6 бөлг	богатыр- ская сказка	богатырская сказка «Батыр Дамбин Улан и храбрый конь его Давшурин Хурдун Хара»	богатырская сказка	«Дамбин Улан баатр болн Давшурин хурдн хар» («Богатырь Дамбин Улан и резвый вороной») богатырская сказка
7 бөлг	волшебная сказка	волшебная сказка	волшебная сказка	«Аю Чикт болн Авха цецн» («Аю Чикте и мудрая Авха») волшебная сказка
8 бөлг	бытовая сказка	«Эвя и Дживя» кумулятивная сказка	бытовая сказка	«Эвэ, Живэ» («Эвя и Дживя») бытовая сказка
9 бөлг	бытовая сказка	бытовая сказка	бытовая сказка	«Уутин көвүн Ухр» («Ухур, сын Ууты») бытовая сказка
10 бөлг	богатыр- ская сказка	богатырская сказка «Эрин Сян Сеняка»	богатырская сказка	«Эрин Сэн Сөнэкэ» («Эрин Сян Сеняка») богатырская сказка
11 бөлг	бытовая сказка	волшебная сказка «Бадма, его невеста и черно- лысый волк»	волшебная сказка	«Байн Бат баатр Бадм көвүн» («Богатырь Байн Бат и Бадма») волшебная сказка
12 бөлг	богатыр- ская сказка	волшебная сказка	богатырская сказка	«Улада Мергн» («Улада Мерген») волшебная сказка

Обрамляющий сюжет у Б. В. Эльбиковой назван «Учение волшебству» («Илвин сурхуль»). Однако это скорее не название обрамляющего рассказа, а попытка отразить его содержание. По аналогии с письменной версией «Волшебного мертвеца», в котором этот сюжет называют «Семь волшебников» («Долан илвч»), логичнее было бы обрамляющий сюжет сборника М. Буринова назвать «Мус-волшебник» («Мус илвч»).

Сюжет «Өөд Мергн» одни причисляют к бытовой сказке, другие — к волшебной. С этим текстом, который довольно широко распространен и в сказочном фольклоре ойратов Синьцзяна, определится действительно трудно. Сказка ли это? Синьцзянские исследователи относят этот текст к легендарному преданию [Aradiyın aman üliger 2006]. Судя по всему, этот сюжет был некогда заимствован из какого-то письменного источника и, получив устную форму, обрел некоторые элементы сказочной структуры. Однако окончательно он так и не «превратился» в сказку. Видимо, было бы логичным определять этот сюжет как легендарное предание.

Вышеприведенное мнение относится и к двум следующим сюжетам — «Шоварг», который отмечен у исследователей как бытовая сказка, и «Сын богатыря Баян-Бата по имени Бадма» («Байн Бат баатрин Бадм гидг көвүн»), определяемый исследователями как волшебная сказка. М. Э. Джимириров более близок к истине, относя ее к бытовой сказке.

Название волшебной сказки (№ 4 по сборнику «Седклин күр») следовало бы давать в полном виде — «Бамба, сын Бадамджав-хана на буланом скакуне с черной спиной» («Хар холта Саарл күлтгэ Бадмжав хаана Бамб көвүн»), как и богатырскую сказку под № 6 — «Сын Давджи Цаган-хана Богатырь Дамбин Улан на резвом вороном скакуне Давшура» («Довж Цаган хаана көвүн Давшурин хурдн хар күлтгэ Дамбин Улан баатр»). Сюжеты под № 10 и № 12 должны соответственно звучать в следующем виде — «Лучший из мужей Сонака, имеющий золотисто-рыжего скакуна» («Алтн шарх күлтгэ Эрин Сэн Сөнэкэ»), «Богатырь Улада Мерген, имеющий Большого солового скакуна и Малого солового скакуна» («Ик Шарх бичкн Шарх хойр күлтгэ Улада Мергн баатр»). Поскольку эти сюжеты, хотя и определяются исследователями как волшебные или богатырские сказки, на самом деле представляют собой тексты утратившего свою первоначальную поэтическую форму архаичного эпоса (тууль-улигер).

Сюжет под № 7 в фольклоре монгольских народов известен под названием «Умке Торилту-хан» («Үмкэ Төрлт хан»). Это тоже краткая устная версия достаточно объемного письменного произведения «История Унекер Торлику-хана» [Бичеев, Дамринджав

2017]. Несколько особняком стоит в цикле М. Буринова текст «Эвя и Дживя» («Эвя Дживя хойр»). Трудность с определением его жанровой принадлежности (бытовая сказка или кумулятивная сказка) связана с тем, что в калмыцкой фольклористике по сей день нет определения для таких, пусть и немногих, но все-таки бытующих сюжетов. Во всяком случае, это не бытовая сказка, но и, строго говоря, не кумулятивная.

Во-вторых, есть определенные разногласия по самому названию сборника сказок. «Седклин күр» не является его оригинальным названием. Со всей определенностью можно утверждать, что сказитель М. Буринов свой цикл обрамленных рассказов так не называл. Машинописный текст сборника озаглавлен как «Седклин арвн хойр күр» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр 19]. Б. В. Эльбикова, опираясь на эти данные, называет этот сборник «Седклин арвн хойр бөлг», хотя на титульном листе слово «бөлг» вычеркнуто и от руки написано «күр» [Эльбикова 2019: 24]. Редактор (ясад, барт белдсн) текста сборника Б. Букшаев прямо пишет, что такое название сборнику дано им: «Сказки состоят из 12 глав. Все они объединены единым замыслом и содержанием. К тому же эти сказки пользовались широкой популярностью и сохранились в памяти народа. Поэтому мы назвали их по-своему "Седклин күр" («Тууль арвн хойр бөлгт хувагна. Эдн цуг хорндан хол утхаһарн, эврәннь цутхлһарн негн болж һарсн ухта болна. Дакад гидм болхла, тууль оln эмтнэ ухан седкл авлж, эмтнэ чеежд батрад, мартгдшгоһар орад, даңгин тедн дунд йовад йовсн төләднь, бидн эврэхәрн "Седклин күр" гиж нерәджәнәвдн») [Седклин күр 1960: 4].

При этом Б. Букшаев не объясняет, почему им было дано такое название. Апелляция к широкой популярности этого цикла сказок и единству содержания сюжетов нельзя считать аргументированным объяснением. Несмотря на то, что нам неизвестно, как называл свой цикл сам М. Буринов, однако название «Седклин күр» не могло появиться вне связи с тем, как называл его сказитель, и вполне могло оказаться результатом непонимания редактором исходного названия устного сборника. Нам представляется, что

выбор названия все-таки был сделан на основании действительных причин, которые обнаруживаются в названии литературных сборников обрамленных рассказов.

Все известные версии «Волшебного мертвеца» на «ясном письме» носят название «Siddhi-tü küüriyin tuuji». Это же название, но уже в более разговорной форме «Сидтэ күр» было перенесено на первые устные циклы обрамленных сказок, появившихся под влиянием литературных сборников. Чем дальше устные циклы отдалялись от влияния письменной традиции, тем подвижнее становилось содержание, но неизменными оставались рамочная конструкция и название, которое со временем приобрело еще более усеченную разговорную форму — «Седкүр». У сказителя С. Бутаева обрамленный цикл назван «Седкүр бурхна тууж» [Буутан 2008: 21–39]. Герой сказки «Знахарь со свиной головой» («Һахан толһа белгч») сказителя К. Бадмаева отправляется за Сетквр бурханом [Хальмг туульс 1972: 203–207]. Если архивные материалы сохранили нам название «Седклин арвн хойр күр», то М. Буринов, по всей видимости, называл свой цикл «Седкүрин арвн хойр бөлг». Тогда вполне объяснимо появление у сборника названия «Седклин күр». Так письменное «Siddhi-tü küür» в устной традиции обрело форму «седкүр, сетквр», а по воле редактора превратилось в «седклин күр».

В пользу нашего предположения говорит и название устного цикла обрамленных рассказов «Волшебный мертвец» в сказочной традиции ойратов Синьцзяна. В разговорной форме оно звучит как «Седкүрин үлгүр» (в Синьцзяне под влиянием монгольского языка сказки называют «үлгүр», а эпические произведения — «тууль»). Однако в письменной форме пишется приблизительно к названию письменного источника, но в слитной форме «Sidtüküür-yin üliгер». Именно под таким названием устный цикл обрамленных рассказов был опубликован сказителем О. Байакой в нескольких номерах периодического издания «Хан Тенгер».

О бытовании цикла обрамленных рассказов «Седкүрин үлгүр» упоминают в своих работах исследователи фольклора ойратов Синьцзяна. По свидетельству профессора Б. Дамринджава, поч-

ти в каждом из районов проживания разных групп ойратов Синьцзяна находились сказители, в репертуаре которых были циклы сказок «Седкүрин үлгүр». Тем не менее, мы вынуждены констатировать, что на сегодня имеется лишь один опубликованный цикл обранных рассказов сказителя О. Байаки.

Активная работа по сбору и публикации фольклорного материала силами национальной интеллигенцией ойратов, начавшаяся в 1940-е гг., была прервана культурной революцией (1966–1976 гг.), которая нанесла непоправимый урон устной традиции ойратов. Известные сказители подверглись репрессиям, а тем, кому удалось выжить, пришлось заново воскрешать из глубин своей памяти бесценное наследие устного творчества после десятилетия «культурного безмолвия». Одним из тех, кому пришлось пережить десятилетие «фольклорного безмолвия», был известный синьцзянский сказитель Оролджавин Байака (Орлжавин Баяка).

О. Байака родился 27 июня 1939 г. в местности Сайигин усун (Сээһин усн) провинции Боратала. Получил неполное среднее образование. Работал киномехаником, затем механизатором в родном сомоне. Кроме своего родного языка, свободно владел уйгурским и казахским языками, хорошо знал фольклор этих народов.

О. Байака был родом из той части чахаров, которые в далеком историческом прошлом осели в Боратале. После падения Джунгарского ханства в начале 1760-х гг. для охраны границ сюда была направлены маньчжурские (китайские) войска, состоявшие из двух тысяч чахаров. Согласно сохранившемуся преданию, прибывшие воины брали жен у олетов. Через несколько лет вслед за ними была переселена еще одна часть чахаров, но уже с семьями. Вследствие этого первых стали называть «старым отделением чахаров» (хуучн эңгин чахр), а вновь прибывших — «новым отделением чахаров» (шин эңгин чахр). Чахары «старого отделения» за время долгого совместного проживания с илийскими олетами переняли их язык, фольклор и культурные традиции. То же произошло и с чахарами «нового отделения», когда рядом с ними поселились торгуты, перекочевавшие в 1771 г. с берегов Волги. Сегодня в Боратала-Монгольском автономном уезде Синьцзян-

Уйгурского автономного района КНР проживают около 30 тысяч чахаров. Их язык, фольклор и традиции значительно отличаются от языка, фольклора и культурных традиций чахаров Внутренней Монголии. По сути, они говорят на языке ойратов Синьцзяна.

О. Байака — представитель «нового отделения» чахаров — жил в сомоне Кёве Цаган (Көвө Цаһан). В годы его детства вплоть до начала культурной революции существовала живая фольклорная традиция. Многие сказки, которые были в его репертуаре, он выучил у старейшей чахарской сказительницы Шараджан Бумба (по его информации, в 1967 г. ей было 78 лет), уроженки «нового отделения» чахаров сомона Кёве-Цаган. В ее репертуаре было множество сказок, более двадцати из которых ему удалось усвоить. Ш. Бумба была известна и как исполнительница «Джангара», но исполняла эпос речитативом и без музыкального сопровождения. О. Байака усвоил у нее несколько глав «Джангара».

В августе 1990 г. научный сотрудник Института этнических литератур КАОН (г. Пекин) профессор Б. Дамринджав, находясь в с. Бага-Бура, сомона Уту-Булаг, Боратала-Монгольского автономного уезда, записал у сказителя О. Байаки более 60 текстов, в том числе мифы «Почему петух кричит ночью» («Така сөөд ю кеж дууһарна»), «Как ласточка вырвала жало у комара» («Харада бөкүнэ кел суһлснь»), легенды «Наралма-дагини» («Нарлма дагни»), сказки и эпические тексты «Алтан Цеджи» («Алти Чееж баав»), «Беки Монген Шигширги-хан» («Бөк Мөңгн Шикшрһ»).

О. Байака — единственный из ойратских сказителей Синьцзяна, кому удалось опубликовать устный цикл обрамленных рассказов «Седкүрин үлгүр» («Сказки Седкюря»). По свидетельству исследователей, сказитель легко варьировал текстами сказок из своего репертуара. Одни и те же тексты могли быть рассказаны им и как отдельные произведения, и в составе устного цикла рассказов, объединенных единой рамкой. Подтверждение этому мы находим в полевых записях профессора Б. Дамринджава. В них мы находим те же самые тексты, которые опубликованы в устном цикле «Седкүрин үлгүр», но уже в виде обычных сказок и мифов.

Устный цикл обрамленных рассказов «Седкүрин үлгүр» О. Байаки состоит из обрамляющего сюжета и 17 сказок. Текст сборника был опубликован в 1989–1990 гг. в нескольких номерах периодического издания «Хан Тенгер». Сразу же следует оговорить, что О. Байаке не удалось опубликовать полную версию его цикла, поскольку периодическое издание «Хан Тенгер» вскоре прекратило свое существование.

Уникальное по своему содержанию периодическое издание «Хан Тенгер» — это одно из значимых (если не самое значимое) явлений в культурной жизни ойратов Синьцзяна после периода культурной революции. Издание представляло собой журнальный вариант литературно-фольклорного сборника. В период с 1981 г. по 1991 г. номера издания выходили ежеквартально. По неизвестным нам причинам, в 1992 г. не было издано ни одного номера. Зато в следующем 1993 г. вышло шесть номеров издания, но после этого оно прекратило свое существование. Попытка реанимировать издание привела к тому, что в 1998 г. был издан последний 51 номер.

За более чем десятилетнее существование «Хан Тенгер» в нем было опубликовано десятки текстов мифов, сказок, исторических преданий, песен, главы эпоса «Джангар». На страницах издания были опубликованы наиболее известные тексты рукописей на «ясном письме». Вполне естественно, что такой огромный пласт образцов фольклора не мог быть собран и подготовлен к печати немногочисленными представителями национальной интеллигенции. Это стало результатом включения в эту работу грамотной части населения и, прежде всего, учителей национальных школ. По призыву национальной интеллигенции повсеместно началась работа по записи образцов устного народного творчества. Со всех краев Синьцзяна люди везли сами или передавали с оказией в редакцию монгольского издательства, куда входил и журнал «Хан Тенгер», записанные ими у знатоков образцы фольклора. Работники редакции редактировали эти рукописные тексты и готовили к печати.

О. Байака сам осуществил запись текста своего цикла обрамленных рассказов «Седкүрин үлгүр» и отправил в издательство.

Обрамляющий сюжет «Долан илвч» («Семь волшебников») и три текста мифа — 1. «Бурхн Багш Хан Һәрдиг номдан орулсн» («Как Будда покорил Хан Гаруди»), 2. «Күн болн үкр күнс хувалсн» («Как человек и корова поделили пищу»), 3. «Харһа арц хойр дундан дээлдснь» («О междоусобной войне сосен и можжевельников») были опубликованы во втором номере «Хан Тенгер» за 1989 г.

В третьем номере за 1989 г. было опубликовано 7 текстов. Два мифа — 4. «Отчего сосна, можжевельник и эфедра стали вечно-зелеными» («Харһа, арц, зеергн мөңк көк болснь»), 5. «Почему горы и скалы стали высокими» («Уул, хад яһад өндр болсмб»); три сказки о животных — 6. «Лончак, бычок и волк» («Дааһн, бүрү, чон һурвн»), 7. «Как дятел, овод и бабочка хотели стать братьями» («Тоңшул шовун, шоодра, удһн эрвэкэ һурвн ах-дү болсн»), 8. «Как ласточка вырвала жало у комара» («Харада бөкүнэ кел суһлсн»); волшебная сказка — 9. «Старец Эрдени Байар и шесть его сыновей» («Долан көвүтэ Эрднь Байр көгшн») и устное предание — 10. «Мерген-лучник и Мерген-ружейник» («Харвч Мергн болн Бууч Мергн»).

В четвертом номере за 1989 г. помещены два текста — волшебная сказка 11. «Кошка и собака» («Мис болн ноха хойр») и устная повесть 12. «Наралама-рагини» («Нарлма рагни»).

Устная повесть «Наралама-рагини» есть не что иное, как устная версия известного литературного произведения об одном из перерождений Белой Тары. В старописьменной ойратской литературе она известна под названием «Повесть о Нарани Герел» [Бичеев 2015].

Интересно, что в цикле О. Байаки между этой повестью и следующим сюжетом нет традиционной связки, подчиненной обрамляющему сюжету, когда главный персонаж обрамленного сборника Дулду Шар, нарушив обет молчания, вынужден вновь возвращаться к одинокому дереву за улетевшим туда Сидкур-бурханом. Надо отметить, что О. Байака мастерски связывал между собой сюжеты не только этой традиционным сюжетным элементом, но и связывал между собой некоторые из них в содержательной части.

Здесь возникает необходимость вернуться к циклу сказок М. Буринова, поскольку в машинописном тексте сборника, храня-

щемся в научном архиве КалмНЦ РАН, между сюжетами нет вообще никакой связи. Традиционной формулы о нарушении обета молчания безымянным младшим сыном старика и возвращении Арши-ламы бурхана в белый дворец на берегу синего моря в машинописном тексте рукописи нет. Однако в книге эта формула появляется, и она повторяется в каждом сюжете слово в слово, в то время как у О. Байаки эта формула в своем лексическом наполнении подвижна. Возникает вопрос, присутствовала ли изначально эта формула в цикле сказок М. Буринова? Видимо, да, поскольку без нее обрамление теряет свою структуру. Тогда почему ее не оказалось в машинописном тексте сборника и почему она повторяется в одной и той же формулировке? Ответа на этот вопрос пока у нас нет.

Две волшебные сказки «Харалчин-хан» («Харалчн хан») под № 13 и «Чикин Цаган-хан» («Чикн Цаһан хан») под № 14 цикла обрамленных рассказов «Седкүрин үлгүр» О. Байаки были опубликованы в первом номере «Хан Тенгер» за 1990 г. Сказка «Чикин Цаган-хан» — это одна из устных версий монгольской трилогии о царе Викрамадитьи (Бигирмиджид-хан, Арджи Борджи-хан, Гесне-хан). Три последних сюжета цикла (15, 16, 17) — волшебная сказка «Богач Эндү и Богач Сендү» («Эндү болн Сендү байн») и две богатырские сказки «Беки Монген Шигширги-хан» («Бөк Мөңгн Шигшрһ хан») и «О том, как Бум Улан Баатар был захвачен змеем» («Бум Улан Баатр хорта моһад бэргдсн») — опубликованы в № 2 за 1990 г.

В дополнение к вышесказанному приведем таблицу 2 с указанием названия сюжетов и их жанровой принадлежности двух сборников обрамленных рассказов — калмыцкого сборника «Седклин күр» М. Буринова и ойратского сборника «Седкүрин үлгүр» О. Байаки.

№	О. Байака	Буринов Муутл
	Долан илвч (обрамляющий сюжет)	Мус илвч
1	Бурхн Багш Хан Гэрдиг номдан орулсн (миф)	«Өөд Мергн» (устное предание)

2	Күн болн үкр күнс хувалцсн (миф)	«Шоварг» (устное предание)
3	Харна арц хойр дундан дээлдснь (миф)	«Хар холта Саарл күлгтэ Бадмжав хаана Бамб көвүн» (волшебная сказка)
4	Дааһн, бүрү, чон нурвн (сказка о животных)	«Цецн күүкн» (бытовая сказка)
5	Харна, арц, зеергн мөнк көк болснь (миф)	«Довж Цаһан хаана көвүн Давшурин хурдн хар күлгтэ Дамбин Улан баатр» (богатырская сказка)
6	Тоңшул шовун, шоодра, удһн эрвэкэ нурвн ах-дү болсн (сказка о животных)	«Үмкэ Төрлт хан» (волшебная сказка)
7	Харада бөкүнэ кел суһлсн (сказка о животных)	«Эвэ Живэ хойр» (бытовая сказка, кумулятивная сказка?)
8	Уул, хад яһад өндр болсмб (миф)	«Уутын көвүн Ухр» (бытовая сказка)
9	Долан көвүтэ Эрдм-Байр көгшн (волшебная сказка)	«Алтн шарһ күлгтэ Эрин Сән Сөнэкэ» (богатырская сказка)
10	Харвч Мергн болн Бууч Мергн (повесть)	«Байн Бат баатрин Бадм гидг көвүн» (волшебная сказка)
11	Мис болн ноха хойр (волшебная сказка)	«Ик Шарһ бичкн Шарһ хойр күлгтэ Улада Мергн баатр» (богатырская сказка)
12	Нарлма рагни (повесть)	—
13	Харалчн хан (волшебная сказка)	—
14	Чикн Цаһан хан (волшебная сказка)	—
15	Эндү болн Сендү байн (волшебная сказка)	—
16	Бөк Мөңгн Шигшрһ хан (богатырская сказка)	—

17	Бум Улан Баатр хорта моһад бэргдсн (богатырская сказка)	—
----	---	---

Таким образом, помимо обрамляющего сюжета, в сборник рассказов О. Байаки вошли пять мифов, три сказки о животных, пять волшебных сказок, два богатырских сказания и две устные повести. При этом публикация оказалась неполной, и осталось неизвестным, сколько рассказов входило в устный сборник обрамленных рассказов О. Байаки.

Литература

- Бичеев 2015 — *Бичеев Б. А.* Ойратская версия «Истории Белой Тары» («Повести о Нарану Герел»). Факсимиле рукописей / исследование, транслитерация, перевод с ойратского, комментарии Б. А. Бичеева. Улан-Батор: ИЯЛ АНМ, 2015. 256 с.
- Бичеев, Дамринджав 2017 — *Бичеев Б. А., Дамринджав Б.* Устная версия «Истории Унекер Торлидку хана». Исследование, перевод с монгольского, комментарии Б. А. Бичеева и Б. Дамринджав. Элиста; Пекин: КалмНЦ РАН, 2017. 314 с.
- Буутан 2008 — Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 годов. В 2-х кн. Кн. 1. / вступ. ст. Н. Г. Очировой, сост., подг. текстов и прилож. Б. Х. Борлыковой. Элиста: КИГИ РАН, 2008. 308 с.
- Владимирцов 1923 — *Владимирцов Б. Я.* Предисловие // Волшебный мертвец. П.-М.: ГИЗ, 1923. С. 7–10.
- Голстунский 1864 — *Голстунский К. Ф.* Убаши-хун-гайджийн тууджи, народная калмыцкая поэма Джангара и Сиддиту кюриин туули / сост. К. Ф. Голстунский. СПб.: Литограф. Иконникова, 1864. 126 с.
- Горяева 2011 — *Горяева Б. Б.* Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система. Элиста: ЗАОр «НПП "Джангар"», 2011. 128 с.
- Гринцер 2008 — *Гринцер П. А.* Индийская обрамленная повесть как массовая литература Средневековья // Гринцер П. А. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. Древнеиндийская литература. М.: Изд-во РГГУ, 2008. С. 275–296.
- Дамдинсүрэн, Серебряный 1981 — *Дамдинсүрэн Ц., Серебряный С. Д.* «Обрамленные повести» в Индии и у монгольских народов // Литературные связи Монголии. М.: Наука, 1981. С. 130–150.

- Джимгиров О калмыцких народных сказках. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 103 с.
- Калмыцкая хрестоматия 1927 — Калмыцкая хрестоматия для чтения в аймачных и в младших отделениях улусных школ, примененная к обучению русского языка посредством перевода. Составил учитель Короволукинской школы Александровского улуса Шургучи Болдырев // Хонхо. Вып. III. Прага: Изд. КККР в ЧСР, 1927. 255 с.
- Надбитова 2011 — *Надбитова И. С.* Сюжеты, образы и стилевые традиции калмыцких волшебных сказок. Элиста: ЗАОр «НПП "Джангар"», 2011. 260 с.
- Седклин күр 1960 — Седклин күр. Ясад, барт белдснь Букшан Бадм. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1960. 87 х.
- Хальмг туульс 1972 — Хальмг туульс. III боть. Элст: КНИИЯЛИ, 1972. X. 203–207.
- Эльбикова 2019 — *Эльбикова Б. В.* Калмыцкие сказки «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав»: жанровая специфика, композиционные и поэтико-стилевые особенности»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 193 с.
- Aradiyin aman üliger 2006 — *Ötü Mergen temne // Dumdadu ulusiyin Šinjyang-giyin mongyol aradiyin aman üliger-yin emkidkel. Ürümči: Šinjyang-giyin aradiyin keblel-yin xorō*, 2006. X. 61–69.
- Bergmann 1804 — *Bergmann B.* Nomadische Streifereien unter den Kalmücken in den Jahren 1802 und 1803. Erster Teil. Riga: den S. J. G. Hartmann, 1804. 351 s.
- Jülg 1866 — *Jülg B.* Die Märchen des Siddhi-Kūr. Kalmükischer text mit deutscher übersetzung und einem Kalmükisch-deutschen Wörterbuch. Herausgegeben von B. Jülg. Leipzig: F. A. Brochhaus, 1866. 223 s.

Калмыцко-белорусские литературные связи XX – XXI вв.

Александр Николаевич Карлюкевич¹, Римма Михайловна Ханинова²

¹ писатель, журналист, директор-главный редактор Издательского дома “Звезда” (д. 11, ул. Петра Румянцева, 220034 Минск, Республика Беларусь)

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

E-mail: khaninova@bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Карлюкевич А. Н., Ханинова Р. М., 2020

Аннотация. В статье рассматривается традиция калмыцко-белорусских литературных связей, начало которых относится к сентябрю 1940 г., когда белорусские писатели Филипп Пестрак и Максим Танк приняли участие в праздновании 500-летия калмыцкого героического эпоса «Джангар». Активное развитие эти контакты получили в конце 1950-х гг. благодаря инициативе народного поэта Беларуси Петруся Бровки и калмыцкого писателя Михаила Хонинова. В прессе двух республик появились публикации произведений и взаимных переводов калмыцких и белорусских писателей, были изданы книги калмыцких переводов лирики классиков белорусской поэзии Янки Купалы и Якуба Коласа в Элисте, книги белорусских переводов лирики Михаила Хонинова и Давида Кугультинова в Минске, проводились литературные вечера. Смена поколений с 1980-х гг. вызвала тридцатилетний перерыв в этом диалоге культур, возобновившийся в новом тысячелетии на постсоветском пространстве. Обмен публикациями произведений, новые переводы поэзии, прозы и драматургии, участие в международных книжных выставках, симпозиумах «Писатель и время», «круглых столах» способствуют активизации творческих сил двух народов.

Ключевые слова: калмыцкая литература, белорусская литература, диалог культур, перевод

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1). Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Карлюкевич А. Н., Ханинова Р. М. Калмыцко-белорусские литературные связи XX – XXI вв. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 2. С. 183–197. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-183-197

UDC 821.512.37+821.161.3

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-183-197

Kalmyk-Belarusian Literary Ties of the XX – XXI centuries

Aleksandr N. Karlyukevich¹, Rimma M. Khaninova²

¹ A writer, journalist, Director-Editor-in-Chief of Zvyazda Publishing House (10A, Petr Rumyantsev St., Minsk 220034, Republic of Belarus)

²Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

E-mail: khaninova@bk.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Karlyukevich A.N., Khaninova R.M., 2020

Abstract. The article describes the Kalmyk – Belorussian literary ties that started in September 1940 when the writers from Belarus Philip Pestrak

and Maksim Tank participated in the celebration of 500th anniversary of the Kalmyk heroic epos Jangar. These contacts actively developed at the end of 1950s due to the initiative of the poet from Belarus Petrusya Brovka and a Kalmyk writer Mikhail Khaninov. The publications of works and translations of Kalmyk and Belorussian writers appeared in the press of both republics, Kalmyk translations of the poems by the classics of Belorussian poetry Yanka Kupala and Yakub Kolas were published in Elista, Belorussian translation of the poems by Mikhail Khaninov and David Kugultinov were published in Minsk, literary evenings were organized. The succession of generation in 1980s led to a thirty year break in this dialogue of culture which was re-established in the new millennium on the Post-Soviet space. The publication exchange, new translations of the poetry, prose and drama, participation in the book exhibitions, “A Writer and the Time” symposium, ‘round tables’ contribute to the activation of the creative powers of both nations.

Keywords: Kalmyk literature, Belorussian literature, dialogue of cultures, translation

Acknowledgement. The study was made within the scope of the State grant – the project “Oral and written heritage of the Mongol people of Russia, Mongolia and China: trans-border traditions and interaction” (state registration number AAAA-A19-119011490036-1). The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Karlyukevich A. N., Khaninova R. M. Kalmyk-Belarusian Literary Ties of the XX – XXI centuries. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 2. Pp. 183–197. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-183-197

Начало традиции калмыцко-белорусских литературных связей относится к сентябрю 1940 г. Тогда с 6 по 9 сентября в г.Элисте состоялся VIII пленум Правления Союза писателей СССР. Среди гостей были белорусские писатели Филипп Пестрак и Максим Танк (литературный псевдоним Евгения Скурко), принявшие участие в праздновании 500-летия калмыцкого героического эпоса «Джангар» [Ханинова 2017a]. Калмыцкий поэт Аксен Сусеев представил Ф. Пестрака в газетной заметке «Наш гость» [Сусеев 1940: 3].

На закрытии Пленума 9 сентября выступил Максим Танк, о чем сообщала республиканская газета «Ленинский путь»: «Свое приветствие в стихах и отрывки из народного эпоса при глубоком всеобщем внимании прочел на родном языке поэт западных областей Белоруссии комсомолец Максим Танк» [Закрылся VIII пленум... 1940: 1]. Значит ли это, что молодой поэт перевел с русского на белорусский язык какие-то фрагменты из калмыцкого эпоса? Сохранилось ли его приветствие в стихах участникам юбилейных мероприятий тоже пока неизвестно. Ф. Пестрак назвал калмыцкий эпос «чудным творением» [Пестрак 1940b: 2].

Продолжением литературных связей с гостями праздника стали последовавшие публикации в калмыцкой прессе. Так, стихотворение М. Танка «Пусть шумит твоя жизнь, как победное знамя», посвященное Сталину, в русском переводе Ал. Шаропова было опубликовано в газете «Ленинский путь» 15 сентября 1940 г. [Танк 1940: 2]. В день освобождения Красной Армией Западной Белоруссии та же газета публикует 17 сентября 1940 г. стихотворение Филиппа Пестрака «Армия Червоная» в русском переводе Михаила Голодного [Пестрак 1940a: 2].

Активное развитие эти контакты получили в конце 1950-х гг. после возвращения калмыцкого народа из ссылки. Благодаря инициативе народного поэта Беларуси Петруся Бровки и калмыцкого писателя Михаила Хонинова в прессе двух республик появились публикации произведений и взаимных переводов калмыцких и белорусских писателей, были изданы книги калмыцких переводов лирики классиков белорусской поэзии Янки Купалы и Якуба Коласа в Элисте, книги белорусских переводов лирики Михаила Хонинова и Давида Кугультинова в Минске, проводились литературные вечера. Отметим, что Максим Танк перевел на белорусский язык стихи Михаила Хонинова, а тот, в свою очередь, перевел несколько стихотворений друга. В стихотворении «Менде» (пер. Я. Хелемского) М. Танк припомнил свой давний приезд в калмыцкие степи, в стихотворении «Пиала» (пер. Н. Поливина) воздал должное калмыцкому гостеприимству [Ханинова 2010].

Дружеские узы связывали Михаила Хонинова и Давида Кугультинова с белорусским прозаиком Василем Быковым. В начале 1960-х гг. был опубликован калмыцкий перевод раннего рассказа В. Быкова «Нуурт» («На озере») в газете «Хальмг үнн», правда, без указания переводчика [Быков 1963: 3].

Смена поколений с 1980-х гг. вызвала тридцатилетний перерыв в этом диалоге культур, возобновившемся в новом тысячелетии на постсоветском пространстве. Обмен публикациями произведений, новые переводы поэзии, прозы и драматургии, участие в международных книжных выставках, симпозиумах «Писатель и время», «круглых столах» способствуют активизации творческих сил двух народов.

В Предисловии к своей книге «Адреса русской литературы в Беларуси. Адреса белорусской литературы в России» (2018) А. Н. Карлюкевич писал: «На страницах книги, которую предлагаю вниманию читателей, я собрал разные имена, разные события и факты, которые и составляют общую картину белорусско-российских литературных связей. В дополнение к рассказу об известных и не очень известных, иногда незаслуженно забытых поэтах, прозаиках, публицистах, литературоведах России и Беларуси, сопричастных с народами наших стран, я побеседовал с людьми, творческими личностями, теми, кого по праву можно назвать культурными или литературными дипломатами. Речь идет о переводчиках, одинаково внимательных и к своей литературе, к своим приоритетам, и в то же время понимающих, что знакомство с чужим (а как показывает жизнь, и далеко не чужим) национальным миром, другим по языку художественным словом обогащает, открывает новые горизонты, привносит в собственное развитие новое содержание. А самое главное — помогает понять друг друга, помогает быть ближе, осознавать разные особенности и схожести. Таких увлеченных, любящих Беларусь художников слова, питающих родственные, братские чувства к Беларуси, немало. В Чечне работает известный переводчик Адам Ахматукаев, антология белорусской поэзии в его переводах начинается от Франциска Скорины и Янки Купалы, Якуба Коласа и Максима Богдановича. В Чувашии

и переводами белорусской авторов занимается, и белорусские литературные вечера организывает Валери Тургай... А еще день ото дня утверждают свою сопричастность с белорусским литературным миром народный писатель Удмуртии Вячеслав Ар-Серги, калмыцкий мастер стихосложения Эрдни Эльдышев, башкирская поэтесса Зульфия Ханнанова, народные поэты Татарстана Роберт Миннулин и Ренат Харис... <...> В Беларуси до сих пор помнят, как партизанили в могилевских и витебских лесах калмыцкий поэт Михаил Хонинов и татарский писатель Заки Нури» [Карлюкевич 2018: 3, 4].

В содержании этой книги представлены и калмыцкие имена: статьи «Белорусский остров Михаила Хонинова», «Письма Максима Танка Михаилу Хонинову» [Карлюкевич 2018: 46–52; 53–63]. В продолжение второй статьи потом была написана совместная статья «Михаил Хонинов и Максим Танк: дружеские и творческие связи калмыцкой и белорусской литературы» [Карлюкевич, Ханинова 2019: 247–262]. Калмыцкого писателя Михаила Хонинова связывали с Беларусью давние дружеские и литературные контакты с конца 1950-х гг. [Ханинова 2015a]. Ей, второй своей родине, он посвятил многие страницы своих произведений в поэзии, прозе и драматургии, перевел на калмыцкий язык произведения белорусских писателей — от Янки Купалы и Якуба Коласа до современных авторов [Ханинова 2015b].

Интервью с народным поэтом Калмыкии Эрдни Эльдышевым «И мне в Калмыкии близка белорусская литература» Александр Карлюкевич начал с вопроса: «Эрдни, Вы являетесь одним из немногих калмыцких поэтов, кто проявляет интерес к белорусской литературе как переводчик. Что вас подтолкнуло к этому?»

— Еще студентом я познакомился с произведениями классиков белорусской поэзии Янки Купалы и Якуба Коласа. Прочитал все военные повести Василя Быкова, эпохальную дилогию Ивана Мележа ”Дыхание грозы“ и ”Люди на болоте“. Произведения белорусских писателей оказали на меня самое благотворное влияние.

А несколько лет назад в Махачкале на празднике гамзатовской поэзии ”Белые журавли“ я познакомился с замечательным бело-

русским поэтом и переводчиком Михаилом Поздняковым. С ним у нас сложились дружеские отношения и установились хорошие творческие связи. Он перевел мои стихи и опубликовал их в Беларуси. Я же перевел его произведения на калмыцкий язык. А до этого я перевел стихи Янки Купалы, Якуба Коласа, Максима Богдановича, Татьяны Сивец... Думаю о новых переводах» [Карлюкевич 2018: 243–244].

На вопрос, как Вы оцениваете белорусско-калмыцкие литературные связи, какие перспективы их развития уже сегодня можно выстроить, Э. Эльдышев ответил:

«Белорусско-калмыцкие связи имеют давнюю историю. Еще партизан, воевавший в белорусских лесах Михаил Хонинов, известный по кличке Мишка Черный, впоследствии ставший известным калмыцким писателем, переводил произведения белорусских литераторов. Издал книгу стихотворений Янки Купалы в своих переводах в 1962 г. Давид Кугультинов был побратимом-однопольчанином с Василем Быковым, которому он посвятил поэму "Три дня". Дружил и с Аркадием Кулешовым, памяти которого посвящено стихотворение Кугультинова "Хатынь". В Минске в 1977 году вышел сборник стихов М. Хонинова "Журавли над степями".

— Была и еще одна книга Хонинова на белорусском...

— Этого, к сожалению, я не знал. А в Калмыкии был издан сборник белорусской поэзии "Мать моя, Беларусь" в переводе на калмыцкий язык (на самом деле, на русском и белорусском языках, в том числе стихи М. Хонинова. — *А. К., Р. Х.*). Максим Танк свое стихотворение "Пиала" посвятил непростой судьбе калмыка.

Произведения белорусских поэтов переводили народные поэты Калмыкии Санджи Каляев, Лиджи Инджиев, Бося Сангаджиева и другие. Так что нам есть что продолжать и развивать сегодня» [Карлюкевич 2018: 246].

Действительно, в Элисте к юбилею белорусского классика Янки Купалы вышли его стихи в калмыцком переводе Михаила Хонинова [Купала 1962], а также избранные стихи Якуба Коласа в калмыцком переводе Алексея Балакаева [Колас 1962], в Минске — книги избранных стихов Хонинова на белорусском языке

в переводах М. Танка, С. Граховского, А. Бачылы и других поэтов в 1970 г. [Ханінаў 1970], затем в 1977 г. в переводе А. Пысина [Ханінаў 1977]. Стихи Давида Кугультинова были изданы на белорусском языке в литературных сборниках «Братство» [Кугультинов 1987: 210–211], «Братэрства» [Кугультинов 1988: 52–62], вышли в отдельной книге «Свет женщины» [Кугультинов 1975].

Из современных изданий отметим следующие: в 2018 г. издана поэтическая книга Михаила Позднякова в калмыцком переводе Э. Эльдышева [Поздняков 2018], а в Минске в 2019 г. — книга стихов Э. Эльдышева в белорусском переводе М. Позднякова [Эльдышаў 2019]. В предисловии «Рыцарь добра и света» Э. Эльдышев писал о М. Позднякове: «С 2005 года Михаил Поздняков возглавляет Минское городское отделение Союза писателей Беларуси. <...> Автор более 60 книг для детей и взрослых. <...> Михаил Поздняков — билингвальный автор, пишет на белорусском и русском языках. В этом сборнике представлены стихи, написанные им на русском и в переводах на русский и калмыцкий языки» [Эльдышев 2018: 6].

Еще ранее, в 2016 г., в Минске вышла книга белорусского писателя Татьяны Сивец «Разняволенаць», в которой представлены также переводы на белорусский язык стихотворений Риммы Ханиновой («Ландшафт гісторыі (Думкі з нагоды)»; «Бацькоўскі запавет») и Веры Шуграевой («Бабулі-калмычкі»; «Малюся на цябе»; «Ружанец») [Сівец 2016: 108–109, 110–112; Михайлова 2016: 3].

В интервью «Калмыцкий язык — весенний, журчащий ручей...» Раиса Шурганова, отвечая на вопрос, с какими национальными литературами больше всего дружит современная калмыцкая литература, подчеркнула тесное сотрудничество с поэтами, писателями и переводчиками Астрахани, совместные публикации и издания: «Произведения калмыцких поэтов в переводе Ю. Н. Щербакова часто публиковались в "Литературной газете", а также были изданы в нескольких его книгах. Одна из книг полностью сформирована из его переводов калмыцких поэтов, и дал он название своему детищу — "Поклон Калмыкии"» [Карлюкевич 2018: 241]. Она также выразила надежду на тесное сотрудничество с бе-

лорусскими писателями и переводчиками: «Переводами белорусских поэтов уже начали заниматься в Калмыкии — в частности, в журнале "Теегин герл" ("Свет в степи"). Мои коллеги работают над переводами стихотворений Юлии Алейченко, Виктора Шнипа, Алеся Бадака, Наума Гальперовича... Раньше у нас были опубликованы в газете "Хальмг унн" ("Калмыцкая правда") произведения Татьяны Сивец в переводе народного поэта Калмыкии Веры Шуграевой» [Карлюкевич 2018: 241–242].

По мнению А. Н. Карлюкевича, «отдельная тема в развитии связей белорусской литературы с литературами народов России — восстановление памяти о тех писателях, которые связаны с Беларусью кровными узами: воевали здесь в Великую Отечественную, партизанили, освобождали синеокий край от фашистских захватчиков. А это — партизанские командиры татарин Заки Нури, калмык Михаил Хонинов, командир роты удмурт Филипп Кедров... Адреса, где они воевали, адреса их боев — памятные места общего белорусско-российского литературного краеведения. Их надо учесть, сделать предметом поклонения и почитания» [Карлюкевич 2018: 294–295].

Наряду с прежними белорусскими переводами поэзии Михаила Хонинова, в этом столетии появились новые публикации его произведений в переводах современных белорусских литераторов. Одно из недавних знаковых событий в журнале «Полымя» — поэма «Званы Хатыні» («Колокола Хатыни») в переводе Рагнеда Малаховского и Адама Шостака [Ханінаў 2017]. Эта поэма вскоре появится в очередной книге новой серии «Сябрына. Поэзия народов России». В прошлом году в третьей книге «Корни силу берегут» среди поэтов 14 национальных литератур России в белорусском переводе представлены и стихи Э. Эльдышева.

В прошлогоднем сборнике «Далягляды'19» опубликованы белорусские переводы прозы и поэзии писателей разных стран: из Азербайджана, Бангладеш, Венесуэлы, Германии, США, Израиля, Ирландии, Италии, Китая, Литвы, Пакистана, Польши, России, Сербии, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Украины, Эквадора. Среди них есть рассказ Михаила Хонино-

ва «На беразе Ухлясці» в переводе Микола Берлежа [Даляглады 2019: 152–155], стихи Риммы Ханиновой «На стагоддзе Міхаіла Хонінава» в переводе Татьяны Сивец [Даляглады 2019: 155–158], стихи Раисы Шургановой в переводе Божены Мацюк [Даляглады 2019: 158–160].

Одной из форм международных литературных контактов являются антологии одного стихотворения классика. Так, например, в 1982 г. в Минске вышла антология стихотворения Янки Купалы «А хто там ідзе?» («А кто там идет?») на языках народов мира, в том числе в калмыцком переводе Михаила Хонинова «Кен тенд йовна?» [Купала 1982: 50]. Во втором томе энциклопедии «Янка Купала» (2018) перепечатана антология стихотворения поэта «А хто там ідзе?», есть там и калмыцкий перевод М. Хонинова [Купала 2018: 350].

В 2017 г. была издана антология одного стихотворения «По природе своей...» классика белорусской литературы Франциска Скорины на языках народов мира, переиздана в дополненном виде в 2018 г. Калмыцкий перевод текста «Йиртмжд төрснэсн авн...» осуществили Римма Ханинова и Эрдни Эльдышев [Францыск Скарына 2018: 52]. Стихотворение Рабиндраната Тагора «Моя золотая Бенгалия» на языках народов мира в его антологии 2019 г. переведено Риммой Ханиновой на калмыцкий язык под названием «Мини энкр Бенгалия» [Тагор 2019: 48].

В Элисте готовится к изданию антология одного стихотворения «Стану красным тюльпаном» Михаила Хонинова на языках народов мира, среди них на белорусском языке есть переводы Алексея Пысина и Татьяны Сивец.

В Беларуси литературным краеведением занимается писатель и журналист Александр Николаевич Карлюкевич. Есть в его книгах и калмыцкая тема. В книге «Братэрства» опубликовано интервью с Риммой Ханиновой «Калмыкам ёсць што расказаць беларусам і ўсяму свету!...» [Карлюкевіч 2014: 52–57], в сборнике «Святло сяброўства» рассказано о белорусских переводчиках Михаила Хонинова «Беларускія перакладчыкі Міхаіла Хонінава» [Карлюкевіч 2016: 58–61], о неизвестных письмах М. Танка М. Хонинову «Не-

вядомые лісты Максіма Танка» [Карлюкевіч 2016: 61–64], в сборнике «Слова Купалы крочыць па свеце», в котором представлены портреты друзей белорусской литературы, есть статья о Римме Ханиновой «Беларусы — пушчы векавыя...» [Карлюкевіч 2018: 133–136].

В Калмыкии белорусскую тему актуализирует писатель и литературовед Римма Ханинова. Статьи А. Карлюкевича и Р. Ханиновой на белорусском и русском языках постоянно публикуются на страницах СМИ, в сборниках и книгах. Одна из постоянных их тем — белорусско-калмыцкие литературные связи в разных формах: литературные праздники, форумы, встречи, книжные ярмарки, взаимные переводы, взаимные посвящения, публикации произведений писателей и др.

Так, в 2017 и 2019 гг. Р. М. Ханинова стала участницей Международного форума писателей, Международной книжной выставки-ярмарки в Минске. Это повлияло на появление ее новых статей: «Межлитературные связи в диалоге культур: Калмыкия — Беларусь» [Ханинова 2017b], «О русском переводе поэмы Михаила Хонинова "Колокола Хатыни"» [Ханинова 2017v], «Стихотворение М. Хонинова "Мать с Березины" в диалоге культур» [Ханинова 2017g], «Художественный перевод в диалоге культур: стихотворение Янки Купалы "А хто там ідзе?"» [Ханинова 2017d], «Стихотворение Франциска Скорины "По природе своей..." на языках народов мира» [Ханинова, Кулешова 2017], «Стихотворения Петруся Бровки "Друзьям поэтам" и Ярослава Смелякова "Четырем друзьям" в творческой переключке» [Ханинова, Маргушина 2017], «Стихотворение Максима Танка "У могилы Максима Богдановича" как "крымский текст"» [Ханинова, Полещук 2017].

Белорусская серия «Созвучие сердец» знакомит и с произведениями писателей постсоветского пространства, в том числе Калмыкии в сборнике «Звездный родник» [Звездный родник 2013: 116–118].

На белорусском сайте «Созвучие» среди литератур СНГ представлена и калмыцкая литература: рубрика «Михаил Хонинов» [Шкурская 2016: 4], недавняя публикация сказок Риммы Ханиновой [Ханинова 2020].

Новые переводы Р. М. Ханиновой стихотворения Максима Богдановича на русском и калмыцком языке появились в газете «Хальмг үнн» в этом году [Богданович 2020: 6].

Традиция калмыцко-белорусских литературных связей, берущая начало в 1940 г. во время празднования 500-летия калмыцкого эпоса «Джангар», когда в Элисту приехали белорусские гости – писатели Филипп Пестрак и Максим Танк, продолженная по инициативе Петруся Бровки и Михаила Хонинова еще в конце 1950-х гг., развивается и в новом столетии, способствуя диалогу культур братских народов.

Литература

- Богданович 2020 — *Богданович М.* «Я хотел бы встретиться с вами на улице...» // Хальмг үнн. 2020. 20 сентября. С. 6.
- Быков 1963 — *Быков В.* Нуурт // Хальмг үнн. 1963. Августин 11. С. 3.
- Далягляды 2019 — *Далягляды, 2019: замяжная літаратура / уклад Алеся Карлюкевіча, Віктара Шніпа.* Мінск: Мастацкая літаратура, 2019. 303 с.
- Закрылся VIII пленум 1940 — *Закрылся VIII Пленум Союза советских писателей СССР в г. Элисте // Ленинский путь. 1940. 10 сентября.* С. 1.
- Звездный родник 2013 — *Звездный родник: сборник произведений писателей Беларуси и России / сост. Алесь Бадак; предисл. Алеся Карлюкевича.* Минск: Издательский дом «Звезда», 2013. 256 с.
- Карлюкевич 2018 — *Карлюкевич А. Н.* Адреса русской литературы в Беларуси. Адреса белорусской литературы в России: эссе, интервью, очерки. Минск: Мастацкая літаратура, 2018. 366 с.
- Карлюкевіч 2014 — *Карлюкевіч А. Н.* Братэрства. Мінск: Звезда, 2014. 256 с.
- Карлюкевіч 2016 — *Карлюкевіч А. Н.* Святло сяброўства. Мінск: Звезда, 2016. 272 с.
- Карлюкевіч 2018 — *Карлюкевіч А. Н.* Слова Купалы крочыць па свеце: партрэты сяброў беларускай літаратуры. Мінск: Паліграфкамбінат імя Я. Коласа, 2018. 175 с.
- Карлюкевич, Ханинова 2019 — *Карлюкевич А. Н., Ханинова Р. М.* Михаил Хонинов и Максим Танк: дружеские и творческие связи калмыцкой и белорусской литературы // Национальная литература России в по-

- ликультурном пространстве: духовно-нравственный и консолидирующий потенциал: мат-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию со дня рождения калмыцкого писателя М. В. Хоннинова (г. Элиста, 11–12 сентября 2019 г.) / отв. ред. Р. М. Ханинова. Элиста: КалмНЦ РАН, 2019. С. 247–262.
- Колас 1962 — *Колас Я.* Шүлгүд. Элст: Хальмг госиздат, 1962. 44 х.
- Кугультинов 1987 — *Кугультинов Д.* Звоны Хатыни: Стихи / пер. с калм. Р. Бородулин // Братство, 87: лит. сб. Минск, 1987. С. 210–211. Текст белорус.
- Кугультинов 1975 — *Кугультинов Д. Н.* Свет женщины: избранная лирика. На бел. яз. Минск: Мастацкая літаратура, 1975. 178 с.
- Кугультинов 1988 — *Кугультинов Д.* Стихи / Пераклад А. Звонака // Братэрства: літаратурны зборнік, 88. Минск: Мастацкая літаратура, 1988. С. 52–62. Текст белорус.
- Купала 1982 — *Купала Я.* А хто там ідзе? На мовах свету. Мінск: Мастацкая літаратура, 1982. 159 с.
- Купала 1962 — *Купала Я.* Шүлгүд / белорусск келнэс орчулсьнь Хоньна М. Элст: Хальмг Госиздат, 1962. 28 х.
- Купала 2018 — Янка Купала: энцыклапедыя. Т. 2. I–O. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2018. 416 с.
- Михайлова 2016 — *Михайлова Р.* Калмыцкие поэтессы на белорусском языке // Хальмг үнн. 2016. Мартын 16. С. 3.
- Пестрак 1940а – *Пестрак Ф.* Армия Червонная // Ленинский путь. 1940а. 17 сентября. С. 2.
- Пестрак 1940б – *Пестрак Ф.* Чудное творение // Ленинский путь. 1940б. 9 сентября. С. 2.
- Поздняков 2018 — *Поздняков М. П.* Забродье: стихи. На рус. и калм. яз. Сост., пер. и предисл. Э. А. Эльдышева. Элиста: Союз писателей Калмыкии, 2018. 116 с.
- Сивец 2015 — *Сивец Т.* «Эврэ тенгсән яһжви?», «Бал, үс дэkn терүнд...», Кишгин тускар / Беларус келнэс орчулсьнь Шугран Вера // Хальмг үнн. 2015. Майин 21. X. 4.
- Сивец 2016 — *Сивец Т. М.* Разняволенасць: вершы, пераклады, паэма. Мінск: Звязда, 2016. 160 с.
- Сусеев 1940 – *Сусеев А.* Наш гость // Ленинский путь. 1940. 6 сентября. С. 3.
- Тагор 2018 — *Тагор Р.* «Моя золотая Бенгалия» на языках народов мира — «My golden Bengal» in the languages of the world / сост.: Алесь Кар-

- люкевич, Музахидул Ислам. Минск: Полиграфкомбинат им. Я. Коласа, 2019. 128 с.
- Танк 1940 — *Танк М.* Пусть шумит твоя жизнь, как победное знамя // Ленинский путь. — 1940. 15 сентября. С. 2.
- Францыск Скарына 2018 — Францыск Скарына на мовах народаў свету / уклад. А. Карлюкевіч; прадам. Алеся Сушы; пасляслоўе Алеся Карлюкевіча. Выд. другое, дапоўн. Мінск: Звязда, 2018. 144 с.
- Ханинова 2015а — *Ханинова Р. М.* Беларусі-партизанкі сын. Михаил Хонинов — Миша Черный: учеб. пособие. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. 242 с.
- Ханинова 2017а — *Ханинова Р. М.* Белорусско-калмыцкие литературные связи: Филипп Пестрак и Максим Танк в сентябре 1940 г. // Magna adurgit: historia studiorum. 2017. № 1. С. 158–165.
- Ханинова 2010 — *Ханинова Р.* Дыхание степного солнца. «С любовью и горячим братским приветом – Максим Танк» // Хальмг үнн. 2010. 28 августа. С. 4.
- Ханинова 2017б — *Ханинова Р. М.* Межлитературные связи в диалоге культур: Калмыкия — Беларусь // Актуальные проблемы филологии народов России: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Уфа: РИЦ БАШГУ, 2017. С. 465–473.
- Ханинова 2015б — *Ханинова Р. М.* «Но с травой чувствую родство...» О переводе и переводческой деятельности М. Хонинова: учеб. пособие. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. 236 с.
- Ханинова 2017в — *Ханинова Р. М.* О русском переводе поэмы Михаила Хонинова «Колокола Хатыни» // Русская речь в инонациональном окружении. Вып. X. Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2017. С. 149–156.
- Ханинова 2020 — *Ханинова Р.* Сказки [электронный ресурс] // URL: <http://sozvuchie.by/proza/rimma-khaninova-rossiya-kalmykiya-skazki.html> (дата обращения 28.08.2020).
- Ханинова 2017г — *Ханинова Р. М.* Стихотворение М. Хонинова «Мать с Березины» в диалоге культур // Этнопедагогика как фактор сохранения российской идентичности: сб. мат-лов Междунар. науч. прак. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения академика Г. Н. Волкова. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2017. С. 572–578.
- Ханинова 2017д — *Ханинова Р. М.* Художественный перевод в диалоге культур: стихотворение Янки Купалы «А хто там ідзе?» // Кирилло-

- мефодиевские чтения—2017: мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 23 мая 2017 г.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. С. 87–91.
- Ханинова, Кулешова 2017 — *Ханинова Р. М., Кулешова И.* Стихотворение Франциска Скорины «По природе своей...» на языках народов мира // Кирилло-мефодиевские чтения—2017: мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 23 мая 2017 г.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. С. 92–94.
- Ханинова, Маргушина 2017 — *Ханинова Р. М., Маргушина Д. В.* Стихотворения Петруся Бровки «Друзьям поэтам» и Ярослава Смелякова «Четырем друзьям» в творческой переключке // Русская речь в инонациональном окружении. Вып. X. Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2017. С. 159–168.
- Ханинова, Полещук 2017 — *Ханинова Р. М., Полещук Н.* Стихотворение Максима Танка «У могилы Максима Богдановича» как «крымский текст» // Кирилло-мефодиевские чтения—2017: мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 23 мая 2017 г.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. С. 99–102.
- Ханінаў 1977 — *Ханінаў М.* Жураўлі над стэпам: вершы. Мінск: Мастацкая літаратура, 1977. 128 с.
- Ханінаў 2017 — *Ханінаў М.* Званы Хатыні: паэма // Полымя. 2017. № 5. С. 94–100.
- Ханінаў 1970 — *Ханінаў М.* Хвоі і цюльпаны: вершы. Мінск: Беларусь, 1970. 104 с.
- Шкурская 2016 — *Шкурская Е.* Остров Михаила Хонинова // Хальмг үнн. 2016. Февралін 16. X. 4.
- Эльдышев 2018 — *Эльдышев Э.* Рыцарь добра и света // Поздняков М. П. Забродье: стихи. На рус. и калм. яз / сост., пер. и предисл. Э. А. Эльдышева. Элиста: Союз писателей Калмыкии, 2018. С. 5–8.
- Эльдышаў 2019 — *Эльдышаў Э.* Песня кавылю: вершы; переключай з калмыцкай Михась Пазнякоў. Мінск: Колорград, 2019. 70 с.

УДК 821.512.37

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-13-198-215

События Гражданской войны в рассказах калмыцкого писателя-эмигранта С. Балыкова

*Делгир Юрьевна Топалова*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН

(д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, научный сотрудник

E-mail: delya.top@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Топалова Д. Ю., 2020

Аннотация. В статье на примере ряда произведений рассматривается тема Гражданской войны в творчестве писателя-эмигранта Санжи Балыкова. Актуализируя документальное начало в произведениях, автор проецирует основные моменты возникновения калмыцкой эмиграции, выстраивает весь исторический фон вынужденного массового исхода калмыков за рубеж. Рассказы С. Балыкова — достоверный исторический документ, описывающий сложное «время-пространство» калмыцкой истории. И в повествовании в целом, и в образах героев рассказов воплотилась драматическая судьба нации, всеобщее бедствие, безусловно, неотделимое от судьбы самого писателя. Достижение автора состоит в том, что, показав трагедию и судьбу калмыцкого народа в совершенно ином свете, он «перевернул» прежние взгляды на события истории, о которых в калмыцкой художественной литературе до него никто не писал.

Ключевые слова: калмыцкая эмиграция, Гражданская война, калмыцкая литература, документальность, память

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монголоязычных народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Топалова Д. Ю. События Гражданской войны в рассказах калмыцкого писателя-эмигранта С. Балыкова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 2 С. 198–215. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-198-215

UDC 821.512.37

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-198-215

The Civil War Events in the Stories of the Kalmyk Writer-Emigrant S. Balykov

*Delgir Yu. Topalova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS
(8, Ilshkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Research Associate
E-mail: delya.top@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Topalova D. Yu., 2020

Abstract. The article analyzes the Civil War theme in the work of emigrant writer Sanzha Balykov based on the example of a number of works. Updating the documentary beginning in the works, the author projects the main points of the emergence of Kalmyk emigration, builds the entire historical background of the forced mass exodus of Kalmyks abroad. The stories of S. Balykov are a reliable historical document describing the complex “time-space” of Kalmyk history. Both the narrative as a whole and the image of the heroes of the stories embody the dramatic fate of the nation, the universal calamity that is obviously inseparable from the fate of the writer himself. The author’s achievement is that, having shown the tragedy and fate of the Kalmyk people in a completely different light, he “transformed” his previous views on the events of history that have not been described in Kalmyk fiction before him

Keywords: Kalmyk emigration, Civil War, Kalmyk literature, documentary, memory

Acknowledgement. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Oral and Written Heritage of Mongolian Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Topalova D. Yu. The Civil War Events in the Stories of the Kalmyk Writer-Emigrant S. Balykov. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. № 2. C. 198–215. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-198-215

Трагические события Гражданской войны послужили причиной массового исхода людей в страны Западной Европы. Калмыки-эмигранты оказались «рассеяны» по странам: в Болгарии, во Франции, в Югославии, Чехословакии, Германии. Судьбы их складывалась по-разному, при этом характерно, что многие из них, в том числе участники Белого движения, многочисленных военных действий, а также члены Донского правительства: Санжи Балыков (1898–1943), Доржа Ремилев (1897–1957), Бадьма Уланов (1880–1969) и др., находясь в условиях изгнания, встали на путь возрождения калмыцкой национальной культуры. Деятельность и творчество этих и других представителей калмыцкой эмиграции представляет существенный научный интерес и позволяет определить картину духовной жизни оказавшейся в изгнании части калмыцкого народа, которая остается малоизученной в калмыковедении. Опыт калмыцкой эмиграции показал, что приобщение к исторической памяти, к материнскому языку, этническим духовным ценностям и традициям дает народу возможность сохранения этнической идентичности даже в среде инонациональной культуры. В этом смысле К. К. Султанов отмечает, что обращение к традиции как средоточию ценностей или, точнее, ее удержание в нетрадиционных экстремальных условиях превращается в форму самосохранения и самоуважения, возвращая человеку ощущение преодоленной бездомности [Султанов 2007: 8]. В целях «самосохранения» этнической группы, поддержания национального самосознания как одной из форм идентичности на чужбине культурная работа активной калмыцкой интеллигенции за рубежом была обусловлена, в первую очередь, возрожденческими целями, связанными напрямую с задачами сохранения национальных традиций, национального калмыцкого письма, создания калмыцкой литературы на нем, а также собирания памятников устного народного творчества, что в основе своей составляло базу для дальнейшего развития калмыцкой культуры вне исторической родины.

В среде, бережно хранившей родной язык, духовные ценности, завещанные предками, появление такого писателя, как Санжи Балыков, неслучайно. Человек интересной судьбы, многогранная

личность, один из талантливых писателей, классиков калмыцкой литературы, он жил и творил вдали от родины. Впрочем, в ряды калмыцких литераторов С. Балыков вошел сравнительно недавно, лишь в начале 1990-х гг. До этого времени автор практически не был известен калмыцкому читателю¹, между тем он — один из тех, с чьим именем связано возникновение калмыцкой публицистики, становление жанров рассказа и романа в калмыцкой литературе. Несмотря на разлуку с родной землей, С. Балыков сердцем был всегда со своим народом. С самого начала своей писательской и общественной деятельности и до конца он был верен мысли о возрождении национальной самобытности, развитии культуры, придавал большое значение проблемам недостаточного роста национального самосознания калмыцкого народа, исчезновения родного языка, ратовал за судьбу и перспективу развития калмыцкой литературы.

Значительное место в творческой биографии С. Балыкова занимают рассказы о трагедии в судьбе народа. Речь идет о событиях Гражданской войны и ее последствиях для судеб человечества. Для писателя эти произведения — воспоминания о пережитом. Тема Гражданской войны разрабатывалась им на протяжении всей его литературной деятельности и была сквозной в его творчестве. Она нашла свое выражение как в мемуарных работах автора, так и в его художественных произведениях. Как творческая личность он состоялся в эмиграции, однако в статье «Собрание»² посвященное

¹ В советский период тема калмыцкой эмиграции по известным на сегодня причинам не освещалась, что было связано с недоступностью фондов, а также с идеологическими концептуальными рамками. Вместе с тем, калмыцкие ученые с привлечением обширных источников освещали вопросы революции и Гражданской войны [Иванько, Наберухин, Орехов 1968; Шовунов 1992], а в более поздний период специальное монографическое исследование истории Гражданской войны в Калмыкии предпринял У.Б. Очиров [Очиров 2006]. История калмыцкой эмиграции стала изучаться в постперестроечный период, и первым монографическим исследованием стала книга И. В. Борисенко и А. Т. Горяева «Очерки истории калмыцкой эмиграции» [Борисенко, Горяев 1998].

² Знаки препинания в заголовке газетной публикации, опубликованной неизвестным автором в газете «Обозрение» (1948 г.), сохраняются.

памяти писателя С. Б. Балыкова», опубликованной неизвестным автором в газете «Обозрение» в 1948 г., в рубрике «Из калмыцкой жизни...», отмечается: «...творческую работу он начал еще на родине. На фронте же, в походе он пользовался каждой минутой свободного времени, чтобы записать виденное, пережитое. В походных сумках его было большое количество рукописей» [Зритель 1948: 4]. Будучи с осени 1919 г. в звании адъютанта командира Зюнгарского полка, он участвовал во всех боевых операциях этой части Добровольческой армии. Позже все серьезные сражения как реальный участник он подробно описал в художественно-мемуарном произведении «Воспоминания о Зюнгарском полку», впервые вышедшем в печать в 1927 г. в журнале «Улан Залат» [Балыков 2014], а также в других очерках. «Памяти генерала Краснова» (мемуарный очерк о жизни и деятельности атамана Всевеликого войска Донского, генерал-майоре Русской Императорской армии Петре Николаевиче Краснове 1869–1947) [Балыков 2014], «На берегу» (о жизни Зюнгарского полка: стоянка в Адлере) [Балыков 2014], «На мосту» (о гибели N-ского полка, в котором служили калмыки, и молодого хорунжего Крымцева) [Балыков 2014], «Памяти полковника Г. Э. Тепкина» (о жизнедеятельности полковнике Зюнгарского полка Гаврииле Эрдневиче Тепкине 1891–1920) [Балыков 2014], «К двадцатилетию начала нашей борьбы» (о жизни донских юнкеров в Новочеркасске, под Кизитеринкой и в Ростове осенью 1917 г.) [Балыков 2014: 181–206] и многие другие творения автора являются на сегодня своеобразным историческим документом той эпохи. Писатель был непосредственным участником описанных событий, и специфику этих произведений определяет художественно-документальный и автобиографический характер.

Так, в рассказе «Четыре встречи», наряду с основными сюжетными событиями, представлена картина исхода небольших частей Белой армии и беженцев в январе 1920 г. Безмолвная толпа беженцев является ключевым образом в этом сюжете:

...Стояли январские дни с сильными ветрами и холодными дождями. По размякшей черноземной дороге на Кубани шли разрозненные, хмурые промокшие небольшие части Белой армии.

По этой же дороге, попеременно с войском, шли многочисленные подводы беженцев — донских калмыков, снявшихся при приближении красных с веками насиженных мест и пустившихся в неведомое странствие от стара до мала, со всем домашним скарбом и скотом. Скот и скарб уже давно брошены, и калмыки теперь уже были нищие.

<...> Иные с полстяными будками на возилках и можарах, другие на бричках и дрогах, многие пешком, кое-кто верхами, голодные и изнуренные, тянулись его сородичи, увязая в липкой грязи. Весь их путь был отмечен свежими следами смерти, нечеловеческих страданий. Не видя крова ни днем, ни ночью, грязные и завшивевшие, или они, стараясь не отстать от частей войск.

С непроницаемо-равнодушными лицами без ропота на Бога, покорно перенося несчастья, упорно шли они вперед, не зная сами куда.

Тиф свирепствовал среди них.

Павшие от истощения лошади, быки, верблюды, брошенные подводы с вещами калмыцкого хозяйства, умершие и брошенные без погребения люди, наконец, кое-где полуживые, оставленные у дороги за невозможностью дальше везти, — отмечали путь многострадального народа.

Там маленькая девочка, увязая в грязи, вела на поводу исхудалую лошаденку, на которой с трудом держалась больная тифом мать. Здесь мальчуган правил парой лошадей в бричке. Мальчик радовался, что отец его, все время стонавший и бредивший, уснул и уже целый день лежит без движения и без звука... [Балыков 2014: 60].

В романе «Девичья честь» С. Балыков также делится воспоминаниями о том, как в ходе боев белогвардейские войска постепенно вытеснялись с калмыцкой территории, только речь уже идет о событиях марта 1920 г. В это время победа красных была очевидна. Деникинским полкам, продвигавшимся на юг, уже не было смысла сопротивляться. Частями 11-й Красной армии все улусы были освобождены. Повсеместно была восстановлена Советская власть. Остатки белогвардейских полков стремительно отходили на юг: на Кубань (к Екатеринодару), далее — к Адлеру, Новороссийску и Туапсе. Вместе с ними следовали и беженцы, в основном, из Сальских степей: «В сумятице и бестолковщине калмыцкое беженство

разбились на две главные части и пошли двумя путями. Одна из них, следуя за Зюнгарским полком, пошла по горным ущельям к морю — на Ашэ, другая же, следуя за молодым, 3-м калмыцким полком, вдоль железной дороги пошла на Новороссийск» [Балыков 1993: 223], куда должны были прийти пароходы.

В рассказе «Четыре встречи», актуализируя документальное начало, Балыков уточняет, что большая часть беженцев-калмыков не дошла до Черного моря. «Старые, больные, безлошадные, отставая по пути, одновременно были захвачены большевиками, у которых подвергались новым мукам издевательства и насилия. Но избежавшим участи было мало радости» [Балыков 2014: 62]. Что касается командования Белой армии, то оно, замечает писатель, было занято на тот момент спасением «собственных шкур» [Балыков 2014: 62] и заботой о своих надежных частях. О каких-то беженцах, да еще калмыках, думать было некому на тот момент [Балыков 2014: 62]. Пройдя путь страданий, они должны были остаться здесь и попасть в руки врага, не имея возможности переплыть море. Лишь немногим удалось попасть на пароходы. Нашлись и такие, которые предпочли морское дно плену [Балыков 2014: 62] и мучительной смерти. Паника, охватывающая голодных, измученных и злых людей, отчаянье, невозможная давка, из-за которой не хватало воздуха, раздающиеся отовсюду истошные крики и беспорядочная стрельба, войска, беженцы, лошади, развороченные подводы — от всей этой страшной коловерти веяло смертельной опасностью. Как свидетельствуют очевидцы, люди, доведенные до крайнего отчаянья, обезумевшие от горя, умерщвляли своих грудных детей, ударяя их головой о придорожный камень, или же бросали их в море, кидая головой о скалы, а после сами бросались в море³.

В художественно-документальном очерке «На берегу» есть эпизод из жизни Зюнгарского полка, находившегося под командованием Г. Э. Тепкина в Адлере, куда должны были прийти па-

³ Так, И. М. Калинин вспоминал: «Отчаливая от мола, иные калмычата швыряли о камень своих детишек, а сами бросались в воду» [Калинин 2012: 18].

роходы, направлявшиеся в Крым. По словам Балыкова, именно здесь завершился очередной трагический этап казачества. Одна часть Добровольческой армии, брошенная командованием, уходя на западную окраину города, стала постепенно сдаваться в плен. Это решение было принято людьми от безысходного положения. «Длинными, смущенно притихшими вереницами» [Балыков 1993: 239] военные части вяло тянулись на западную окраину города. Говоря об этом печальном факте, писатель отмечает, что нашлись даже так называемые «генералы» [Балыков 1993: 239], которые руководили непосредственно организацией этого процесса.

Другие полки, те, кто решил идти до конца в своей борьбе, продвигались на восток от Адлера, где все ожидали спасительных пароходов. Начальником Донской дивизии генералом Н. П. Калининым был отдан приказ по прикрытию людей при погрузке на пароход. В случае появления противника Зюнгарский полк под командованием Г. Э. Тепкина должен был вступить в бой, тем самым задержав его.

Генерал-майор М. М. Семенцев, командир Донской конной бригады, окончательно потеряв надежду на победу, посоветовал Тепкину вести зюнгарцев за ним, в Грузию. Там планировалось интернироваться, провести переговоры с Москвой, получить амнистию и вернуться домой, не попадая в «руки армии» [Балыков 2014: 241]. Однако калмыцкий полковник отказался, считая, что его долг — сделать так, чтобы возглавляемый им полк стоял до конца, и при этом неважно, сколько они продержатся. Он также заявил, что будет биться до конца вместе со своими братьями, и из двух смертей он предпочитает смерть после борьбы [Балыков 2014: 242]. Выслав по команде генерала Калинина вторую сотню на прикрытия погрузки, Тепкин до последнего, в одиночку, ждал на берегу свою дивизию несмотря на то, что все полки уже шумно и весело грузились на пароходы, которые готовились к отплытию в Крым. И только по ее прибытии сам сел на пароход. Что же касается белоказаков, донских и кубанских, скопившихся в порту Новороссийска (это были лучшие командиры донских полков и батарей), то, согласно содержанию романа С. Балыкова «Девичья

честь», они действовали по намеченному плану — отправились в Грузию.

14 марта 1920 г. Белая армия (не в полном своем составе) была переправлена на судах из района Новороссийска в Крым. Остальные полки были вывезены из других портов. Зюнгарский полк «грузился» на пароход у Нового городка. По свидетельству автора, здесь находились только Донские части, и погрузка проходила спокойно. Однако удавалось пробраться на пароход и немногим подоспевшим калмыкам-беженцам [Балыков 2014: 62].

Четыре месяца, проведенные в Крыму, прошли в частых и кровавых боях. Жертвы калмыцкого полка увеличились еще сотней убитых и искалеченных его сынов. Калмыцкий полк до конца исполнял свой долг перед родиной [Балыков 2014: 63]. Спустя время войска Южного фронта РККА во главе с М. В. Фрунзе ворвались в Крым, Белая армия вынуждена была начать отступление. В рассказе «Четыре встречи» Балыков пишет об этом кратко следующее: «Красные загнали белых сперва в Крым, а потом ворвались в это “гнездо белых”». Белая армия кинулась к портам и опять спешно стала грузиться» [Балыков 2014: 63]. Из портов Керчи, Феодосии, Севастополя, Новороссийска эвакуация проходила несколько дней. По воспоминаниям писателя, на разных пароходах за границу выехало больше трех тысяч калмыков, примерно такое количество людей осталось в Крыму. Зюнгарский полк в составе Русской армии Врангеля был эвакуирован в Турцию. По прибытии калмыцкий полк, как свидетельствует писатель, зиму 1920–1921 гг. провел в лагере для беженцев Кабаджа. На тот момент С. Балыков являлся адъютантом командира полка. Вспоминая тяготы лагерной жизни, он писал: «В норах, вырытых в сырой земле и накрытых землей же, прозимовали здесь калмыки, терпя голод и холод» [Балыков 2014: 63].

Живой портрет молодого командира Зюнгарского полка в форме мемуарных воспоминаний, помимо произведений «На берегу» и «Четыре встречи», содержит также очерк «Памяти полковника Г. Э. Тепкина» [Балыков 2014]. Писатель указывает на то, что его сведения о своем командире обрывочны, ибо до принятия Г. Теп-

кина в полк он не знал его лично. Подробно С. Балыков вспоминает и описывает первый приезд будущего командира в полк, а также его боевое «крещение» в звании командира полка, которое он выдержал «безукоризненно» [Балыков 2014: 15]. Автор много пишет о человеческих качествах Тепкина, который на фоне большинства предыдущих командиров «Зюнгарского полка» отличался: приятно поразил весь полк своей честностью, корректностью, чуткостью, храбростью при исполнении любых заданий. Безупречность Г. Тепкина как командира выражалась в соблюдении строгости относительно служебных обязанностей.

Произведения С. Балыкова отличаются психологизмом и предельной достоверностью описанного. В этом плане основное внимание, например, в его художественных рассказах занимает документальная хроника событий Гражданской войны на примере судеб отдельных калмыцких семей. Рассказ «Отцы» начинается словами: «Не легенду, а быль, свидетели которой живы, хочу передать моим братьям. Много кровавого, незабываемого пришлось испытать калмыкам в безобразных событиях русской революции» [Балыков 2014: 49]. События происходят ранней весной 1918 г. В хотон, состоящий из восьми кибиток, нагрянул красногвардейский отряд из десяти человек. Для безоружных жителей, при отсутствии в этот час взрослых мужчин, поивших далеко от хотона коней, это была непреодолимая сила. Солдаты бесчинствовали: забирали все ценное, женщины-калмычки насильовались на виду у всех.

Ворвавшись в кибитку Баклана Шальнинова, которого не было дома, красногвардейцы повели на расстрел его пятнадцатилетнего сына Бембика. Мать подростка, заступившуюся было за единственного сына, сильным толчком приклада в грудь отбросили в сторону.

В это самое время подъехал отец мальчика, Баклан. «Высокий, сутулый, тихий и смиренный калмык тридцати семи – тридцати восьми лет» [Балыков 2014: 50]. Увидев родного сына под дулами винтовок, он бросился в ноги солдатам, прося пощады своему ребенку. В ответ солдат насмешливо спросил Баклана, согласен ли

он, чтобы его расстреляли вместо сына. Тот без раздумья согласился. Помолившись и приложив голову к медной статуе Будды, он «... глубоко вздохнул, окинул прощальным взором внутренность кибитки, посмотрел на лежащую без чувств свою жену. Не спеша вышел. Подошел к дрожавшему сыну, поцеловал его в обе щеки. Срывающимся тихим голосом сказал: „Иди к матери“. Повернулся лицом к красноармейцам. Два выстрела, раздавшиеся одновременно, уложили его наповал» [Балыков 2014: 51].

Из кибитки напротив на расстрел вывели семнадцатилетнего Хани. Его отец, Бальджи Менгинов, старик лет за пятьдесят, больной лежал в кибитке. Когда сына повели на расстрел, он выскочил за красноармейцами, предложив себя взамен. Одни из них заинтересовались этой занятной комбинацией, однако второй, взглянув на зубы Бальджи, посчитал, что тот уже слишком стар и скоро сам «сдохнет» [Балыков 2014: 51]. Сына расстреляли на глазах у отца.

Подобные рассказы Санжи Балыкова спокойно читать невозможно. Память писателя, вырываясь из глубин сознания, ложится в основу его небольших произведений, обжигая правдой и достоверностью. Отсюда такая психологическая глубина описываемых сцен и особая, неподражаемая внутренняя экспрессия образов. В рассказе «Победа» перед читателем предстает обобщенный образ «осатанелого большевика» [Балыков 2014: 44], жалкого, мерзкого Болхакова. «От матери, первой в аймаке злослышной скандалистки, и отца, изворотливого конокрада, унаследовал Радни Балхаков дух беспокойный, мысли дерзкие и хлесткий язык...» [Балыков 2014: 44]. «Растоптав родные традиции и мораль» [Балыков 2014: 44], забыв бога и народные святыни, он стал одним из главарей большевиков. Когда калмыцкий округ был занят красными, станичные богачи еле успевали откупаться от террора комиссара Радни деньгами, зерном, хлебом, баранами и бычками. Семья Балхаковых зажила, как никогда, в праздничном изобилии, в сытости и удовольствии, в отличие от других дворов.

Весной 1918 г. пала власть сторонников большевизма, как ее характеризует С. Балыков, «кровавая, ненасытная и паразитическая власть» [Балыков 2014: 45]. Все комиссары, красноармейские

взводы были арестованы. Однако Радни Балхакову удалось тогда сбежать из станицы. Грехи сына невинными головами искупили его родители [Балыков 2014: 45].

Ровно через год, когда весной 1919 г. калмыцкие станицы были захвачены «красной лавой», Радни «обозленным зверем» [Балыков 2014: 46] прискакал в родной Богшурганский аймак. С. Балыков показывает, каким гнусным изменениям, мерзостям подвергается порой человеческая душа, опьяневшая, совершенно обезумевшая от мести и готовая на новые кровопролития в борьбе за «светлое будущее». В кипящей злобе, заходя в каждый дом, нашел Балхаков одного больного беззащитного сироту-старика. Голого, дрожащего на исхудалых ногах, толкая дулом маузера, выгнал он его за станицу и заставил рыть себе могилу.

— *Сынок, зачем заставляешь рыть яму — не нужна мне яма, застрели и оставь лежать, пусть собаки и птицы поедят мое мясо, — брался увещевать старик своего палача.*

— *Рой-рой!.. Старый буржуй, хоть перед смертью потрудись! Жаль, что станица пуста, а то я бы показал, как моих родителей убивать!.. Ламу бы вашего собственными руками задушил, чтобы богами народу голову не морочил! — кричал в ответ Радни.*

— *Не грехи, сынок. Тягайся с людьми, а Бога не трожь, — ворчал старик, трудясь над ямой.*

— *Молчать!.. Старый болван!.. Какой тебе бог? Я победил всех твоих богов! Вон храм ваш, так пойду я туда, пойду и сделаю то, что люди делают в балке!..*

— *Не хвались сгоряча. Не допустят тебя силы верхние до этого. Даром тебе это не пройдет... Ну, сынок, яма готова, можешь стрелять, — спокойно сказал старик, укладываясь в мелкой яме головой на восток и тихо шепча молитву... [Балыков 2014: 47].*

В произведении «Рассказ калмычки», небольшом по объему, повествование идет от третьего лица, главной героини. Сюжет основан на рассказе женщины-калмычки. В нем отражаются события, происходящие с народом накануне захвата донских станиц большевиками, при этом действия локализуются в одни сутки. Рассказ начинается со строк: «Народу в нашей станице умирало

тогда, зимой 19-го года, без счету» [Балыков 2014: 121] и заканчивается следующим: «Долго и часто снилась мне потом эта картина, и до сих пор, как вспомню, дрожь берет...» [Балыков 2014: 125]. В этих двух предложениях достаточно емко передана та мера духовной тоски и подавленности, которую испытывал каждый, кому довелось пережить события Гражданской войны. Из последнего предложения можно также понять, что произведение основано на приеме ретроспекции.

Именем героиня не наделена. О ее жизни и возрасте автор также ничего не пишет. Отмечается лишь, что с мужем, есаулом Бадьмой Борманжиновым, они женаты полгода, при этом еще месяца не жили вместе. Он только прибыл из Зюнгарского полка домой и слег, так как заболел. Сама она только начала поправляться от брюшного тифа. Муж тоже потихоньку шел на поправку. Женщина мечтает, что жизнь, возможно, скоро наладится, и они поедут домой. Однако на тот момент она и предположить не могла, что уже к утру станица будет окружена вооруженными большевиками. Автор акцентирует внимание на беспомощности и в то же время внутренней силе женщины. Одев мужа, у которого начался приступ с температурой, едва успев прихватить лишь саквояж с ценностями, с трудом найдя дрогаля, героиня приезжает на станцию, где уже полно народу. Однако выясняется, что поезд не поедет — слишком поздно, красные уже атаковали станицу.

На фоне всеобщей сумятицы, происходящего хаоса, беспорядочной массы людей, которая выбегала из вагонов поезда и тут же утопала в непролазной грязи, автор акцентирует внимание на том, как вели себя многочисленные представители вооруженных большевиков, которые творили бесчинства. По воспоминаниям рассказчика, придерживая больного, еле идущего мужа под руку, в суматохе она забыла снять погоны с его шинели. Наскоро оторвав, она быстро втоптала их сапогами в грязь, да только поздно уже было. Прямо к ним навстречу приближался солдат с красной звездой на шапке:

— *Стой! Давай деньги!* — заорал он и направил прямо в грудь мужа винтовку.

— *Напе, напе, тут есть,* — сказала я и протянула ему саквояж.

Он взял его с коня и поскакал дальше. Там все ценности и погибли. Было там: кольцо с бриллиантом, что сестра Джиджма мне подарила, когда я замуж выходила, сережки такие же, еще коралловые, три золотых кольца, две пары золотых браслет, десяток старинных золотых монет, часы золотые. Но в тот момент я и не подумала их жалеть, только теперь часто думаю: «а что, если бы не отдала, убил бы он меня, или нет?» [Бальков 2014: 122].

Направляясь к станции, героиня останавливает возилку с будкой, которую ведет калмычка. В подводе сидели двое детей трех и пяти лет. На вопрос, можно ли положить больного мужа на возилку, калмычка молча остановила подводу и помогла его посадить. Однако не успели они даже отъехать от того места, как к ним подъехали двое верховых:

— *Стой! Ты, скидывай сапоги!* — приказал мне один. Я села прямо в грязь, стянула мои новенькие сапожки и отдала. Они взяли и поехали дальше. Я осталась босиком, а грязь по колено, холодно <...> [Бальков 2014: 122].

Характерна реакция незнакомой калмычки в этом случае, хозяйки подводы. Отъехав немного вперед, она снова молча, без слов полезла в будку и достала мужские валенки для рассказчицы. Чувствовалась ее доброта и в то же время щемящая душу отчужденность, подавленность, которая бывает только у людей с исстрадавшейся душой, окончательно «оглохших» от внутренней боли, равнодушных ко всему, что происходит вокруг, похоронивших последнюю надежду на жизнь. Люди с такими «непроницаемо-равнодушными лицами без ропота на Бога» [Бальков 2014: 60] присутствуют во многих произведениях автора.

Они проехали вперед лишь несколько метров, и ось одного колеса повозки развалилась пополам. Однако внимание писателя вновь обращено на хозяйку подводы, которая в этот момент начала сосредоточенно наворачивать кнут на кнутовище и туго затягивать кушак. Пока рассказчица вытаскивала мужа из будки, она куда-то исчезла, а плачущие дети остались на возилке. Чьи

это были дети, хозяйки возилки, чужие ли? Автор же, как наблюдатель, не осуждает калмычку, ни слова не сказано о бессердечии или безответственности женщины. Ее странный поступок свидетельствует, скорее, о страдании, совершенной отрешенности и крайней мере отчаяния. Кажется, что повествование писателя, напротив, пронизано скорбью за человека, попавшего в «месиво» кровавой смертельной схватки двух миров.

Оставленные в возилке дети плакали, не умолкая. Пообещав им вернуться, рассказчица повела мужа вперед, в неизвестную ей самой сторону. Дойдя до края станицы, она постучала в первый же дом, так как дальше идти было уже некуда. Вышел старик. На просьбу помочь им спастись от красных дед ответил:

— *Трое сыновей моих в большевиках, с вашими воюют... да жалко мне вас, молодые вы, идите за мной* [Балыков 2014: 123].

Старик спрятал людей в маленькой пустой землянке, на печи. Запер дверь и ушел. По воспоминаниям рассказчика, уже в потемках он принес им кусок черного хлеба, «восьмушку» [Балыков 2014: 123] сала и сказал, что красные расположились в станице, однако сыновей его с ними почему-то не было. «Полежите тут до утра, а утром поведу вас к начальнику и заступлюсь, чтобы не стреляли в вас» [Балыков 2014: 123].

В этом эпизоде с участием старика, поэтический портрет которого прекрасно выполнен писателем, заложен определенный смысл. Акцентируется нравственная определенность в рассказе, связанная непосредственно с его образом. Доброта, помноженная на сострадание, — проявление нравственной идеи калмыков: помочь слабому. Неслучайно этот этический принцип поведения людей находит свое место в сокровищнице мудрости калмыцкого народа: «птица сильна крыльями, человек — помощью». Вкус сала и куска черного хлеба, невкусного и твердого, как камень, были в тот момент лучше всего на свете, потому что смерть миновала, и такой радости и счастья рассказчица не испытывала никогда в жизни: «<...> Опять дал хлеба и сала. И удивительное дело: то, бывало, ни курятина, ни кислое молоко, ни яйца всмятку не пере-

варивал желудок, все капризничал, а тут твердый хлеб и сырое сало так идет, что лучше некуда» [Балыков 2014: 124].

По словам главной героини, накрывшись сухой коровьей шкурой, они пролежали в укрытии до утра, губы все это время «сами собой шептали слова молитвы» [Балыков 2014: 123]. Только к утру все стихло. Через два часа после рассвета снова зашел старик, сообщив, что «пришли ваши» [Балыков 2014: 124]. Все еще не веря, муж с женой вышли из укрытия. Во двор въезжал конный казак, это означало, что бои в станице действительно утихли.

Оставив мужа у своего «спасителя», вспоминает рассказчица, она пошла искать вчерашнюю возилку, в которой остались дети. Ее эмоциональное состояние достигает кульминации, когда она становится свидетелем страшной расправы, самосуда, который учинили красноармейцы над тысячами ее земляков:

... Быков у возилки уже не было. Вокруг возилки валялись разбитые сундуки, там и здесь валялись халаты калмычки, шапочки; вдруг вскрикнула я от страха: под возилкой лежали голые, как поросята, вчерашние дети с раздробленными головами и выпущенными кишками.

<...> Пришла на площадь: стоят без коней и быков много-много подвод, везде пораскиданы калмыцкие сундуки, всякая одежда, а между подводами, то в одиночку, то целыми группами лежат раздетые трупы убитых мужчин, женщин и детей. У одних вытек мозг, у другого выпущены внутренности, везде кровь, кровь и кровь... Между ними бродят голодные собаки... Затошило меня, залихорадило, и побежала прочь...

Вдруг слышу я какой-то голос. Повернулась и вижу, сидит у своей будки на возилке молодая калмычка, качает окровавленного ребенка, мертвого, а сама, вся вымазанная в грязи, простоволосая, без шапки и, блаженно улыбаясь на небо, тихо поет калмыцкую колыбельную песню. На меня и не посмотрела... <...> [Балыков 2014: 125].

Реализм автора суров и беспощаден, но такова была действительность, объективная реальность того времени. Картины революционного состояния мира Санжи Балыков изобразил согласно своей манере — не отходя ни на шаг от исторической правды. Его рассказы о Гражданской войне локальны, действие происходит в один день, а порой в несколько часов, и сосредоточено (чаще всего)

на истории из жизни одной семьи. Автор, как правило, не датировал свои творения⁴. Можно предположить, что они были написаны в одно и то же время, после войны. В них писатель является и главным героем, и рассказчиком одновременно. В русской литературе есть понятие «маленький человек», под которым подразумевается человек безвредный, смиренный, не по своей воле находящийся в конфликте с государством, властью или с теми людьми, кто выше его в социальном статусе. «Маленькие люди» произведений С. Балыкова — обездоленные, униженные, нищие, больные, беззащитные, растерянные, угнетенные, с «исковерканной судьбой», по вине времени и государственной системы идущие прямой и верной дорогой смерти без надежды на справедливость. Этот момент является объединяющим для многих его рассказов, ярких, правдивых и при этом источающих скорбь. Leitмотивным содержанием рассказов С. Балыкова является мысль о том, что любая жесткая, всеразрушающая война, по сути, бестолковая идеологическая «битва», грозит вымиранием ни в чем не повинного населения, а потому может расцениваться даже не как национальная, а как мировая катастрофа. Что касается мемуарных очерков С. Балыкова, то благодаря документальной точности, которой придерживался писатель, у читателя есть возможность узнать подробности основных сражений Зюнгарского и других Донских полков, познакомиться с биографией и основными моментами служебной деятельности известных военных деятелей, с нескучной, а порой веселой жизнью донских казачьих юнкеров, ставших впоследствии известными командирами, видными общественными деятелями в эмиграции. В произведениях Санжи Балыкова прослеживаются основные моменты возникновения калмыцкой эмиграции, а также предшествующие этому явлению события, например, поэтапный переход в казачество в жизни донских калмыков. По следам своей памяти писатель восстанавливает весь исторический фон вынуж-

⁴ В сборнике «Сильнее власти» только три рассказа имеют авторскую датировку: «Мать» (1936), «Победа» (1936), «У незримой стены» (1920). Точное время написания имеют также повесть «Заламджа» (1944) и роман «Девичья честь» (1938).

денной эмиграции калмыцкого народа, выстраивая полную картину событий. Живая память — главное качество этих произведений, каждое из которых является достоверным историческим документом. Неслучайно говорят, что истоки настоящего искусства кроются в глубинах личности писателя, а точнее — в его судьбе, которая тонкими и невидимыми нитями всегда связана с реальной исторической действительностью.

Литература

- Балыков 1993 — *Балыков С. Б.* Девичья честь. Элиста: АПП «Джангар», 1993. 284 с.
- Балыков 2014 — *Балыков С. Б.* Сильнее власти. М.: Библиотека мемориала «Донские казаки в борьбе с большевиками», 2014. 253 с.
- Борисенко, Горяев 1998 — *Борисенко И. В., Горяев А. Т.* Очерки истории калмыцкой эмиграции. Элиста: НПП «Джангар», 1998. 236 с.
- Зритель 1948 — Зритель. Собрание посвященное памяти писателя С. Б. Балыкова // *Обозрение*. 1948. № 25. С. 5.
- Иванько, Наберухин, Орехов 1968 — *Иванько Н. И., Наберухин А. И., Орехов В. И.* Великий Октябрь и гражданская война в Калмыкии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. 148 с.
- Калинин 2012 — *Калинин И. М.* Под знаменем Врангеля: заметки бывшего прокурора. М.: Традиция, 2012. 464 с.
- Очиров 2006 — *Очиров У. Б.* Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста: НПП «Джангар», 2006. 448 с.
- Султанов 2007 — *Султанов К. К.* Символика и образ «другого» в литературе северокавказской диаспоры // *Литературное зарубежье. Лица. Книги. Проблемы*. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН. С. 4–23.
- Шовунов 1992 — *Шовунов К. П.* Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: Союз казаков Калмыкии, КИОН РАН, 1992. 320 с.

Выразительные средства в поэзии Давида Кугультинова (на примере стихотворений из сборника «Шүүхэд барлсн шүлгүд»)

*Ольга Кукаевна Баваева*¹

¹ Российский университет дружбы народов (д. 9, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший преподаватель

E-mail: olgabov97@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Баваева О. К., 2020

Аннотация. В статье рассматриваются стихотворения Давида Никитича Кугультинова из сборника «Шүүхэд барлсн шүлгүд», изданного в 1971 г. Удивительная живописность и «вещественность» поэзии Давида Кугультинова отмечается многими исследователями и почитателями таланта поэта. Анализ ряда стихотворений показал, что использование неожиданных авторских субстантивных и других сочетаний составляет своеобразие данных произведений. Образность и яркость стихотворений создаются разнообразными метафорами и сравнениями. Особая экспрессивность, эмоциональность достигается смысловой концентрацией, когда активируются все лексические значения одновременно. Этноспецифические выражения и образы придают особый калмыцкий колорит мысли поэта.

Ключевые слова: анафорическая рифма, звукопись, метафоризация, субстантивные сочетания, сравнения, олицетворение

Благодарность: Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Баваева О. К. Выразительные средства в поэзии Да-
вида Кугультинова (на примере стихотворений из сборника «Шүүхэд
барлсн шүлгүд») // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020.
№ 2. С. 216–224. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-216-224

UDC 82-1:821.512.37

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-216-224

Expressive Means in the Poetry of David Kugultinov (on the Example of Poems from the Collection “Shüühäd barlсn shүlgүd”)

*Olga K. Bavaeva*¹

¹People’s Friendship University of Russia (RUDN), Institute of Foreign Languages, Department of Theory and Practice of Foreign Languages (9, Miklucho-Maklay St., Moscow 117198, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology); Senior Lecturer

E-mail: olgabov97@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Bavaeva O. K., 2020

Abstract. The article focuses on the poems of David Nikitich Kugultinov from the collection “Shүүхэд барлсн шүлгүд” published in 1971. A lot of researchers and admirers of David Kugultinov point out the amazing picturesqueness and corporeality of his poetry. The analysis of several poems showed that the distinctive feature of these works lies in the use of unanticipated, author’s substantive and other combinations. Imagery and richness of the poems are created by the use of different metaphors and similes. A special expressiveness and sensibility is achieved through semantic mobilization when all the lexical meanings are activated simultaneously. Ethno-specific tone and images give a distinctive Kalmyk flair to the author’s idea.

Keywords: anaphoric rhyme, tone painting, metaphorization, substantive combinations, simile, personification

Acknowledgement. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Bavaeva O. K. Expressive Means in the Poetry of David Kugultinov (on the Example of Poems from the Collection “Shüühäd barlsn shülgüd”). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 2. Pp. 216–224. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-216-224

В данной статье ставится задача выявить способы создания художественной образности, определить, какие средства калмыцкого языка способствуют той «вещественности» мысли поэта, отмеченной такими литераторами современности, как С. Маршаком, Ч. Айтматовым [Слово о Давиде Кугультинове 1983].

В статье рассматриваются стихотворения Давида Никитича Кугультинова на калмыцком языке. Для анализа выбраны стихотворения из сборника 1971 г. «Шүүхэд барлсн шүлгүд», в которых автор раскрывает секреты творческого процесса.

Первое стихотворение без заглавия состоит из пяти строф, с традиционной анафорической рифмой, иногда поддерживаемой концевой рифмовкой. Привлекает внимание зеркальность первой и последней строф. Стихотворение начинается и заканчивается образом белой бумаги, ожидающей шумного потока слов. Образ потока развивается метафорой сосуда — белой бумаги, который следует наполнить.

Вторая и третья строфы по восемь строк с парной рифмовкой: *ккссишжжж* и *шишүүтттт*. Поэт говорит о своем бережном отношении к словам, как к друзьям. Здесь насилие невозможно, иногда нужно терпеливо и долго ждать их визита.

Сила поэтического слова, его значение раскрывается в четвертой строфе. Стихотворение сродни мудрой пословице, которая живет в вечности. Оно дарует отвагу робкому, пищу — голодному, свободу — угнетенному, согревает нуждающегося в тепле.

Высокая художественная образность достигается за счет метафоризации и олицетворения. Лист бумаги радуется словам: *цаһаж, таниг күлэсн / цаас байрлулж дүүргэж*. Образ непрерывного потока слов: *ца-цааһасн асхрэж* имплицитно актуализирует образ бумаги — сосуда, который нужно заполнить. Этот образ закрепляет и поддерживает лексема *дүүргэж*. Слова шумят и излучают свет: *шуугад герлтсн үгмүд*, с благоговением воплощаются в сияющие строчки стиха: *шүлгин гегэрсн мөрд / шүтэж өтрлэд орит*. Шум и шелест слов создается звукописью: *шуугад, шуулудж, шүлгин, шүтэж. Гегэрсн мөрд* — сияющие, излучающие свет строки. Ключевое слово строки *шүтэж* в деепричастной форме от глагола *шүтх* ‘верить, почитать’. Дериват данного глагола существительное *шүтэн* ‘божество, святыня’. В разговорной речи встречается сочетание: *бурхнд шүтх*. Таким образом, в сознании носителя языка «запускаются» все эти значения, усиливая эмоционально-возвышенное звучание. Слова поклоняются строкам: *гегэрсн мөрд шүтэж*, торопливо входят, ступают на... в... глагол *орит* ‘войдите’, побудительная форма от инфинитива *орх* ‘входить’. Слова нечто живое, они благоговеют, входят или вступают, т. е. здесь актуализируется еще одно значение слова *мөр* ‘путь’. Имплицитное раскрытие всех значений слова определяет емкость и глубину образов.

Последняя строфа начинается с образа птиц, летящих стройными рядами, распластав крыла: *Живрэн холас делэд / жирирсн сээхн оларн*. Далее образный ряд продолжает метафора звонкой мелодии: *жингнсн айсан кункнүлэд*. Слова — друзья, которые утоляют жажду творчества: *жилвим тевчэж талвалһад*, дарят умиротворение душе: *ирэж седклим ханһаһит*.

В следующем стихотворении читатель застаёт поэта за работой. В густом дыму сигареты поэт торопливо записывает рождающиеся строки. Болезненные и радостные воспоминания из далекого прошлого и настоящего мелькают перед внутренним взором поэта. Он спешит «запереть» их на бумаге: *өтрлэж цааснд оньслэж...*

Призвание поэта — служение людям, человечеству. Стихотворение должно быть сродни поговорке. *Күүрт үлгүр болм* ‘поговор-

ка/пример для беседы’ / *Күүнд сурһмж болм* ‘поучение человеку’; *күмни жџирһлд дөңгнх* ‘помощь в жизни человека/человечества’ / *күсл өмннь тэвнэв* ‘ставлю такую цель’. Поэт боится допустить фальшь, изменить истине: *Хээртэ үннэ хаалһас* ‘с драгоценного пути истины’ / *хажџһэд одхаснь ээнэв* ‘свернуть боюсь’. Иногда, увлекшись рифмой, поэт уходит от основной мысли: *Үүмж ухалим дахулсн* ‘волнуя, ведет мою мысль’ / *үгин дарилһд, зармдэн, авгдџ хол утхин* ‘основную мысль’ / *алдн гинэв* ‘едва ли не теряю’... Однако рождающиеся строки живут по своим законам. *Төржџх шүлгин неквр* — закон стиха оценивает каждое слово, отбирая, как коня из табуна: *эврэннь хэлэцэр мөрмүдиг / эргүлџ шалһад шинжлнэ*. Лишнее безжалостно вычеркивается. Готовое стихотворение выдерживает экзамен: *Шүүврэн некврт өгэд...* И, когда мелодия стиха сливается с душой, поэт испытывает блаженство и благодарность. Он чувствует, словно стоит на вершине горы, обозревая далекие дали. *Уулын орад һарад / Уужм холыг үзсниң / Дотр бий талваһад / Догдлџ зүркн байсна / Дүмбр жџирһлдэн ханад / Дуулх дурн күрнэ*. (взойдя на вершину горы/ будто обозревая далекие дали/все внутри меня приходит в покой/мое сердце бьется, переполненное радостью/благодарный этой величественной жизни/ хочется петь)

Стихотворение написано трехстопным ямбом с традиционной анафорической рифмой. Сорок строк стихотворения не разбиваются на строфы. Яркая художественная образность достигается за счет расширения семантики слов и субстантивных словосочетаний, например, *шүлгин неквр* — требование / закон стихотворения, *уужм холыг үзсниң* — *уужм* — далекий, просторный, ширь, простор. В повседневной речи *хол* — встречается только в адъективной форме, как и в словаре калмыцкого языка, например, дается только значение: далекий. В стихотворении поэт использует лексему в субстантивной форме — даль.

Привлекает внимание образ в описании творческого процесса, когда слово отбирается, как скакун из табуна: *мөрмүдиг эргүлџ шалһад шинжлнэ* — *эргүлџ* ‘заворачивать (табун лошадей, скот), вращать предмет’ / *шалһад* ‘отделять, отбивать’ / *шинжлх* ‘рас-

смаковать, оценивать, обдумывать'. Оба эти значения активизируются в строке, что приводит к смысловой концентрации.

Ощущение мощи, безудержности, власти творчества над человеком создается в стихотворении «Дууч» ('Певец'). Это короткое стихотворение состоит из шестнадцати строк с начальной рифмой, с богатой палитрой метафор, неожиданных семантических сочетаний. Творчество — это безудержная сила, повелевающая человеком. Оно зреет, переполняет душу и рвется наружу, причиняя боль. Сознание устремляется к словам, и губы невольно шепчут слова. Мелодия стиха начинает звучать в сердце. Дар поэта вылавливает мысль, рожденную мудростью жизни. И тогда ее можно излить на лист бумаги.

С первых же строк читатель видит напряженную работу мысли, силу, мощь движения, полета: *Өрчдчи седкл бүтэд / Өвдэд назаран алдрхла, / үгмүдт саначнь күгдлэд / Урличн чидлэрн көндэхлэ.* (душа задыхаясь в груди/вырывается наружу/мысль твоя облекаясь в слова/заставляют губы твои шевелиться, произнося их)

Такое семантическое напряжение создается глаголами с импликационалом силы, порывистости, движения, действия: *бүтэд* — душа задыхается, болит и рвется наружу; *алдрх* — вырваться, сорваться. Глагол *күгдлх* сразу же актуализирует образ ретивого скакуна, поскольку в сознании носителя языка данный глагол стойко ассоциируется с конем.

Для наглядности приведем значения слова из словаря калмыцкого языка: 1. напрягаться (пытаясь порывистыми движениями освободиться от связывающих пут); *күлэһэн таслхар күгдлх* напрягаться, стараясь порвать путы 2. приподниматься рывками [КРС 1977: 322]. Мысль поэта, как скакун, напрягается и рвется к словам. *Урличин чидлэрн көндэхлэ* — насильно заставляет шевелиться твои губы. Снова образ силы, напряжения, усилия воли.

Тер үгмүдин айс / Тодрхаһар зуркндчнь күнкнхлэ (мелодия этих слов/если отчетливо зазвучит в твое сердце) — слова отчетливо звучат / отдаются эхом в сердце. *Күнкнх* — еще одно емкое слово, несколько значений которого одновременно актуализируется в

стихе. Образ движения жизни, ее скоротечности создает субстантивное сочетание: *Живртэ жирһл* — крылья жизни.

Семантическое напряжение, накал стиха продолжает образ жаждущей стиха бумаги: *Хагсу цаһан цаасиг / Халта шулгэрн усл* — ‘сухую белую бумагу / строгим стихом напои’. Сочетание: *Хагсу цаасн наряду* с императивом *усл* — навевает образ иссушенной зноем пустыни. Калмыки говорят: *цааснас* — *хумхань уга*. В связи с этим есть запрет протирать стол или посуду бумагой. В народной психологии бумага ассоциируется с чем-то крайне сухим и ненасытным, так как лексема *хумха* означает не только засохший, увядший, но и жадный, ненасытный. Таким образом, в строке актуализируется значение ненасытности, жажды.

Мучительный, напряженный процесс творчества кристаллизует строки, которые диктует сама мудрость жизни: *живртэ жирһлин күнкэнэс / Жигтэ билгэрн хавлсн* (из крылатой, (вдохновенной) жизни мудрость/улавливая своим великим талантом). Удивительный дар поэта вылавливает эту мысль. Субстантивные сочетания *жирһлин күнкэнэс* — из мудрости жизни, *күнкэн* — мудрый.

Конечная пара строк усиливает напряженный нерв стиха: *Хар бекин мөриг / хуриц үгэрн оньсл*. Строчки черных чернил острым словом запри. *Хуриц* — острый, в сочетании с лексемой *үг* актуализируется значение: меткий, точный.

Привлекает внимание лексема *мөриг* в данной падежной форме. Словарные дефиниции лексемы *мөр* предлагают следующие значения: 1. след; Путь; 2. порог; *үүднэ мөр* порог двери; порог дома. 3. лит. Строка; *бичгин мөр* — строки письма; 4. удача, счастье [КРС 1977: 359]. Например, *мөр болж көлгн харһва...* — ‘к счастью / к удаче транспорт нашелся / повезло, что..’. Все эти значения мотивированы лексемой *мөрн* — ‘лошадь, конь’. Косвенным подтверждением данного утверждения может быть выражение: *мөрнь гүжэнэ...* — используется для описания ситуации, когда человеку везет.

Таким образом, в последней паре строк в лексеме *мөр* актуализируются все значения, кроме четвертого. *Мөр* — это строка,

написанная черными чернилами, ее надо запереть, глагол *оньсл* актуализирует сему «дверь, порог». Также *хар бек мөриг* в сознании носителя языка неизбежно вызывает образ ретивого вороного скакуна, которого надо запереть. Концентрация образов рождает емкость и глубину этих строк.

По мысли поэта, процесс творчества — напряженный, а порой мучительный поиск нужных слов, когда отбираются самые верные слова и мысли. Творческий поиск тем ценен, что рождает неслышанное ранее мудрое слово, глубокую мысль: *кезэдчи соңсгдад уга / керсү шин уха*. Результат такого творчества служит человечеству, дарит радость *күмнд* людям. Эмоционально возвышенные слова: *күмн, жирһлин күнкән, неожиданные сочетания билгәрн хавлсн, шүлгәрн усл, үгәрн оньсл* составляют своеобразие поэтического мастерства Давида Кугультинова.

Еще одно стихотворение-двенадцатистрочник посвящено работе критика, тщетно пытающегося понять суть поэзии. По мысли поэта, живая душа стиха ускользает при попытке “препарировать” поэтическое произведение. Критик *шалһач* расчленяет живую плоть стиха. Здесь дается этноспецифический образ “*үйәрнь салһв*”, *мөчмуднь шилтжэ, шигджэ хэлэв*”, в сознании носителя языка всплывает образ расчлененной тушки барана. Казалось бы, абсолютно тривиальный, не «поэтический» образ. Однако в исполнении Кугультинова звучит уместно и даже возвышенно. Дело в том, что в стихотворении нет ни барана, ни его расчленения. Но есть сочетания: *үйәрнь салһв, мөчмуднь* — и услужливое сознание носителя языка рисует привычный образ, метафорически примененный к стихам, к творчеству. Далее метафора развивается в картинку результата такого препарирования: живой стих *бүклдән әмд шүлг* превращается в грудку теплого мяса *бүләкн махн болв*. Критик буквально принюхивается *үнрчлжэ*, приближая лупу, и с удивлением видит, как живая, горячая душа стиха *шүлгин халун әмн* ускользает из рук *шүүргдлго зулсинь өврв*. Такое сравнение, возможно, есть ирония поэта над трудами сухого критика в сравнении с боговдохновенным творчеством поэта. (Вспомним образы, сопряженные с творчеством, рассмотренные выше).

Семантическое богатство, образность калмыцкого языка определяют «вещественность» и живописность поэзии Давида Кугультинова, который, как истинный мастер-виртуоз, чеканил филигранные строки своих произведений, опираясь на национальные традиции, фольклор, культуру, и при этом все его творчество всегда масштабно. Его поэзия — отражение калмыцкого мировидения, ощущения и отношения к жизни, к людям, к обществу. Как отметил Вадим Кожевников: «В этих стихах дыхание калмыцких степей, их зной, их ветер, их краски и звуки» [Слово о Давиде Кугультинове 1983: 48]. И это дыхание степей читатель чувствует в каждой строчке поэта. Любовь к родному языку, к своему народу, преданность и верность своему делу, которое всегда понималось поэтом как служение народу, людям, человечеству, составляют магию его поэзии.

Литература

- Көглтин Д. 1971 — *Көглтин Д. Шүүхэд барлсн шүлгүд*. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1971. 655 х.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / сост. Б. Д. Муниев. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Слово о Давиде Кугультинове / сост. Д. Б. Дорджиева, З. Д. Бадмаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 109 с.

УДК81'255.2

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-225-237

Об особенностях поэтического перевода на английский язык (на материале стихотворения Риммы Ханиновой «Им снилась степь в раздолье ковыля...»)

*Жанна Николаевна Сарангаева*¹

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
(д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, заведующий кафедрой
E-mail: sarangaeva@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Сарангаева Ж. Н., 2020

Аннотация. Статья посвящена лингвокультурологическому и лингвопереводческому анализу стихотворения современного калмыцкого поэта Риммы Ханиновой «Им снилась степь в раздолье ковыля...» на английском языке, переведенного Карлтоном Коупландом (США). Данное произведение входит в стихотворный цикл поэта «Сибирской памяти тетрадь» (1991 г.) и посвящено теме депортации и тринадцатилетней ссылке калмыцкого народа в период сталинских репрессий (1943–1956). Лингвокультурологическое описание этого произведения показывает, что основной его темой является мотив родины и памяти о прошлом. Художественная картина стихотворения передается через разнообразные символы природного и предметного мира. Изучение культурно-этнических явлений с позиции переводоведения по-прежнему остается одним из актуальных методов в теоретическом и практическом аспекте. Исследование показало, что К. Коупланд использует различные переводческие приемы, позволяющие раскрыть содержание оригинала.

Ключевые слова: перевод, стихотворение, английский язык, символ, художественный образ, прагматический эффект

Благодарность. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Сарангаева Ж. Н. Об особенностях поэтического перевода на английский язык (на материале стихотворения Риммы Ханиновой «Им снилась степь в раздолье ковыля...») // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 2. С. 225–237. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-225-237

UDC81'255.2

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-225-237

On the peculiarities of poetry translation into English (on the material of the poem by RimmaKhaninova «They dreamed of feather grass beneath their feet...»)

*Zhanna N. Sarangaeva*¹

¹ Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov
(11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Head
E-mail: sarangaeva@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Sarangaeva Zh. N., 2020

Abstract. The article focuses on lingvo-culturological and lingvo-translational analysis of the poem by the modern Kalmyk poet Rimma Khaninova «They dreamed of feather grass beneath their feet...» translated into English by Carlton Copeland (USA). This poem is included in the collection the poet's works "A Notebook of Siberian Memories" (1991) and is devoted to the deportation and the thirteen-year exile of Kalmyk people during Stalin's repressions

(1943 – 1956). The lingvo-cultural description of the work shows that its central theme is motherland and memories of the past. The artistic image of the poem is conveyed by the various symbols of the natural and subjective world. The study of the cultural and ethical phenomena in terms of translation studies is still one of the relevant methods in the theoretical and practical aspects. The study showed that C. Copeland uses various translation techniques that allow us to reveal the content of the original.

Keywords: translation, poem, English language, symbol, artistic image, pragmatic effect

Acknowledgement. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Sarangaeva Zh. N. On the peculiarities of poetry translation into English (on the material of the poem by Rimma Khaninova «They dreamed of feather grass beneath their feet...»). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 2. Pp. 225–237. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-225-237

В теории художественного перевода вопрос о средствах и путях достижения адекватности при переводе поэтических произведений является одним из актуальных и малоизученных. Перевод поэзии является одной из наиболее трудных областей переводческой деятельности в силу специфики самого жанра, ритмико-мелодического, композиционно-структурной стороны подлинника, а также зависимости поэтического произведения от особенностей исходного и переводящего языков.

В калмыцкой поэзии XX в. на английский язык переведены избранные стихи Давида Кугультинова (1922–2006), Михаила Хонинова (1919–1981), Боси Сангаджиевой (1918–2001), Риммы Ханиновой. Эти переводы исследованы в статьях разных лет Э. М. Ханиновой [Ханинова 2006а; Ханинова 2006b и др.], В. М. Ситник [Ситник 2003; Ситник 2004 и др.], Е. А. Шкурской [Шкурская 2019] и др.

Стихи современного калмыцкого поэта Риммы Ханиновой переведены на многие языки народов мира и России — английский, немецкий, польский, норвежский, сербский, монгольский, черногорский, белорусский, бурятский, молдавский, татарский, чеченский, чувашский и др. Многие переводы вошли в разные сборники и хрестоматии: «Стану красным тюльпаном» [Хонинов, Ханинова 2010], «Ландшафт истории» [Хонинов, Ханинова 2015], «Материнский хлеб» [Ханинова 2015]. Среди переводчиков Карлтон Коупланд (США), Марлена Зимна (Польша), Жасмина Густавсен (Норвегия), Ванчинсүрэн Цогмаа (МНР), Душан Дюришич (Черногория) и др. Избранные произведения Р. Ханиновой переведены и на калмыцкий язык, поскольку она является русскоязычным поэтом, прозаиком, драматургом. Сама она еще и переводчик, переводит с калмыцкого языка на русский, с русского, белорусского — на калмыцкий язык: стихи калмыцких поэтов, Франциска Скоринны, Максима Богдановича, Владимира Высоцкого и др.

Предметом данного исследования является лингвокультурологический и лингвопереводческий анализ стихотворения Риммы Ханиновой «Им снилась степь в раздолье ковыля...» (1991) на английском языке, переведенного Карлтоном Коупландом (США). Это произведение входит в стихотворный цикл поэта «Сибирской памяти тетрадь», созданного 14–15 ноября 1991 г. и посвященного теме исторической памяти о депортации и тринадцатилетней ссылке калмыцкого народа в период сталинских репрессий (1943–1956).

Приведем стихотворение в оригинале и в переводе.

Им снилась степь в раздолье ковыля,
в весеннем мареве родимая земля,
им слышалася жаворонка трель —
природы пробуждения свирель;
лицо сжигал колючий суховец,
глаза сощурились в излучине бровей,
дрожанье воздуха — то мчит, храпя, табун,
вновь оставляя много тысяч лун;
тринадцать лет табун без седока
уходит в степь по зову жоака;

и только рассыхается седло —
оно без дела маятся давно,
висит на стенке дедовская плеть —
ей без него теперь дано стареть.

[Ханинова 1994: 108]

They dreamed of feather grass beneath their feet,
of boundless steppes and hazy vernal heat.
They heard the thrill of skylarks on the wing —
The flute that rouses nature in the spring.
The eyes beneath their bending eyebrows thinned
to slits in faces stung by parching wind.
The air aquiver: snorting horses thunder past
and leave a thousand moons to mark their path.
Four thirteen years, with no one at the reins,
a stallion led the herd into the plains.
Now languishing without a proper task,
a leather saddle only dries and cracks,
and on the wall hangs Grandpa's idle whip,
where it will age without his steady grip.

[Khaninova 2009: 3]

В этом небольшом произведении содержится множество ментальных национально-этнических образов. Тема родины, прошлого и настоящего представлена, в первую очередь, природными мотивами. Так, концептосфера «степь» включает следующие устойчивые доминанты растительного и животного мира: «степь» ('boundless steppes'), «раздолье ковыля» ('feather grass beneath their feet'), «в весеннем мареве» ('hazy vernal heat'), «жаворонка трель» ('the thrill of sky larks'), «табун / вожак» ('a stallion').

Каждый из этих образов несет определенную символическую и смысловую нагрузку.

Степной ландшафт показан как динамичное явление, преимущественно весенне-летнее («в весеннем мареве»). Тайны степной природы раскрываются с помощью пения птиц («жаворонка трель»), шелеста травы («в раздолье ковыля»), свойства ветра («сжигал колючий суховей»).

Пробуждение природы ассоциируется с голосом жаворонка («им слышалась жаворонка трель»), символизируя связь этой птицы с началом дня — рассветом, утром.

Сама степь ассоциативно вызывает представления о воле и просторе. Любовь к родному краю и к свободе акцентируется с самых первых строк:

Им снилась степь в раздолье ковыля,
в весеннем мареве родимая земля,
им слышалась жаворонка трель —
природы пробуждения свирель.

[Ханинова 1994: 108]

Географический ландшафт родины дополнен постоянными образами животных, преимущественно лошадей (коней). В данном контексте через упоминание табуна, его стремительного движения («то мчит, храпя, табун, / вновь оставляя много тысяч лун») актуализируется мотив полнокровной и свободной жизни, оставшейся в прошлом. С другой стороны, образ коня без всадника ассоциируется с ощущением пустоты, горечи и одиночества калмыцкого народа вдали от родины:

...тринадцать лет табун без седока
уходит в степь по зову жожака.

[Ханинова 1994: 108]

Национальный колорит актуализирован через наименование определенных предметов кочевого быта — «седло» ('a leather saddle'), «дедовская плеть» ('Grandpa'aidlewhip').

В предметной семиосфере понятие «седло» является важным элементом этнического самосознания. Наряду с конем седло ассоциируется с определенными жизненными приоритетами и ценностями.

В калмыцком фольклоре седлу ('эмэл') посвящены многие пословицы: *эмэл бээхлэ мөрн олддг, эл бээхлэ амрг олддг* 'при на-

личии седла конь найдется, при хорошем отношении найдутся друзья’, *эмэл мөрнэ кеерүл, гергн жүрһлин кеерүл* ‘седло — украшение коня, жена — украшение жизни’, ‘*эр мөрн эмэлдэн хатдг, залу күн бүсдэн хатдг*’ ‘участь коня быть под седлом, а мужчины — ходить подпоясанным’ [Поговорки, пословицы и загадки... 2007: 24, 31].

Семантика седла звучит в пожелании преодоления преград и достижения цели: ‘*эмэлэн авл уга, эжоланан сулдхл уга йов!*’ иди, не снимая седла, не ослабляя повод!» (пожелание: идти, не сворачивая, по избранному пути и с достоинством нести свое доброе имя) [КРС 1977: 698].

Кочевник осваивает седло буквально с рождения, так как оно было одновременно колыбелью, кроватью и домом для него.

В калмыцкой кибитке седло как важная вещь имело свое местоположение — слева от входа, где обычно находились предметы конской упряжи. Данный факт находит подтверждение в стихотворении Михаила Хонинова «Эмэл» («Седло»):

В кибитке войлочной отцовой
У двери с левой стороны
Седло соседствует особо,
Совсем без слов своей страны.

(пер. Р. Ханиновой)
[Хонинов 2010: 757]

Следующей важной и знаковой вещью повседневного обихода, преимущественно мужского, является плеть («дедовская плеть»). В калмыцкой культуре плеть (калм. *маля*) является символом времени, преемственности и традиций, неразрывно связанным с конем, домом и национальной идентичностью.

В данном стихотворении плеть, осиротевшая без владельца вещь, так же, как и табун коней без хозяев, уходящий в степь тринадцать лет; оставленное седло, являет собою еще один трагический символ депортации и ссылки народа, отчуждения от родного края и дома, семейных вещей:

висит на стенке дедовская плеть —
ей без него теперь дано стареть.

[Ханинова 1994: 108]

Рассмотрим данное произведение с позиции частной теории перевода.

С точки зрения синтаксической организации текста, отмечается полное сохранение соответствия между строками подлинника и перевода.

В исследуемом материале встречаются как полные лексические соответствия, так и частичные лексические соответствия и расхождения. Анализ текстов показал, что процент прямых лексических совпадений (так называемые «словарные соответствия») в подлиннике и переводе достаточно высок.

В целом ряде случаев применение полного лексического соответствия сопровождается той или иной грамматической трансформацией. Исследование показало, что наиболее распространенным видом такой трансформации является грамматическая замена, которая, по определению В. Н. Комиссарова, рассматривается как «способ перевода, при котором грамматическая единица в оригинале преобразуется в единицу ПЯ с иным грамматическим значением» [Комиссаров 1990: 180]. Замене может подвергаться грамматическая единица исходного языка любого уровня: словоформа, часть речи, член предложения, предложение определенного типа.

В переводе данного произведения отмечаются следующие случаи грамматической замены. В начале первой и третьей строк видим замену страдательного залога действительным: «им снилась» — «they dreamed», «им слышалась» — «they heard».

Действительный залог в тексте перевода использован для логического ударения на субъект действия. Именно через использование глаголов в действительном залоге ('they dreamed', 'the heard') переводчик пытался показать трагизм народа.

В переводе замечена замена глагольного сочетания на атрибутивное («то мчит, храпя, табун» — 'snorting horses thunder past'), а также замена причастного оборота на глагольную предикативную

форму («вновь оставляя много тысяч лун» — ‘and leave a thousand moons to mark their path’).

В тексте перевода допущены структурные перестройки. Так, метафорическое словосочетание «природы пробуждения свирель» заменяется целым предложением: ‘the flute that rouses nature in the spring’, «дрожанье воздуха» — ‘the air aquiver’. Подобная перестройка текста перевода вызвана стремлением К. Коупланда обеспечить доступность понимания рецептора перевода.

Один из основных стратегических принципов переводчика заключается в постулате о том, что значение целого важнее значения отдельных частей, что можно пожертвовать отдельными деталями ради правильного перевода целого. Наиболее общими и широко распространенными из таких приемов являются перемещение, добавление и опущение лексических единиц в процессе перевода.

Так, в предложении «лицо сжигал колючий суховей» (5-я строка) прием перемещения лексических единиц в высказывании позволяет использовать ближайшее соответствие слову оригинала в другом месте высказывания, т. е. в следующей строке: ‘in faces stung by parching wind’ (6-я строка).

В данном стихотворении отмечено несколько случаев добавлений на лексическом уровне. Например, сочетание «в весеннем мареве» метафорически обозначается выражением ‘hazy vernal heat’, которое в буквальном переводе звучит, как «туманная весенняя жара». Согласно словарным данным, слово ‘vernal’ относится к специальной лексике — поэтизмам — в значении «весенний» (‘vernal season’ — весна, ‘vernal bloom’ — вешний цвет) и «свежий, новый, юный» [Апресян 1994: 683].

При переводе данного словосочетания использована лексическая трансформация «смысловое развитие» (модуляция), при которой значение соотнесенных слов выводится из значения исходных лексем, связанных причинно-следственными отношениями.

В переводе отмечены различные лексические замены с эмоционально-окрашенной семантикой, например: ‘parching wind’ — «иссушающий, знойный ветер» вместо «колючий суховей», ‘thunder past’ — «промчатся мимо с грохотом» вместо «мчит, храпя», ‘to

mark their path' — «проложить свой путь» вместо «вновь оставляя».

В переводе встречаются замены, которые носят характер генерализации, т. е. замены слова с конкретным значением на слово с общим значением: «табун без седока» на 'with no one at their reins' (букв. «никого с поводьями в руках»), «степи» на 'plains' (букв. «равнины»). В данном контексте более общее обозначение является предпочтительным по стилистическим причинам, основанными на рифме и размере стихосложения:

For thirteen years, with no one at the reins,
a stallion led the herd into the plains.

[Khaninova 2009: 3]

В переводе также выделяется преобразование, обратное генерализации — конкретизация, т. е. замена слова с общим значением на слово с узким, конкретным значением: 'stallion' в значении «жеребец» вместо «вожак» в оригинале.

Переводчики нередко жертвуют близостью к оригиналу ради достижения определенного эстетического воздействия и создания художественного образа. Так, в переводе Коупланда есть перестановка предложений / высказываний. В подлиннике — это «и только рассыхается седло — / оно без дела мается давно» [Ханинова 1994: 108], в переводе — 'Now languishing without a proper task / a leather saddle only dries and cracks' [Khaninova 2009: 3] (подстрочный перевод: «теперь томится без работы, / кожаное седло только сохнет и трескается»).

Прагматический эффект в данном высказывании достигается за счет использования лексем с совпадающим значением — 'dries and cracks' (букв. «сохнет и трескается»). Употребление парных синонимов весьма характерно для английского языка.

Связь поколений и трагизм ее разрыва также отражены и в предпоследних строках текста через субконцепт «дедовская плеть» ('Grandpa's idle whip', букв. «неиспользуемый кнут дедушки»). Однако эти семы в оригинале и переводе выражаются по-разному.

Написание слова «Granpa's» ('Granpa'sidlewhip') в английском переводе с прописной буквы не случайно. Оно используется с целью возвышения стиля, передачи глубокой символики, связанной с ностальгическими воспоминаниями и сильными переживаниями всего народа в то тяжелое время.

Переводческие соответствия могут устанавливаться между единицами разного уровня языковой структуры. Так, при переводе последней строки — «ей без него теперь дано стареть» — действие переводится глаголом 'will', который используется не столько для выражения будущего времени, сколько для передачи усиления смысла, описывающего настойчивость этого действия.

В переводе последнего предложения («ей без него теперь дано стареть» / 'where it will age without his steady grip') коннотативное значение сочетания «ей без него» передается стилистически окрашенным и образным 'steadygrip', что буквально переводится как «крепкий захват / сжатие».

В этом контексте сочетание 'without his steady grip' является окказиональным соответствием. В предложенном переводе оно используется в стилистических целях для воссоздания художественного эффекта оригинала.

Тема сибирской ссылки в подлиннике описывается имплицитно, уточняясь в фразе «тринадцать лет». В английском переводе указанное словосочетание переводится дословно 'thirteen years', однако оно дополняется отдельным комментарием переводчика: 'a reference to the thirteen-year exile of the Kalmyk people' [Ханинова 2009: 3]. Подобные разъяснения особенно важны в переводческой практике, так как они знакомят иноязычного читателя с культурно-историческими реалиями того или иного народа.

Таким образом, одной из важнейших проблем при поэтическом переводе остается несовпадение характера поэтического мышления в силу разных представлений о поэтическом самовыражении.

Несмотря на определенные трудности, связанные с передачей ментальных и национально-культурных образов, переводчик Карлтон Коупланд успешно справился с прагматической «сверхзадачей». С помощью различных переводческих приемов амери-

канскому переводчику удалось сохранить и передать поэтическое воздействие данного произведения на англоязычного читателя, обеспечить его полное понимание и желаемую реакцию.

Литература

- Апресян 1994 — *Апресян Ю. Д.* Новый Большой англо-русский словарь: в 3-х т. Т. III. / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М.: Русский язык, 1994. 832 с.
- Комиссаров 1990 — *Комиссаров В. Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Поговорки, пословицы и загадки... 2007 — Поговорки, пословицы и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б. Х. Тодаева. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 839 с.
- Ситник 2004 — *Ситник В. М.* Английские переводы лирики Риммы Ханиновой // Калмыцкий университет. 2004. 28 августа. С. 5.
- Ситник 2003 — *Ситник В. М.* Уровни выражения противопоставленности в английских переводах лирики Риммы Ханиновой // Монголоведение в новом тысячелетии (к 170-летию организации первой кафедры монгольского языка в России): мат-лы междунар. науч. конф. (22–26 сентября 2003 г.). Элиста: КГУ, 2003. С. 85–89.
- Ханинова 1994 — *Ханинова Р. М.* Взлететь над мира суетой: стихи. Элиста: АПП «Джангар», 1994. 240 с.
- Ханинова 2015 — *Ханинова Р. М.* Материнский хлеб: хрестоматия. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. 236 с.
- Ханинова 2006a — *Ханинова Э. М.* Диалог народов в аспекте межкультурной коммуникации: Римма Ханинова — Карлтон Коупланд // «Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе», Российская науч.-практическая конф. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. С. 143–146.
- Ханинова 2006b — *Ханинова Э. М.* Человек, текст и время: лирика Р. Ханиновой в английском переводе // Этнокультурная концептология: сб. науч. тр. Вып. 1. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. С. 324–330.
- Хонинов 2010 — *Хонинов М.* Седло // Герои войны — герои литературы (Писатели-фронтовики Калмыкии о Великой Отечественной войне)

- / сост. Н. С. Нимеева и др. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2010. С. 757–758.
- Хонинов, Ханинова 2015 — *Хонинов М. В., Ханинова Р. М.* Ландшафт истории: хрестоматия по калмыцкой литературе на языках народов мира. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. 238 с.
- Хонинов, Ханинова 2010 — *Хонинов М. В., Ханинова Р. М.* Стану красным тюльпаном: стихи, поэмы, переводы, повесть. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2010. 736 с.
- Khaninova 2009 — *Khaninova R.* «They dreamed of feather grass beneath their feet...» // Калмыцкий университет. 2009. 14 апреля. С. 3.
- Шкурская 2019 — *Шкурская Е. А.* Флористические образы в современной калмыцкой лирике: английский перевод в аспекте имагологии // Монголоведение. 2019. № 2. С. 343–358.

УДК 316.4

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-1-13-238-253

Многоукладность в сельских сообществах Калмыкии (по итогам анкетного опроса 2019 г.)

*Людмила Васильевна Намруева*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник
E-mail: namruevalv@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Намруева Л. В., 2020

Аннотация. *Введение.* В статье рассмотрены основные проблемы сельской многоукладности в Калмыкии на материале социологического исследования, проведенного в мае – августе 2019 г. в девяти районах республики. Одна из задач исследования направлена на определение основных хозяйственных укладов в современных селах региона. *Цель* статьи — ввести в научный оборот результаты массового анкетного опроса. *Результаты.* Проведенный массовый анкетный опрос позволил уточнить факторы, оказывающие влияние на различные сельские хозяйственные уклады, специфичность сельского пространства, когда исчезают привычные формы хозяйствования и появляются новые очертания села. Собственное личное подсобное хозяйство является важным источником доходов семьи. Половина респондентов призналась, что не изменяют интенсивности работы в своем подворье и готовы его увеличить при повышении зарплаты, других социальных пособий. Автор статьи с помощью самооценки сельчан определил товарность/нетоварность семейных подворий, предпринимательскую деятельность владельцев ЛПХ, наличие/отсутствие мотивации сельского населения к ведению крестьянских фермерских хозяйств (КФХ). Многоукладность, виды занятости в различных сферах, уровни доходов сельского населения определяют основные изменения в сельской жизни. Результаты исследования позволили выявить наиболее важные проблемы сельских жителей: отсутствие рабочих мест, финансовые возможности развития хозяйств, доступность государственной поддержки для крестьян, фермеров.

Ключевые слова: многоукладность, аграрная сфера, Республика Калмыкия, сельское население, коллективные сельхозпредприятия, личные подсобные хозяйства, крестьянские фермерские хозяйства

Благодарность. Исследование выполнено в рамках государственной субсидии — проект «Развитие сельских территорий Юга России: комплексный социально-экономический и экологический мониторинг» (регистрационный номер АААА–А19-1190111490037-8).

Для цитирования: Намруева Л.В. Многоукладность в сельских обществах Калмыкии (по итогам анкетного опроса 2019 г.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. №1. С. 238–253. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-1-13-238-253

UDC 316.4

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-1-13-238-253

The diversity of the rural communities in Republic of Kalmykia (based on the results of the 2019 questionnaire)

*Ludmila V. Namrueva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Sociology), Leading Research Associate

E-mail: namruevalv@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2020

© Namrueva L.V., 2020

Abstract. *Introduction.* The article deals with the main problems of rural diversity in Kalmykia based on a sociological study conducted in may-August 2019 in nine districts of the republic. One of the research tasks is aimed at determining the main economic structures in the modern villages of the region. The *purpose* of the article is to introduce the results of a mass questionnaire survey into scientific circulation. *Results.* The mass questionnaire survey allowed us to clarify the factors that influence various agricultural practices, the specific features of rural space, when the usual forms of management disappear and new outlines of the village appear. Personal subsidiary farm is

an important source of income for the family. Half of the respondents will not change the intensity of work in their farmstead and are ready to expand it with an increase in wages and other social benefits. The author of the article using the self-esteem of villagers determined the marketability/non-marketability of family farms, entrepreneurial activity of smallholders, the presence/lack of motivation of the rural population to the maintenance of peasant farms (KFH). Diversity, types of employment in various fields, and income levels of the rural population determine the main changes in rural life. The results of the study revealed the most important problems of rural residents: lack of jobs, financial opportunities for farm development, availability of state support for farmers.

Keywords: diversity, agricultural sphere, Republic of Kalmykia, rural population, collective agricultural enterprises, personal subsidiary farms, peasant farms

Acknowledgement: The study is conducted under the scope of the state subsidy – project “The Development of the Rural Areas of the South of Russia: integrated social-economic and environmental monitoring” (registration number AAAA-A19-1190111490037-8)

For citation: Namrueva L.V. The diversity of the rural communities in Republic of Kalmykia (based on the results of the 2019 questionnaire). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 1. Pp. 238–253. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-1-13-238-253

Введение

В республике сосуществуют хозяйства трех форм собственности: сельскохозяйственные организации (СХО), хозяйства населения или личные подсобные хозяйства (ХН или ЛПХ), крестьянские (фермерские) хозяйства (К(Ф)Х). С начала 1990-х гг. сформирована аграрная структура, куда вошли как малые и средние виды, так и представители крупного бизнеса агроструктуры. Следует заметить, что малые формы хозяйствования — ЛПХ, К(Ф)Х выполняют важнейшую социально-экономическую роль в сохранении и развитии сельских территорий республики в условиях рыночной экономики. Совершенно права Л. В. Бондаренко, когда отмечает, что «развитие многоукладности аграрного сектора России в большей степени напоминает естественный отбор, когда

более жизнеспособный уклад поглощает остальные уклады. Вычисленный вектор развития многоукладности аграрного сектора отражает, что фермерский уклад уже через 15 лет будет сопоставим с остальными аграрными укладами по объемам производства продукции сельского хозяйства, если за это время не произойдет кардинальных изменений в государственной агрополитике» [Бондаренко 2016: 7].

Актуальность рассматриваемого исследования продиктована необходимостью комплексного анализа сельских реалий, позитивных/негативных результатов проводимой аграрной политики, чтобы в дальнейшем разрабатывать рекомендации для органов власти по принятию управленческих решений развития сельских территорий.

Методы

В статье использованы результаты авторского социологического исследования, проведенного в мае – августе 2019 г. в Республике Калмыкия. Выборочная совокупность составила 380 сельских жителей работоспособного возраста, старше 18 лет [Намуева 2019: 938]. Анкетный опрос проведен во время научной командировки по семи районам республики (Ики-Бурульский, Кетченеровский, Приютненский, Сарпинский, Целинный, Юстинский, Яшалтинский районы), осуществленной в мае – июне 2019 г. Также были опрошены жители Октябрьского и Яшкульского районов. Всего опрошено 380 человек. Из них: 38 % — мужчины, 62 % — женщины. Полученные результаты нами будут рассмотрены в зависимости от возраста, по пяти группам: до 30 лет (10,3 %), 31–40 лет (22,0 %), 41–50 лет (26,0 %), 51–60 лет (28,2 %), старше 60 лет (13,5 %). Респонденты-калмыки составляют 53,2 % выборочной совокупности, респонденты-русские — 18,7 %, оставшаяся часть — представители других этнических групп, живущих на территории республики. В зависимости от сферы занятости выборочный массив выглядит следующим образом: 60 % респондентов заняты в бюджетной сфере; 4,1 % являются предпринимателями; 14,2 % работают по найму; 7,2 % — безработные; 12,1 % — пенсионеры; 1,0 % находятся в декретном отпуске.

Сельские хозяйственные уклады в Калмыкии: анализ исследования 2019 г.

В Калмыкии, как и по всей стране, сформирована многоукладная экономика, под которой понимается «сочетание социально-экономических укладов, характеризующихся определенным типом собственности, особенностями управления, принципами распределения дохода и социальным положением человека в обществе» [Шмаков 2015: 77]. В данный период в сельском сообществе Российской Федерации одни исследователи выделяют четыре уклада: государственный, корпоративный, кооперативный и индивидуальный (личные подсобные хозяйства) [Шмаков 2015: 77]. Другие — три уклада. Автор разделяет позицию большинства ученых, которые выделяют в аграрном секторе три основных экономических уклада: сельскохозяйственные организации, крестьянские (фермерские) хозяйства и хозяйства населения [Нефедова 2002, Фадеева 2015]. Далее рассмотрим состояние сельской многоукладности в Калмыкии, используя результаты авторского исследования в возрастном распределении.

Закрытый вопрос, определяющий причастность респондентов к занятию сельскохозяйственным трудом, позволил выявить, какой уклад в настоящее время развит на селе (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Занимаетесь ли Вы сами сельским хозяйством?» (в % по группе)

Варианты ответов	До 30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	Старш. 60 лет	Сред. значен.
1. Работаю в сельскохозяйственном предприятии	3,0	1,0	3,3	5,4	2,5	3,0
2. Занят в своем крестьянском фермерском хозяйстве	5,0	5,6	6,7	6,5	5,1	5,8
3. Работаю по найму у фермера	3,0	7,0	5,6	4,3	-	4,0
[2+3]: работа в КФХ	8,0	12,6	12,3	10,8	5,1	9,7

4. Веду (помогаю) вести личное подсобное хозяйство	36,1	32,1	42,7	43,3	26,0	36,0
5. Сельскохозяйственной деятельностью занимался до развала СССР	-	-	4,4	15,2	23,1	8,5
6. Ни я, ни члены моей семьи не занимаемся сельскохозяйственными работами	54,0	49,3	34,4	19,5	36,0	38,6

Результаты, помещенные в таблицу 1, свидетельствуют, что лишь 3,0 % респондентов работают в сельскохозяйственном предприятии. Это доказательство катастрофического сокращения числа крупных сельхозпроизводителей в республике. Можно утверждать, что коллективный уклад существует, но его количественные и качественные показатели далеки до тех масштабов, которые были характерны советским временам. Крупный, средний сельхозтоваропроизводитель является единственным работодателем, осуществляющим селообразующую функцию. Сельхозпредприятия республики поддерживают социальную инфраструктуру (водообеспечение, электроснабжение, газоснабжение, дороги, культурные объекты и т. д.), которая используется не только в производстве продукции растениеводства и животноводства, но и для обеспечения необходимых условий жизнедеятельности сельского социума.

Респонденты до 30 лет и от 31 до 40 лет никогда не были заняты в аграрной сфере. Чем старше респондент, тем вероятнее, что он сельскохозяйственной деятельностью занимался до развала СССР. Более трети (38,6 %) опрошенных признались, что «ни я, ни члены моей семьи не занимаемся сельскохозяйственными работами». Это свидетельствует о том, что отсутствие селообразующих предприятий заставило людей найти иные виды занятости, которые прежде не были характерны в сельской местности (сфера услуг, торговля, такси).

Рассмотрим, как развит уклад частных хозяйств. Полученные данные показывают, что фермерский (индивидуально-предприни-

матерский) уклад в три раза чаще встречается на селе, нежели коллективный уклад. Исходя из результатов, видно, что независимо от возраста в своем крестьянском фермерском хозяйстве заняты респонденты в равной, совсем незначительной степени, всего 5,8 % по всей выборочной совокупности. Работают по найму у фермера также минимальное число анкетированных (4 %). Суммирование двух вариантов ответов показывает, что в фермерском хозяйстве задействованы наиболее работоспособные респонденты, чей возраст — от 31 до 60 лет.

Относительно уклада личных подсобных хозяйств заметим, что более трети опрошенных (36 %) ведут или помогают вести личное подсобное хозяйство. Активней всех в этом деле сельские жители старше 40 и до 60 лет. Молодежь до 30 лет и старше чуть менее занята в своем подворье (36 и 32 %). Этому укладу характерны такие виды сельскохозяйственной деятельности как животноводство, выращивание овощей и фруктов.

Резюмируя полученные ответы на вопрос «Занимаетесь ли Вы сами сельским хозяйством?», утверждаем, что уклад личных подсобных хозяйств (36 %) опережает другие. За ним следует уклад крестьянских фермерских хозяйств (КФХ) (9,7 % по сумме двух ответов), замыкает тройку уклад сельскохозяйственных предприятий (3 %). Таким образом, наш анкетный опрос показал, что хозяйства населения являются основой сельского сообщества. Принято считать, что село живет, пока функционируют личные хозяйства [Намуева 2017: 88].

Рассмотрим, что, по мнению респондентов, препятствует селянам держать домашнее подворье (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Что мешает вам заниматься домашним подворьем?» (в %)

Варианты	До 30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	Старше 60 лет	Сред. значение
Отсутствие времени, занят(а) полностью на работе	45,9	32,0	27,0	18,1	21,3	28,8

Расходы на него превышают доходы	27,0	45,3	35,3	44,7	31,9	36,8
Нет водопровода	27,0	28,0	31,8	30,0	34,0	30,1
Отсутствие желания трудиться физически	2,7	1,3	5,9	3,2	2,1	3,0
Желание заниматься домашним подворьем есть, но здоровья уже нет	2,7	2,6	4,7	17,0	34,0	12,2
Подворье требует материальных затрат, а их у большинства селян нет	35,1	44,0	28,2	41,5	48,9	39,5
Нет возможности получить кредит на развитие хозяйства	2,7	13,3	14,1	7,4	10,6	9,6

Среди причин, мешающих респондентам вести домашнее подворье, в первую очередь назван материальный фактор. Почти 40 % респондентов указали, что подворье требует финансовых затрат, а их у большинства селян нет. Более трети опрошенных считают, что доходы с подворья не перекрывают расходов. Поэтому сельские жители приобретают в магазинах, мясных магазинах то, что раньше производили на своих участках, подворьях. В супермаркетах, которые стали активно открываться в районных центрах, раскупают продукты питания — молоко, хлеб, картофель, овощи, фрукты, зелень, курятину, мясные изделия и др. Зачастую в небольших магазинах, которые в советское время назывались «сельпо», жители покупают продукты в долг, возвращая его после получения зарплаты, пенсии, других социальных пособий. Но порой долги так и остаются непогашенными, а магазины терпят большие убытки.

В сельских поселениях республики актуальна проблема, связанная с водообеспечением. Почти треть селян указали отсутствие водопровода в качестве основной причины, препятствующей ведению ЛПХ.

Отсутствие времени не дает возможности вести личное хозяйство 28,8 % респондентов. Большая часть нашей выборки пред-

ставлена работниками бюджетной сферы (60 %). Это учителя, врачи, медсестры, работники культуры, госслужащие, которые полностью заняты на работе. Одновременно ежегодно растет число селян, которые организывают свою деятельность в несельскохозяйственной сфере: торговле, строительстве, связи, сервисе, транспорте.

Респонденты старших возрастных групп имеют желание заниматься домашним подворьем, однако здоровье не позволяет им это осуществить. Это косвенным образом показывает, что на селе остались в основном пожилые люди, которые, к сожалению, в силу определенных обстоятельств не могут заниматься привычным для них сельскохозяйственным трудом.

Лишь единицы отметили, что у них отсутствует желание трудиться физически. Личное подворье построено на примитивном ручном труде, поэтому отдельные современные селяне, особенно молодые люди, не готовы ухаживать за домашними животными, убирать хозяйственные помещения.

Каждый десятый респондент считает, что отсутствие возможности получить кредит на развитие хозяйства препятствует развитию своего индивидуального хозяйства. По мнению экспертов, «инвестиции, выделяемые на аграрную отрасль, идут в банки и крупные корпорации. 20 сельскохозяйственных олигархов получают 95 % господдержки. Остальные 5 % делят между собой более 52 тыс. сельскохозяйственных организаций (бывшие колхозы и совхозы), 27 тыс. микропредприятий и более 216 тыс. КФХ. В этой ситуации особенно сложно фермерам, поэтому они не выдерживают конкуренции и вынуждены уходить, в основном, в ЛПХ. Выделяемые правительством гранты фермерам настолько незначительны, что вряд ли помогают развивать хозяйство. В 2017 г. получили кредиты на развитие хозяйства всего лишь 10 % КФХ» [Муханова 2018: 129].

Несмотря на имеющиеся диспропорции в инвестировании сельхозпроизводителей, владельцы личных подворий не имели возможности получить необходимую финансовую помощь. В 2019 г. появилась новая форма государственной поддержки —

гранты «Агростартап» в помощь тем, кто планирует организовать фермерское хозяйство. В отличие от грантовой поддержки «Начинающий фермер» этот грант можно выдавать и владельцу личного подсобного хозяйства, но с условием, что в течение месяца после получения данной поддержки грантодержатель регистрирует свое КФХ в налоговой службе. Максимальный размер субсидии на создание и развитие КФХ — не более 1 млн рублей, а на формирование неделимого фонда сельскохозяйственного потребительского кооператива, членом которого является заявитель, за счет средств субсидии (от 25 до 50 %) — 1,5 млн рублей на одного получателя [Сангаджиева 2020].

Одна из исследовательских задач направлена на изучение товарности личных подсобных, фермерских хозяйств, которая является одним из показателей индивидуальных хозяйств (табл. 3). Т. Г. Нефедова, главный научный сотрудник Института географии РАН, определяет товарность следующим образом: «Если хозяйство продавало более половины того, что производит, оно квалифицировалось как товарное, если менее половины — как малотоварное. Если же все потреблялось в семье, а продажи были эпизодическими, то такое хозяйство относилось к нетоварным» [Нефедова 2002].

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Охарактеризуйте степень товарности продукции своего личного подсобного хозяйства?» (в %)

Варианты	До 30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	Старше 60 лет	С р е д . значение
Продаем более половины того, что производим	-	13,3	10,2	8,8	6,7	7,8
Продаем менее половины	14,3	5,0	3,8	5,1	6,7	7,0
Потребляем продукцию в семье, продаем в небольшом количестве	25,0	20,0	33,3	32,9	16,6	25,6
Потребляем только в семье	60,7	61,7	52,5	53,2	70,0	59,6

Результаты ответов на закрытый вопрос «Охарактеризуйте, пожалуйста, степень товарности продукции своего хозяйства?» с четырьмя вариантами ответов позволяют распределить хозяйства населения по материальному критерию (табл. 5). Полученные данные показывают, что менее десятой части индивидуальных хозяйств являются товарными, так как продают более половины того, что производят. Безусловно, хозяйства этих респондентов благополучны. В возрастном разрезе видим, что более предприимчивы, деловиты молодые хозяева.

Мала доля и тех, кто продает менее половины произведенной продукции. Это свидетельствует о малотоварности хозяйств опрошенных жителей сел республики (7,8 %). Семьи, имеющие небольшое поголовье скота, получающие небогатый урожай овощей и фруктов, продают его лишь в случае крайней необходимости.

Типология Т. Г. Нефедовой нами дополнена одним видом, характеризующим низкотоварность хозяйства. Таковыми являются индивидуальные хозяйства, которые потребляют произведенную продукцию в семье, однако все-таки имеют возможность продавать ее излишки. Четверть опрошенных выбрала эту позицию. Низкотоварными являются хозяйства опытных владельцев, именно так оценили свою деятельность треть респондентов в возрастном диапазоне от 40 до 60 лет. Продажа минимального количества сельхозпродукции позволяет селянам увеличить поступления в семейный бюджет.

Большая часть — 59,6 % респондентов — указала, что произведенную продукцию потребляют только в семье. Следовательно, эти личные подсобные хозяйства являются нетоварными.

Итак, подытожим: меньшая часть выборочной совокупности (14 % — сумма первых двух ответов) развивает товарные хозяйства, приспособившись к рыночной экономике. Владельцы этих хозяйств усвоили стандарты и нормы поведения, характерные для рыночного общества. Для значительной части сельских семей собственное подворье является главным, порой единственным источником доходов. В связи с этим надо отметить еще один важный аспект. Согласно разделяемому нами мнению П. П. Великого, «занятость на подворье, помимо решения вопросов благополучия, яв-

ляется источником сохранения позитивных крестьянских качеств, а сами хозяева подворий могли бы стать субъектами новых или обновленных организационно-правовых форм аграрного хозяйствования» [Великий 2019: 64].

В ходе исследования также определена мотивация сельских жителей к ведению своего хозяйства, которую определяли с помощью закрытого вопроса: «Как бы Вы вели свое хозяйство, если бы зарплату или пенсию Вам повысили в два – три раза?». Считаем, что доход примерно в 20–30 тыс. рублей в 2018 г. на время проведения анкетирования мог устроить большинство сельского населения республики. Мы предполагали, что, если селяне ведут свое хозяйство с целью выживания, то при увеличении доходов они могут его свернуть (табл. 6).

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы вели свое хозяйство, если бы зарплату или пенсию Вам повысили в 2–3 раза?» (в %)

Варианты	До 30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	Старше 60 лет	Сред. значение
При увеличении доходов сократим хозяйство	3,3	8,8	8,4	11,7	15,0	9,4
Будем вести хозяйство как прежде	21,2	32,3	38,5	49,4	47,5	37,8
Расширим хозяйство	66,4	55,9	45,8	31,7	27,5	45,4
Ликвидируем хозяйство	9,1	2,9	7,2	7,0	10,0	7,2

Исходя из результатов, видим, что более трети опрошенных, несмотря на повышение семейных доходов, продолжают вести хозяйство как прежде. На такое решение в большей степени нацелены респонденты старшего возраста. Молодые же респонденты заявляют о своей готовности расширить хозяйство. Именно молодые животноводы понимают, что исконное занятие предков — выращивание поголовья скота — способно поддержать семью, приносить определенные доходы. Можно заключить, что часть молодежи ориентирована на развитие производства, что свидетельствует о сформированном рыночно ориентированном поведении молодых селян.

Обратное действие — ликвидировать хозяйство — предпримет небольшое количество опрошенных. Мало и тех, кто при увеличении доходов сократит свое подворье. По нашему мнению, владельцы малотоварных хозяйств, эпизодически реализующие излишки выращенной продукции, нуждаются в дополнительных источниках доходов в решении насущных семейных проблем (образование детей, медицинские услуги и т.п.). При значительном увеличении заработной платы такие владельцы сократят производство либо ликвидируют личное подворье, занявшись другими видами деятельности.

Еще одной формой малых хозяйств являются крестьянские фермерские хозяйства. О своем желании организовать КФХ заявили более четверти (26,4 %) опрошенных. Нет желания стать фермером почти у половины нашего массива (45,5 %). Рассмотрим подробнее, какова мотивация сельских жителей к ведению КФХ (табл. 7).

Таблица 7. Причины желания вести КФХ (в % по группе)

Варианты	До 30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	Старше 60 лет	Сред. значение
Сельхозпредприятия не могут обеспечить высокие заработки работникам	10,0	7,3	12,5	12,0	21,4	12,6
Условия жизни в селах ухудшаются из-за отсутствия финансирования	50,0	35,5	25,0	64,0	35,7	42,0
Не хочу, чтобы мной командовали не знающие сельское хозяйство руководители	-	16,1	8,3	4,0	-	5,7
У меня есть знания, силы и способности сделать свое хозяйство доходным	30,0	6,5	37,5	16,0	7,1	19,4
Я могу оставить своим детям в наследство рентабельное хозяйство	10,0	22,6	16,6	4,0	35,7	17,8

Основная причина стремления вести КФХ связана с тем, что в связи с ухудшением условий жизни в селах некоторые селяне видят выход из этого положения в организации своего фермерского хозяйства. Пятая часть выборочного массива заметила, что обладает необходимыми знаниями, силами и способностями, что позволит сделать собственное хозяйство доходным. Почти каждый восьмой респондент заметил, что из-за финансовой слабости сельхозпредприятий готов организовать свой хозяйство. Несколько меньшее количество респондентов считают, что способны оставить своим детям в наследство рентабельное хозяйство.

Таблица 8. Причины отсутствия желания организовать КФХ (в %)

Варианты	До 30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	Старше 60 лет	Сред. значение
У меня нет желания вести частное КФХ	50,0	52,6	36,0	40,9	40,6	44,0
У меня нет средств (денег, скота, техники) для начального этапа и их негде взять	61,1	39,5	56,0	36,1	37,5	46,0
Не хочу рисковать тем, что уже имею в своем личном подсобном хозяйстве	16,7	23,7	26,0	23,0	12,5	20,4
Администрация района (хозяйства) не спешит навстречу желаниям работников взять землю для ведения КФХ	-	5,3	4,0	4,9	3,1	3,5
У меня нет экономических знаний, коммуникативных способностей для успешных взаимоотношений с учреждениями (банками, налоговой службой и т.д.)	5,6	15,8	8,0	11,5	9,7	10,1
У меня нет уверенности в том, что смогу вписаться в рынок, КФХ сможет приносить доход	5,6	13,2	18,0	26,2	15,6	15,7

В двух группах молодых респондентов половина не желает заниматься крестьянским хозяйством. В целом 46 % опрошенных отмечают, что у них нет средств (денег, скота, техники) для создания фермерского хозяйства. По мнению каждого шестого респондента, он не уверен в том, что сможет вести успешно КФХ, которое будет приносить доход.

Заключение

Таким образом, в республике действует многоукладная сельская экономика, которая основывается на сочетании различных форм собственности и хозяйствования и характеризуется разнообразием видов, объемов, масштабов, результативности сельскохозяйственной деятельности субъектов агробизнеса.

Проведенный анализ показал, что работа в частном хозяйстве является для сельчан реальной возможностью улучшить материальное положение семьи. Следует учесть, что половина опрошенных селян готова расширить свое хозяйство в случае увеличения зарплаты, социальных трансфертов. Это во многом объясняет положительный тренд в динамике производства продукции сельского хозяйства в индивидуальном секторе, наблюдавшийся в период с середины 2000-х гг., который во многом произошел вследствие таких позитивных аграрных преобразований в стране, как улучшение государственного субсидирования агропромышленной сферы, расширение возможностей развития личных подсобных хозяйств и крестьянских (фермерских) хозяйств. Однако необходимо отметить, что острые социальные проблемы (безработица, низкие зарплаты, трудовая миграция), стоявшие перед селом в 1990-е гг., не потеряли своей актуальности и спустя два десятилетия.

Литература

- Бондаренко 2016 — *Бондаренко Ю. П.* Перспективы многоукладности аграрного сектора России // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2016. № 1. С. 1–8.
- Великий 2019 — *Великий П. П.* Социальная дифференциация в сельских сообществах: опыт социологического исследования // Устойчивое

- развитие сельских территорий. Стабильная социально-экономическая структура села как предпосылка устойчивого развития сельских территорий. Краснодар: КубГАУ, 2019. С. 51–64.
- Муханова 2018 — *Муханова М. Н.* Сельское население в структурах неформального сектора на рынке труда АПК // *Власть*. 2018. № 5. С. 125–132.
- Намруева 2014 — *Намруева Л. В.* Влияние производственной ниши на изменение этничности // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2014. №2. С.109-114.
- Намруева 2017— *Намруева Л. В.* Сельские территории Республики Калмыкия: динамика изменений // *Современное село Калмыкии: социологический срез*. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2017. 180 с.
- Намруева 2019 — *Намруева Л. В.* Взаимодействие коллективного и семейного укладов в южнороссийских селах (по материалам исследования 2018 г.) // *Logos et Praxis*. 2019. 2. С. 134–141.
- Нефедова 2002 — *Нефедова Т. Г.* Три уклада современного сельского хозяйства России: специфика и взаимодействие // *Вестник Евразии. Acta Eurasica*. 2002. № 1 (16). С. 7–26.
- Сангаджиева 2020— *Сангаджиева В.* «Агростартап» поможет стать фермером // *Хальмг унн.*. 2020. 22 января. С. 3.
- Шмаков 2015— *Шмаков В. С.* Факторы устойчивого развития сибирского села: многоукладная экономика // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия*. 2015. Т. 13. Вып. 2. С. 77–82.
- Фадеева 2015 — *Фадеева О.П.* Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию / под ред. З.И. Калугиной. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015. 264 с.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**БЮЛЛЕТЕНЬ
КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН
BULLETIN
OF THE KALMYK SCIENTIFIC CENTER OF THE RAS**

Главный редактор: Куканова В. В.

2020. № 2

Редактор *Саряева Р. Г.*
Переводчик *Момолдаева Т. М.*
Компьютерная верстка *Татнинов Д. В.*

Дата выхода 28.12.2020. Формат 60x90/16.
Усл. печ. л. 14,76. Тираж 100 экз. Заказ 15-20.
Подписной индекс 39464. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,

Тел. +7(84722) 3-55-06
Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>
E-mail: publ.kscras@gmail.com

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8